

- Гарро
 - Джеймс Своллоу
 - Джеймс Своллоу
 - Серый Ангел
 - Бремя Долга
 - Меч Истины
 - Часть I
 - Часть II
 - СИГНАЛИТ
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15

ГАРРО

(Аудиопостановки)

Джеймс Своллоу

ОСОБЫЙ ОБЕТ

Калт пылал. В глубине системы Вериган, под враждебным светом раненого солнца, война, каких еще не бывало, достигла планеты — война, чье эхо отзвучивалось по всей Галактике, война, что навсегда изменит облик человечества. На выжженных лугах с почерневшей травой, в развалинах безмолвных городов, в мрачных скалистых ущельях и на обледеневших отмелях брат сражался с братом.

Ультрадесантники, сыны великого тактика, примарха Робаута Жиллимана^[14], стянулись в систему Вериган для подготовки своих сил к сражению. Их командующий, верный воин Империи, собрал лучших из Астартес Тринадцатого Легиона и их войска поддержки из Ультратарских полков Имперской армии. Он сделал это по приказу своего брата, Воителя Хоруса, сделал без колебаний или сомнений.

Платой за верность стало предательство
--- невероятно подлый удар.

Вместо ожидаемой битвы, схватки,
к которой Хорус велел ему подготовиться,
с небес, вслед за кровью и смертью,
обрушились дикие крики.
Воины Семнадцатого Легиона Лоргара,
фанатики Несущие Слово, пришли, чтобы
убивать. И в нарушение своих клятв
Императору Человечества, с еще не
просохшей на доспехах краской кроваво-
черного цвета их новой предательской
верности Хорусу, Несущие Слово ударили
своих братьев в спину и разметали
Ультрадесант по всем сторонам света.

И теперь пламя держало Калт в
сияющих когтях бурлящего газа,
гигантских пылающих струях, что
протянулись вдоль всех широт и разогрели
небо. В атмосфере планеты бушевали
последствия массированного обстрела
термоплазменным оружием и
водородными бомбами. Тонкий слой
хрупких небес был разбит, и ущерб был
непоправимым. Каждый новый рассвет
приближал Калт к смерти, пока в конце-

концов на нем не останется ни глотка
чистого воздуха.

Лейтенант Олан сомневался, что в
этом пекле он дотянет до следующего
рассвета. Как и его люди, Олан родился на
Эспандоре, бывшем, наряду с Калтом,
одним из многих миров Ультратарской
Коалиции. И в прошлом, как и они все, он
пожелал встать на защиту своего
Империя и своего Императора. Олан с
гордостью носил эмблемы аквилы и
Ультратара. Хоть ему и не хватило
стойкости, чтобы стать Астартес
Ультрагесанта, он, тем не менее,
справлялся с возложенными на него
задачами. И, почему-то, даже в самые
черные дни битв Великого Крестового
Похода, Олан никогда не боялся за свою
жизнь. Он не считал это
самонадеянностью, просто он никогда не
встречал врага, столь могучего, что его
не могло победить мужество Ультратара.
По крайней мере -- до сегодняшнего дня.

Олан никогда не сходил в бою с
Агентус Астартес, и не было никаких
оснований считать, что такое вообще

может случиться. Было глупо даже думать об этом, как невозможно было вообразить, что один-единственный костодесантник способен восстать против своего повелителя. А уж предположить, что целый Легион или даже примарх в поисках личной славы может обратиться против Императора... Если кто-нибудь из его бойцов сказал бы такое, хохот Олана заглушил бы их всех. Теперь же стаялись только их убийцы.

Когда появились Несущие Слово, они принесли с собой смерть. На глазах Олана от первого шквала огня погибли сотни людей. Он видел, как Ультрадесантники, не расчехляя оружия, двинулись, чтобы приветствовать неожиданно появившихся собратьев, и как они, не успев сойти с места, были предательски убиты в мгновение ока. Лучшие из лучших Ультратара, люди и Астартес, дрогнули под ударом, пришедшим, как гром среди ясного неба. Ошеломленные, они рассеялись по Калтү, а сыны Лоргара в это время набросились на планету и предали ее огню, как если бы целый мир и каждое живое

существо в нем было огромной огненной
гекатомбой.

Последним, с кем связывался отряд
Олана, был патруль на бронетанках,
двигавшийся на север в направлении
столицы Нутинус. Экипажи танков
рассказали солдатам о перегруппировке
войск в пещерных городах — местах под
километрами камня и стали, где можно
было выжить, несмотря на портящуюся
атмосферу Калта. И Олан со своими
людьми бросился в путь, рассчитывая
совершить быстрый рывок до пещер через
поля ужасов. Это была хороший план. Но он
провалился, когда появились чудовища.

Они выплеснулись из ледяного
сутрака, выбравшись из своих укрытий в
руинах пылающего костюпорта. Олан
сражался с чужими, но эти отличались от
любой породы ксеносов, которую он мог
припомнить. Пульсирующие, изменчивые
существа ухали и лаяли, тянулись
когтистыми щупальцами и разевали
зубастые воронки ртов. Они сочились ядом,
растворявшим плоть людей, и
таращились скоплениями глаз, от одного

взгляда которых застывало сердце. У
ничто — самое худшее в них — казалось
отчасти напотивавшим человеческих
существ, только рассматриваемых через
отрагательную линзу безумия и скверны.

Когда они напали снова, на ум пришло
слово. В эти далекие от религии времена
человеческой империи им пользовались
лишь немногие. Он слышал однажды, как
покойный дед бормотал его в моменты
старческого помутнения рассудка, а
может — и его прояснения. Демон. В
расцвете лет старик был звездным
торговцем, и в безумии варп-пространства
он подгледел тайны, преследовавшие его до
гроба. На глазах юного Олана, просто
сказав это слово, он еще на шаг
приблизился к смерти.

Наблюдая за убывающим зарядом лаз-
ерного пистолета с мрачным пониманием, Олан
осознавал, что очень скоро воссоединится
со своим стариком. Существа наступали,
и он собрал последние силы, бросив бойцам:
"Не тратьте впустую ни один выстрел!
Пусть это заплатит за всех, что они
забрали!" Кошмарные отродья ворвались в

ряды бойцов, как ураган, повергая их наземь, пожирая заживо. Пистолет в руках Олана раскалился докрасна, но они все не кончались. Самые большие из них кричали и визжали, пируя над пагшими. Упав постепенно солдаты оказались в кольце, которое смыкалось все туже по мере того, как рдели их ряды.

Затем сверху, на крыльях из серой стали, пришло спасение.

"Грозовая птица", упав из горящих облаков, как огромный орел, накрыла сражение своей тенью. Сверкающий огнями десантный катер начал разворот, стоя на столбах белого пламени. На короткое мгновение он полностью завладел вниманием Олана. Корабль, несомненно, принадлежал Астартес, и все же, как Олан ни пытался, он не мог узнать символику. Не было ни кроваво-красного окраса предателей Несущих Слово, ни ярко-голубой масти Ультрадесанта. Он был цвета призраков. Ржавый побитый люк со скрипом распахнулся, и из него выпрыгнула вниз гигантская фигура в броне того же оттенка, что и у "Грозовой Птицы".

Корабль унесся прочь, а огромный воин приземлился с оглушительным ударом, сила которого убила пару клыкастых чудовищ.

Олан увидел мерцание огромного меча в человеческий рост, который серая фигура извлекла из ножен на спине. Держа в другой руке болтер черно-изумрудной расцветки, воин бросился в рукопашную. Меч взлетал и падал, взлетал и падал, болтер грохотал, каждый мощным залпом разнося противостественных тварей на рваные кровавые ошметки. Чудовищные существа, как один, развернулись к воину, почувствовав, откуда исходит наибольшая угроза. Но это был не солдат, не обычный человек. Фигура в светло-сером керамическом доспехе была Агентус Астартес, и она шла сквозь ряды своих врагов, как ангел смерти. Позади него не было криков, он оставлял за собой только смерть, прореживая поголовье наседавших на него чудовищ. Олан выкрикнул приказ, веля своим бойцам поддержать сражавшегося воина, но тому это было не нужно. В одиночку он преуспел там, где десятки солдат утерли

в бесплодных попытках, он -- один.

Когда все было кончено, воин направился к ним, и Олан не смог удержаться и не попятиться назад. На поле боя он много раз видел Астартес, но никогда -- так близко и никогда -- таким нависающим над ним, с холодным вниманием оценивающим его через изумрудные линзы хмурого боевого шлема. Астартес небрежно взмахнул мечом, стряхнув мерзкую кровь, пятнавшую лезвие, и вернул его в ножны. Перед тем, как тот исчез из вида, Олан заметил слово Высокого Готика, вытесненное на металле -- Libertas, Вольнолюбец.

(Астартес): "Ты здесь командуешь".

Это не было вопросом. Олан натянул кобуру, сильнее сжимая рукоять лазерного пистолета. Он не рискнул вернуть оружие в кобуру, боясь, что Астартес может принять любое внезапное движение за атаку и отреагировать соответственно.

(Астартес): "Лейтенант, мне нужна информация".

(Олан): "Конечно. Примите нашу благодарность. Вы здесь как часть

покрепления или...?"

Воин поднял руку, призывая его замолчать.

(Астартес): "Двадцать Первая рота Ультрагесанта под командованием брата капитана Эриксона Гайюса. Скажи мне, где их найти".

Астартес не повышал голос, и все же рука Олана начала подзывать помощника с воксом еще до того, как он понял, что выполняет приказ. Он замер в нерешительности.

(Олан): "Можете сказать нам, что происходит? Несущие Слово...они напали на нас. Мы перехватили сигнал.... Люди говорят, что воины Лоргара пошли против Императора".

Сказав это вслух, Олан окончательно осознал весь ужас ситуации и вздрогнул.

(Астартес): "Все хуже, чем ты думаешь. Итак, где капитан Гайюс?"

Лейтенант отдал информацию. В последний раз Двадцать Первую роту увидели на западных окраинах Нутинуса. Мгновенно охватив взглядом отрывочную карту данных, бывшую в распоряжении

Олана, Астармес наградил его коротким кивком и пошел прочь. Олан внезапно понял, что он их покидает.

(Олан): "Сэр, подождите..."

Что-то в Астармес и его броне выбивалось из общего ряда, и, рассмотрев его еще раз, лейтенант понял, почему. Экипировка воина включала в себя богатый нагрудник с темной и золотой отделкой, на груди распростерлась голова яростного орла, а позади шлема возвышалась тяжелая пластина брони в форме еще одной хищной птицы. Но, как ни странно, все остальные детали отсутствовали. Каждый воин из Легионов Агентус Астармес гордо носил свои цвета, а также имел на наплечнике доспехов символ своего братства. У этого не было ничего. За исключением немногих вкраплений темной отделки, его броня от шлема и до подошв была однородно-серого цвета и лишена символики.

(Олан): "Кто вы?" Астармес замер. "Можете сказать, перед тем как уйдете? Назовите хотя бы имя и Легион воина, который спас наши жизни".

Какое-то мгновение Астартес медлил, затем поднял руки и снял свой шлем. Бледное аристократическое лицо, чисто выбритое, покрытое шрамами, посмотрело на Олана тревожными, угрюмыми жизнями глазами".

(Астартес): Меня зовут Натаниэль Гарро, и я сам себе Легион".

Ультрагесантники Двадцать Первой держались уже который день, и, честно говоря, теперь они были ротой лишь по названию. Они оказались на переднем крае первой атаки Несущих Слово, и им выпала участь увидеть смерть столь многих боевых братьев. Капитан, герой Хидиерского восстания, Твердый Гайюс, Непоколебимый Гайюс, сплотил их перед лицом страшных потерь. Он вел их в битву словом и делом, и, предъявив правду на кровь, они взяли с предателей плату. Но недостаточную, все еще недостаточную. У

сейчас, отрезанные от связи со своими
собратьями, они удерживали один из
железнодорожных подходов к городу.
Нүтинүс и ждали, когда эта новая война
дотянется до них в очередной раз.

Брат Рүбио поменял положение
тела. Бдительный и неподвижный, он
стоял среди рядов импровизированных
баррикад, по приказу капитана позволив
имплантированному в мозг
каталептическому узлу избавить его от
потребности во сне. Перед ним уходили
вдаль магистрали стальных рельсов,
частью по по поверхности, частью исчеза
в подземных проходах. Железные дороги
входили в социальную инфраструктуру
Калта, соединяя сеть городов, как на
поверхности, так и под землей. За его
спиной зияла широкая пасть тоннеля,
пробитого в сплошной стене огромной
черной скалы, а далеко за ней лежала
столица. Остатки Двадцать Первой войны
стояли на пути, которым должен был
пройти любой неприятель, собиравшийся
захватить Нүтинүс.

И враги пытались. Все началось с

многочисленных войск обычных людей, культистов, собранных Несущими Слово на удаленных мирах, ввергнутых в безумную жажду убийства и выпущенных против Астармес. Эти порабощенные звали себя "Братством Ножа" и, несмотря на всю слабость их подготовки, они брали количеством. Простреливаемая зона перед баррикадами была покрыта ковром из их тел -- трупами в мантиях с капюшонами, похожими на монашеские фигуры старых культов. На их обгоревшей коже виднелись ритуальные татуировки из линий и звезд. Ультрадесантники перехватили их, скосили, пока они безрассудно бежали под дула Астармес, втаптывая своих навиших в кровавую грязь. Атака была отбита, но за это пришлось заплатить свою цену.

Рубио заметил движение и склонил голову. Из теней перевернутого грузовика появился его командир.

(Гайюс): "Брат, -- капитан Гайюс тахнул етү, отзывая с поста, -- пора".

(Рубио): "Кто-нибудь должен остаться в дозоре, сэр".

Внезапно, Рубио ощутил

стесненность в груди, сожаление. Его скорбь, как в зеркале, отразилась на лице Гайюса. Дыхание капитана вилось из рта тонкой дылкой пара.

(Гайюс): "Кто-нибудь останется. Но сначала мы должны отдать должное нашему брату".

Рубио трачно кивнул и убрал свой болтер, пристраиваясь за капитаном, чтобы последовать за ним в глубину тоннеля, где отблески люм-сфер проливали озерца слабого желтого света.

Покойный брат Миллиус лежал внутри круга обступивших его собратьев. Броня Апотекария, контрастно-белая на фоне насыщено-голубых доспехов стоявших вокруг него воинов, была запачкана потеками крови. Страшная рана, послужившая причиной смерти, раскроила его корпус поперек — подарок культиста, прорвавшего строй и покончившего с собой при помощи ранца с взрывчаткой. Миллиус был последним из тех, кто погиб, и смерть его была внезапной. Апотекарий был прекрасным

человеком доброго нрава, другом каждому из них. Его потеря загела воинов Двадцать Первой сильнее, чем все предыдущие смерти.

(Гайюс): "Во имя Ультрамара и во имя долга, во имя прошлого и во имя будущего, во имя Терры и Императора ни один из наших братьев не будет забыт".

Гайюс повторил слова, которые произносил уже в который раз, и аккуратно приложил к телу Миллиуса регулятор, благоговейно извлекая прогеноидные железы с геносеменем. Их отвезут обратно на Маккраг, в крепость Ультрадесанта, и добавят в хранилище генетического материала Легиона — наследства будущим поколениям Астартес. В этом смысле Миллиус продолжит жить, но в настоящий момент Рубио видел лишь смерть и тьму. Он безмолвно попрощался с товарищем и еще раз проклял сынов Лоргара за их вероломство. Подняв глаза, Рубио поймал на себе внимательный взгляд капитана Гайюса.

Капитан обратился ко всем ним: "Сородичи, это время испытаний. Мы не

можем знать, что за безумие овладело
Лоргаром. Мы не знаем судьбы наших
братьев и нашего примарха. Но то, что
мы точно знаем -- это наш долг". Он обвел
рукой окрестности. "Наш долг --
защищать этот подход к городу, не
пустить в него врага. Это были последние
слова, что сказал нам Жиллиман.
Миллиус отдал жизнь, выполняя этот
приказ -- как и мы, если это потребуется".

В глубине себя Рубио кипел от гнева.
Его ярость не имела определенной цели,
подстрекаемая бессмысленным безумием
культистов-смертников, предательскими
Несущими Слово, даже самим собой, своей
неспособностью защитить боевых братьев.
Но он был Ультрагесантником, и открыто
говорить о таких вещах было ниже его
достоинства. Вместо этого он протолчал
и кивнул.

Гарро стремительно двигался через

обезображенные поля, его
усовершенствованные легкие втягивали
холодный отравленный воздух последнего
дня Калта. Вдалеке виднелись огни жилых
башен и клыки ульев, выраставшие из
утесов темного камня. Город Нүтинүс
вытянулся до самых небес, и столь же
глубоко погрузился в пещеры под
поверхностью планеты. Однако,
приблизившись, воин увидел выстрелы
плазмы, окутывавшие некогда величавые
минареты, и яркие розовые отблески
дистанционного лазерного обстрела. На
ходу Гарро размышлял, как долго
продлится битва на Калте. Экстремисты
Несущие Слово ввязались в сражение,
которое будет доскональным испытанием
всех их способностей. Ультрадесантники
не были легкой мишенью, они числились
среди самых натренированных и
высококвалифицированных Агенты
Астартес. На любом поле сражения эти
качества будут достойным ответом
жестокоту, фанатичному пылу воинов
примарха Лоргара.

Война, бушевавшая на Калте, была

миниатюрным отражением гражданской войны Хоруса Луперкала, но, как и в случае более масштабного конфликта, пылавшего между звезда, было неясно, чем она может кончиться. Тем не менее, судьба Калта не была той причиной, по которой Натаниэль Гарро прилетел на эту планету. Его миссия имела другую цель.

Сколько времени прошло с тех пор, как Натаниэль стоял под земным светом и получал свои приказы — там, в галерее Цитадели Солнуса, что покоилась в объятиях сурового безвоздушного лунного пейзажа? Казалось, что вечность... Повсюду вокруг него, скрадывая все остальные оттенки, светились монохромным цветом огромные просторы Моря Кризисов. Спутник Терры стал для Натаниэля Гарро тюрьмой. Судьба предназначила ему, где он родился, постоянно быть у него на виду, но вне

пределов его досягаемости.

Сколько времени он провел здесь? Дни сливались друг с другом, и в отсутствие цели они были пыткой. Он нахмурился и, не обращая внимания на судорогу боли в аугметической ноге — недавнем дополнении к его организму — уставился в темноту. Где-то там, в черной и бездонной пустоте, бушевала война, но Гарро и его люди знали лишь молчание Цитадели. Ему не было конца. Он чувствовал, как с каждым оборотом планеты оно поглощает еще одну крупицу его души. Для Астартес такое вынужденное бездействие было подобно яду.

(Голос): "Боевой капитан Гарро".

Он обернулся на звук голоса. Фигура с лицом, скрытым под капюшоном, молча пересекла комнату, и Гарро был уверен, что еще мгновение назад он был здесь один. Однако он узнал голос, и это объяснило все.

(Гарро): "Великий Малкадор. Я явился по вашему вызову, Лорд Сигиллит. Чем я могу служить вам?"

Малкадор слегка улыбнулся, прерывая

чеканное приветствие Гарро: "Мне вспоминается, что, когда мы виделись здесь в последний раз, ты был зол на меня. Я видел цвета твоей ярости, сильные и яркие, как зарница".

(Гарро): "Стоит ли винить меня?" Гарро напрягся. "Я пересек световые годы на украденном боевом корабле, смотрел в дула орудий собственных боевых братьев, и ради чего? Чтобы донести предупреждение о предательстве, которое вы уже предвидели? Чтобы встретить недоверие и подозрения? Простите, если я пребываю в плохом настроении".

Улыбка Малкадора стала шире, и Гарро ощутил призрачный след психического прикосновения, прошедшего сквозь него. Не считая самого Императора, Малкадор был самым могущественным псайкером из ныне живущих людей, и стоять перед ним означало быть прозрачным, как стекло. Утаить что-либо было невозможно. Гарро столкнулся с этим и не отступил. Ему нечего было скрывать. Малкадор знал о нем всю правду. Бывший когда-то капитаном роты

Четырнадцатого Легиона Астартес, Гвардии Смерти под командованием примарха Мортариона, Гарро ушел в бега. Он сохранил верность клятвам, когда их нарушили все, кто был вокруг него. Когда его повелитель и его сородичи заявили о своей верности изменнику Воителю Хорусу, именно Гарро остелился не согласиться и совершил отчаянный вояж через космос, чтобы донести весть об этом колоссальном мятеже до Императора.

(Малкадор): "Натаниэль, за свою верность ты заплатил высокую цену: твой Легион, братские узы, жизни твоих людей. Однако, ты все еще хранишь ее".

(Гарро): "Я Астартес Императора, --- ответ последовал незамедлительно, --- и я не могу этого изменить".

Сигиллит кивнул: "Но без цели Астартес --- ничто. Воин без войны --- вовсе не воин".

Вопреки собственным намерениям, Гарро почувствовал, как возвращается раздражение: "У меня есть цель. Что бы ни направляло нас --- человеческая воля, судьба

или некая высшая сила, я знаю вот что: есть некий замысел, по которому я остался жив, так же как был слыс в том, что я принес предупреждение, что был единственным, кто устоял, пока мои собратья приняли бунт всей душой". Он обвел рукой вокруг себя: "Но пока вы держите меня в этом загоне, вы не даёте мне шанса его понять".

Когда глаза Малкадора встретились с его взглядом, по спине Гарро пробежал холодок, как если бы на его душу упала тень. В этот момент до него дошло, зачем Сигиллит внезапно затребовал его присутствие в этом месте.

(Малкадор): "Там будет видно, каким замыслом ты будешь служить. Действительно, ты Астартес, и этого не изменить. Но ты больше не в Гвардии Смерти. Ты призрак, тень, что пребывает меж светом и тьмой, пойманная посреди сутрака. И мне нужны такие люди".

(Гарро): "Тогда дайте мне задачу, Сигиллит. Я прошу лишь этого и ничего больше. Позвольте мне исполнить то, для чего я предназначен".

И, видя такое рвение, Малкадор дал Натаниэлю Гарро именно то, чего тот хотел.

В воображении Рубио разворачивался момент смерти его боевого брата. Он слышал отзвуки голоса Миллиуса в порывах завывающих ветров Калта. Апотекарий выкрикнул предупреждение за мгновение до мощного взрыва, который разорвал его тело и окончил его жизнь. Рубио видел бегущего культиста, заметил в тот самый момент, когда в болтере кончились заряды. В эти драгоценные мгновения, пока он вставлял новый магазин и наводил оружие, ему не хватило скорости, чтобы спасти друга. Сцена смерти пылала, как злое клеймо, которым жгло его чувство вины.

Трагедия заключалась в том, что он мог остановить культиста. С болтером или без, Рубио мог сделать это усилием

мысли, но сейчас такие вещи были под запретом. Когда-то, казалось, что в другой жизни, Рубио представлял из себя больше, чем сейчас. В настоящее время он был обычном Астартес из тактического подразделения, но раньше... раньше он гордо носил на наплечнике череп и свиток — эмблему звания когициария, знак боевого псайкера на службе Ультрагесанта. Некогда Рубио и его собратья были грозой любого поля боя, и в его присутствии напрягались даже его товарищи-Астартес. Когда-то мощь варна струилась с кончиков его пальцев, актиническое свечение телекинетических молний несло гибель врагам человечества, и неисчислимым противников сметало прочь чистой мощью его разума.

Но не сейчас, после собрания на Никее и изгнания Императором Decree Absolute. Многие полагали, что облагающие даром Рубио, или, как считали некоторые — его проклятием, отстояли от колдунов всего на один шаг. Их улы были открытыми дверьми для губительных сил, готовых дотянуться из тьмы и поглотить их. И на

Никее, на почве страха или ревности, эти голоса в конце-концов одержали верх. На конклаве своих сыновей-примархов Император Человечества приказал, чтобы все псайкеры Легионов Астартес — каждый эписистолярый, кодициарый или библиарый — воздерживались от применения своих способностей и вернулись к несению обычных обязанностей рядом со своими боевыми братьями.

Рубио проявил преданность и послушание. Он сделал так, как ему приказали, сдав свой психический капюшон и силовой меч. Его официальный статус обнулится, он согласился на перевод и не испытывал сомнений. Но крайней мере, поначалу. Но теперь, со смертью Миллиуса, он потерял покой. Каждый фибром своей души Рубио знал, что, позволь ему в полной мере использовать сверхъестественные способности, и Апотекарий все еще был бы жив. "И сколько еще других, — думал он, — чьих смертей можно было бы избежать, скольких врагов уничтожить благодаря мощи псайкера?"

(Гайюс): "Ты чем-то обеспокоен."

брат?"

Рубио отвлекся от самокопания и обнаружил стоявшего над ним капитана Гайюса.

(Рубио): "Ничего важного, сэр".

Это была жалкая ложь и капитан выгел это.

(Гайюс): "Я знаю, о чем ты думаешь, друг. И еще я знаю, что ты один из лучших ультрагесантников, которыми мне выпала честь командовать -- независимо от того, какие из своих талантов ты применяешь". Гайюс положил свою руку ему на плечо: "Отвага и честь, Рубио. Мы следуем слову Императора и Жиллимана до самой смерти".

(Рубио): "Отвага и честь, брат-капитан, -- повторил за ним Рубио, но лозунг не вызвал отклика в его душе. -- Просто я..."

(Голос): "Нарушитель!"

Его прервал неожиданный предупредяющий крик одного из Астартес за пределами баррикады. Был замечен нарушитель -- воин, приближавшийся к рубежам обороны с

оружием наготове. Гайюс бросился туда
бегом, и Рубио последовал за ним, взводя
болтер.

(Гайюс): "К оружию! Приготовиться к
контакту с противником!"

Рубио разглядел в сумерках
целеустремленно направлявшуюся к ним
фигуру в силовой броне, чьи размеры
невозможно было с чем-либо спутать.
Ультрагесантикам сильно аукнулось
предательство Несущих Слово, и они не
собирались быть столь же доверчивыми во
второй раз. Но, когда фигура вышла на
свет излучающих сфер их баррикад, Рубио
увидел не темную медь и эмблемы
предателей, а броню цвета грозových
облаков.

(Рубио): "Астартес, но без цветов
Легиона..."

Резким рубящим жестом Гайюс дал
своим людям сигнал прицелиться и
выкрикнул: "Ученем Императора,
остановись и изложи свои намерения!"

Фигура в сером неторопливо убрала
болтер и оглядела шеренгу
Ультрагесантников, каждый из которых

был на волоске от того, чтобы пристрелить его.

(Гарро): "Капитан Гайюс, тебя непросто разыскать".

Пренебрегая нацеленным на него оружием, Астартес смело прошел через баррикады и встал лицом к лицу с командиром Ультрагесанта. Все, что Рубио мог сделать — это затаить дыхание, пока его психические чувства тянулись и оценивали новоприбывшего. Возможно, воин почувствовал это, так как его шлем повернулся, и бездонные глазные линзы внимательно оглядели кодициария.

(Гайюс): "Назови свое имя и звание".

(Гарро): "Как пожелаешь, хотя я гарантирую — они ничего тебе не скажут. Я Натаниэль Гарро, а что касается звания, то у меня его нет".

(Рубио): "Тогда кто ты?" Рубио разглядывал Гарро в течение долгого момента. "Ты стоишь перед нами в новенькой броне, лишенной символики, и это на поле боя, где враги — те, кого мы когда-то называли собратьями. Ты заигрываешь со смертью, Гарро, как какой-

нибүдү древний странствующий рыцарь".

Когда Гарро заговорил снова, в его голосе слышался слабый намек на улыбку: "Этот титул будет не хуже любого другого, брат".

(Гайюс): "Если ты не сын Ультрамара и не из предательских ублюдков Лоргара, тогда что ты делаешь здесь, на Калте?"

Гайюс холодно посмотрел на нарушителя: "Здесь командую я, и ты дашь мне ответ!"

(Гарро): "Я не оспариваю твое лидерство, но мои полномочия выше. Смотри..."

Он слегка наклонился, и в отблесках осветителей на его наплечнике стала видна скрытая руна, стилизованная "J"^[15], выгравированная на уровне атомной структуры керамической оболочки мезонным пучком.

(Рубио): "Печать Малкадора!"

Рубио знал символ. Как и все они. Это была личная метка Регента Терры, и те, кто носили ее, представляли человека, бывшего самым доверенным лицом Императора. Руна позволяла Гарро бывать

езде, где он хотел, и, будучи
инструментом воли Малкадора,
отменять любое распоряжение, даже
приказ высокопоставленного офицера.
Резкий вдох капитана Гайюса сказал
Рубио, что мысли его командира шли в
том же направлении.

(Гарро): "Моя миссия на Калте -- это
воля Сигиллита и Императора, лорд
капитан. Это все, что тебе в настоящий
момент нужно знать".

Твердый взгляд Гайюса не дрогнул.
"Да будет так. Но предупреждаю -- не
вмешивайся в мою миссию. Твоя метка не
защитит тебя, когда отступники пойдут
на прорыв".

Капитан ушагал прочь, и Рубио снова
ощутил на себе взгляд Гарро.

(Гарро): "Ты брат-кодициарий Тайлос
Рубио?"

(Рубио): "Я просто брат Рубио и
ничего более".

(Гарро): "Как скажешь".

В слабом свете звезд, отраженном от лунной поверхности, лицо Малкадора казалось возвышенным и безмятежным. Он сделал знак рукой: "Преклони колени, Натаниэль. Дай агенту сделать свое дело".

(Гарро): "Как пожелаете".

Нахмурившись, Гарро опустился на одно колено, прижимая шлем к груди и глядя Сигиллиту в глаза. Агент Механикум склонился к нему, и Астартес почувствовал едкий запах био-смазки и машинных масел. По обнаженной коже шеи растекалось тепло, крупные желтые искры прыгали и шипели. Он слышал скрежещущее шипение мезонного ланцета, который врезался в пластины брони. Поток частиц создавал в керамике последовательность уровней бесконечно сложных схем наноскопических размеров.

(Малкадор): "Получая эту метку, ты клянешься мне в верности. Ты будешь следовать моим приказам до самого конца, не оспаривая их".

Глаза воина сузились: "Я буду подчиняться до тех пор, пока это служит

Цнператору".

(Малкадор): "Так и будет".

Гарро почувствовал давление разума псайкера и устырил себя, понимая, что сопротивление душераздирающему взгляду Малкадора находится за пределами его возможностей.

(Малкадор): "Я снова вижу ярость, Натаниэль, но теперь она направлена вовне. Она горит в тебе — потребность добиться отмщения своим братьям-предателям, воздать должное Тифону, даже бросить вызов своему притарху Мортариону за то, что постел предположить, что сможет обратить тебя".

(Гарро): "Да, — он выпустил наружу слова, удерживая холодную ярость в своем сердце. — Не буду этого отрицать".

Малкадор мрачно кивнул: "Наступит время и для отмщения. Но на сегодня мой приказ — держать свою вражду под контролем. Твоя миссия — превыше всего".

Астартес принял это без комментариев, как сделал и раньше, на палубе корабля Эйзенштейн, когда он

пожертвовал всем, что знал, чтобы
донести до Терры весть о предательстве
Хоруса. Его миссия была его главной, его
единственной задачей. Даже если бы
история повторилась, его жребием было бы
снова сыграть ту же роль. Он сделал бы
это с готовностью, во имя Императора.

В воздухе повис сильный запах
перегретого керамика. Гарро слышал
потрескивание остывавшего клейма.
Agent отступил назад. Метка была
нанесена, дело сделано. Что бы ни
последовало дальше, он посвятил себя
этому. Малкадор осторожно вытащил
Вольнолюбца из ножен. Гарро видел, какие
усилия тот прилагает, чтобы удержать
оружие, не предназначенное для
человеческих рук.

Сигиллит направил кончик магического
меча к полу.

(Малкадор): "Теперь присяга".

Гарро поместил голую руку на
обнаженное лезвие и кивнул. Он пересек
Рубикон.

(Малкадор): "Натаниэль Гарро, ты

соглашаешься принять на себя отведенную тебе роль? Посвящаешь ли ты себя моим приказам и отбрасываешь ли в сторону все прочие притязания на славу? Связываешь ли ты себя этим особым обетом?"

(Гарро): "Во всем этом и этим оружием -- клянусь. Уменем Его".

Сигиллит поднял бровь, услышав выбранные им слова, но не стал их комментировать.

Гарро забрал свой меч и низко поклонился, краем глаза увидев в высоких окнах собственное отражение. Как бы ни замечательно было после столь долгого перерыва снова оказаться в своих доспехах и нагруднике с орлом, их новый цвет был еще непривычен. Символика Гвардии Смерти исчезла, и вместо нее был безликий призрачный серый. В груди Гарро шевельнулось странное чувство -- чувство, суть которого он не смог определить.

(Гарро): "Что я должен делать?"

(Малкадор): "Ты покинешь Цитадель Солнц и отправишься в странствие по Галактике, собирая группу людей -- Астартес из всех Легионов, как из верных,

так и из отступнических. Найдешь их и привезешь ко мне. Ты сделаешь это и не оставишь ни следа там, где пройдешь".

(Гарро): "Ради чего?"

Малкагор отвернулся и нашёл взглядом бело-голубой шар Терры, висевший высоко в лунной ночи.

(Малкагор): "Ради будущего, Натаниэль".

Близился рассвет, и подобной заре еще не всходило над морозным заиндевевшим ландшафтом Калта. Всю ночь концентрация кислорода продолжала падать, и теперь планету укутывала лишь дымка ядовитой атмосферы. Совсем скоро вся местная флора и фауна умрет от удушья, и здесь останется мертвая пустошь. И лишь война переживет всех.

Запечатанный внутри госпехов, брат Рубио молча наблюдал, как воин Гарро быстрыми и точными движениями

готовит к сражению свой болтер. Было ясно, что он досконально знает оружие, и, судя по многочисленным перечням заслуг, вытравленным кислотой на корпусе и рукояти, они бок о бок прошли много битв. Гарро притворялся занятым своими делами, но Рубио видел его насквозь. Астартес наблюдал за всем, что его окружало, и его внимание снова и снова возвращалось к капитану Гайюсу, обходившему своих людей. Может, Гарро пришел по его душу? Возможно, Гайюс совершил некий проступок, и теперь этот незнакомец вынырнул из темноты, чтобы предъявить на брата-капитана права? У Рубио не было ответов на эти вопросы, но он был уверен в одном: Натаниэль Гарро пришел на Калт, чтобы судить их. При мысли, что агент Сигиллита сочтет их недостойными, в глубинах рассудка начинали шевелиться мрачные порывы, но, помимо этого, еще один внутренний голос остеливался спросить: "По какому праву этот человек может подвергать следствие Ультрагесант Двадцатой Первой?" Все, во что Рубио верил,

погвергло за последние дни серьезному испытанию, и переломный момент был не за горами.

"Было бы просто заглянуть в него, --- подумал он, --- использовать лишь малую толику запрещенного колдовского взгляда, только чтобы увидеть, узнать, что Гаррот, за кого он себя выдает". В этот миг, на какую-то долю секунды, железный контроль Рубио дрогнул, и нечто проскользнуло в его разум. Он окаменел и внезапно --- видение...

...вещественный мир затуманился и утек прочь, обратившись в жидкость. Наброски абсолютного и бесконечного теснились в уме Рубио, раскрывая себя и трансформируясь. Он попытался отшатнуться и закрыться от ощущения, но было слишком поздно. Видение уже овладело им, его дремлющая мощь когдациария на короткое мгновение поглотила его, и в этот миг кристальной ясности он увидел: битва, красное на лезвии, черное на корпусе, и там, лежащий на ледяной земле --- Гайюс. Рубио тянулся, в ушах грохотал пульс, он отчаянно

пытался добратся до своего командира, спасти его, прежде чем его душу вырвут из плоти...

(Гарро): "Рубио!"

Ультрадесантник судорожно вдохнул и пришел в себя. Миазмы психической энергии исчезли быстрее, чем появились. Он проклял краткую потерю контроля и встал, отмахиваясь от Гарро, но другой Астартес подошел ближе. Догадался ли воин в серой броне? Какую цену заплатит Рубио за мгновение отвлечения?

Он изо всех сил старался понять, свидетелем чего стал в этой вспышке предвидения. Капитан, сбитый с ног, умирающий... мертвый?! Нет, этого не случится! Он отбросил фрагменты предвидения, отвергая его. Он проявил слабость --- и это все. Мгновение потери концентрации --- и заразе варна хватило этого, чтобы проникнуть в него. Декрет Императора не подлежал обсуждению.

(Гарро): "Брат, ты что, не видишь, что они идут? Быстро, бери оружие!"

(Рубио): "Вижу что?"

Но слова едва слетели с его губ, как

первый залп "Умертвителя" просвистел в воздухе и разнес в клочья кучу камней, оставшуюся от сошедшего оползня.

(Гайюс): "Враг возвращается, и в большем количестве. Приготовиться к бою!"

(Рубио): "Капитан!"

Рубио лихорадочно заметался, выискивая командира, и обнаружил его. Гайюс стоял на верху заграждения, перекрывавшего зев тоннеля, за спиной бился на ветру боевой плащ, взведенный болт-пистолет был наведен на цель. Капитан поднял огромную бронированную перчатку своего силового кулака и ткнул им в небо: "Держите рубеж, ребята! За отвагу и честь!"

Болты и лазерные лучи врезались в рельсы и каменистую почву, и в это время окончательно наступил рассвет. Рубио ринулся в бой навстречу ордам врагов. Гарро сражался бок о бок с Ультрадесантниками, его серебристый клинок выписывал в воздухе дуги, рассекая грудные клетки и срубая головы. Многочисленные культисты "Братства

Ножа", одетые в самодельные респираторы и жалкие остатки доспехов, гибли в огромных количествах.

Гайюс был на самом острие защиты Астармес, ведя всех личным примером. От безумия и страха вопящие и грожащие от жуткого холода культисты становились все кровожаднее и кровожаднее. Их повелители из числа Несущих Слово довели их до припавшего к земле существования, и единственным, что могло успокоить их, была смерть от огня сохранивших верность космогосантников. Армия безумных фанатиков накатила на капитана Гайюса, бывшего в самой гуще сражения, волной. Их было так много, что одним лишь своим количеством они сбили командира Рубио с ног и повалили его на пересекавшие землю рельсы.

Несколько долгих секунд куча вопящих, жаждущих крови культистов вращалась и тряслась и, наконец, разлетелась в стороны, когда Гайюс вырвался из их удушающей хватки. Каждый мощный удар его силового кулака нес смерть, сокрушая субтильные тела.

Рубио встал на отведенное ему место и последовал примеру капитана, не обращая внимания на волны боли, пронзавшие его голову, и отголоски видения. Он пытался отбросить их, не придавать им значения. Но у него не получалось.

Гарро сражался без устали. Серая броня одинокого воина покрылась пятнами крови и копоти. Он сосредоточился на поддержании глубокой концентрации, и каждый удар его меча, каждый израсходованный выстрел были направлены в то место, где они могли нанести максимальный ущерб. Рубио увидел блики света на течи орлиной головы богатой нагрудной пластины Гарро, и в очередной раз спросил себя, кем же мог быть этот человек. Он бился с самооблаганием и холодной стертоносностью ветерана. Затем, он развернулся на месте и ткнул своим мечом в направлении удаленного гребня: "Там! Это только предвестники! Враз идет! Соткнуть ряды!"

Ультрадесантник услышал звук, похожий на скрежет огромной заевшей зубчатой передачи, и из-за гребня

появилась гигантская конструкция из стали и кабелей, брони и меди. Четыре суставчатые ноги с шипящими поршнями цокали по камню. Машина двигалась, как краб, давя всех, кто не успевал убраться с дороги. Из центра туши торчала наружу нескладная оружейная башня, загроможденная турелями и устрашающими лезвиями, торчавшими, как позвонки. Основное оружие было сделано из черного железа, и его разверстое дуло позвякивало веригами. Машина двигалась так, как будто была живой. Ее бока были кроваво-красного цвета, с черной отделкой, содержащей символику Несущих Слово. Каждый ее тяжелый шаг осквернял землю.

Ультрагесантники дружно перенесли на нее свой огонь, но если атака и привела к чему-то, так это к тому, что агрегат, похоже, разозлился. Рубио увидел, как он качнулся вперед и стремительно заскользил к ним, гораздо быстрее, чем можно было ожидать от конструкции таких размеров. Масс-реактивные болты, выстрелы плазмы, ракетные удары с близкого расстояния — все они нашли в

боевой машине свою цель и взорылись в нее, но, вся в огне, она добралась до центральной баррикады и обрушилась на нее и на капитана Двадцать Первой.

(Рубио): "Гайюс!"

Предупреждение Рубио рассекло воздух, но было слишком поздно. Все встало на свои места. С запозданием он понял, что сцена разворачивается вновь: битва, красное на лезвии, черное на корпусе. Он сорвался с места и, не раздумывая, бросился в безрассудную атаку, разбрасывая в стороны всех врагов, остеливавшихся встать у него на пути. Он должен был это остановить. Он знал, что будет дальше, и он должен был это остановить. Шлем Гайюса развернулся, и капитан, услышав крик Рубио, увидел, как он приближается.

Но вслед за этим заговорило оружие боевой машины, и Рубио сбило с ног ударившим рядом выстрелом. Он опрокинулся и покатился, от столкновения с землей затрещали кости, и он ощутил во рту медный привкус крови. Он попытался встать и там, впереди, увидел

металлическую ногу, обрушившуюся на
грудь капитана и пришилившую его к
земле. Броня Гайюса треснула со звуком
ломающихся костей, и кровь расплескалась
по рельсам влажными цветными
брызгами, затерзшими сразу же после
падения.

Гарро заскрежетал зубами под
трачной маской своего шлема, и про себя он
проклял боевую машину, когда она
окончила жизнь еще одного лоялиста,
закричавшего от ужаса. Она завывала и
грохотала, ковыляя на ногах, поврежденных
непрерывным обстрелом, одна
металлическая конечность безжизненно
висела на плюющихся маслом шарнирах, но
конструкция все еще продолжала
сражаться, возвращая защитникам входа в
тоннель массированные залпы тяжелых
орудий. Она встала на дыбы, и Астартес
заметил брата Рубио, пытавшегося
укрыть в укрытие искалеченное тело
капитана. Конструкция заухала и
сдвинулась к нему, намереваясь покончить с
Ультрадесантником таким же зверским
способом, как и с его капитаном.

"Нет уж", --- проворчал Гарро и соскочил с рухнувшей империальной колонны. Разбитые камни хрустели под его подошвами, пока он изо всех своих сил разгонялся, чтобы прыгнуть выше. Воин в броне цвета грозových облаков взмахнул мечом и со звучным лязгом приземлился на верх корпуса машины предателей. Пытаясь стряхнуть его, она затряслась и заизвивалась, как медведь, атакованный волком. Гарро перебросил Вольнолюбца на обратный хват и всадил силовой меч в верхушку оружейной башни, туда, откуда таращилась на него жгуче-черными глазами кричащая демоническая маска. Из ужасной пробойны брызнула маслянистая жидкость, и машина забилась, почти как если бы испытывала боль.

Ультрагесантники из ротных отделений опустошителей были уже на подходе, сжимая в бронированных кулаках тяжелые лаз-пушки, плазменное оружие и мульти-телты. Его вылазки оказалось достаточно, чтобы отвлечь машину, дав Рубио возможность уйти от опасности, а опустошителям --- время, которое им было

нужно. "Убейте эту штурку! — крикнул Гарро в свой вокс, изо всех сил пытаясь удержаться, — прямо сейчас!" Но нестерпимый жар был уже здесь. Лазерные лучи и ракетный обстрел окутали машину предателей, и она отшатнулась. Астартес успел услышать отдающийся эхом гребезг, звучавший почти как хрип, и четырехногий танк в конце-концов сбросил его, содрогаясь в смертельных конвульсиях. Гарро жестко приземлился, все еще сжата свой меч, и откатился за плиту, покрыта как-раз в тот момент, когда машина встретила свой конец.

Смерть пронеслась сквозь незначительные ряды все еще сражавшихся культистов. Те, кто избежали смерти под огнем собратьев Рубио, погибли от взрывной ударной волны. Пока Гарро поднимался на ноги, воцарилась тишина. В мертвом воздухе повисло гнетущее ощущение угрозы. Он вскарабкался на остатки уничтоженной баррикады, к месту кратковременной остановки капитана Гайюса. С этой позиции открывался хороший обзор, и

Гарро мог заглянуть через гребень утеса, за которым как раз сосредотачивалась следующая волна неприятелей. Оптика его шлема поймала удаленные лишения, сопоставляя очертания с известными факторами угрозы. Несущие слово. Армия примарха Лоргара, его самые преданные воины-фанатики и, до недавнего времени, люди, входившие в семью боевых братьев под эгидой Императора Человечества.

Наблюдая за ними, Гарро чувствовал, как в груди поднимается холодная ярость, смешанная с отвращением. Был ли конец распространению по Легионам Агентам Астартес предательской гнили? Сыны Хоруса, Пожиратели Миров, Дети Императора, даже его собственная Гвардия Смерти --- все пошли по пути отступников, против воли Императора. Против Его Божественной Воли. Уотныне Несущие Слово, расписавшиеся в предательстве кровью Ультрагесанта, будут числиться среди ренегатов, проклятые за свое восстание до конца времен.

С трачным видом Гарро спустился

вниз и направился прочь. Они приближались, и в количестве, гораздо большем, чем то, с которым могли совладать остатки Двадцать Первой роты. Люди Гайюса умрут, защищая тоннель к Нүминүсү, и дорога в город будет потеряна. Это было неизбежно. Но это не было его заботой. У Гарро была другая цель.

Когда Гарро подошел, брат Рүбио стоял над телом капитана Гайюса, склонив голову. Ультрадесантник скрестил на груди свои тяжелые кератитовые перчатки в знаке имперской аквилы, и затем отсалютовал снова, на этот раз в старой манере, принятой до объединения — ударив сжатым кулаком по груди. Взгляд Рүбио скользнул по Гарро, и потому показалось, что он ощущает на себе злые глаза воина, свирепо смотревшие через красные линзы шлема.

(Рүбио): "Мой капитан мертв. Он ушел достойно".

(Гарро): "Да, — кивнул Гарро, — это так. Но ты мог предотвратить это".

Рубио отреагировал так, как-будто его ударили, окаменев от потрясения.

(Рубио): "Ты смеешь..."

(Гарро): "Брат, я знаю, кто ты такой, и на что ты способен. Я знаю, кем ты был до Никеи, до того, как сдал свой капюшон и свой меч. Псайкером". Гарро указал на труп: "Ты мог бы потрудиться сказать ему. Возможно, ты мог бы даже защитить Гайюса. Но ты этого не сделал".

Настрой Рубио изменился, и он пошел на второго Астартес: "У меня свои приказы. Я не буду оспаривать декрет!"

Но, пока Рубио говорил, Гарро слышал конфликт, kloкoтaвший за ширмой слов. Ультрагесантник разрывался между узлами верности братьям и роте и своей клятвой примарху и Императору. Как трудно было понимать, что одно из них было принесено в жертву по требованию другого. Эта боль была знакома Гарро не понаслышке.

(Рубио): "Мой капитан мертв. Что бы ты от него ни хотел, странствующий рыцарь, ты опоздал".

(Гарро): "Я прибыл на Калт не из-за Гайюса. Я пришел за тобой, Тайлос Рубио, по приказу Малкадора Сигиллита. Он повелел мне собрать группу воинов из всех Легионов и привезти их во Дворец Императора. Ты -- первый. И, чтобы я мог преуспеть в этой миссии, мы должны уйти прямо сейчас".

Гнев Рубио угас и он недоверчиво покачал головой.

(Рубио): "То, что ты просишь... это невозможно!"

(Гарро): "Это не так, -- Гарро повторил его жест, как в зеркале. -- Время играет против нас, и мы должны спешить. Если Несущие Слово начнут свою атаку, мы очутимся в ловушке. Мне надо лишь послать сигнал вызова на мою "Грозовую Птицу". Мы вернемся на твой корабль и затем..."

(Рубио): "Нет. НЕТ! Ты хочешь, чтобы я покинул своих названных боевых братьев в самый тяжелый для них час. Я отказываюсь!"

(Гарро): "Это приказ Сигиллита. Его слово -- это слово Императора".

Второй Астартес затих на долгое мгновение.

(Рубио): "Приказ Сигиллита пусть идет к черту. Я тебе ничего не должен, Гарро, и поэтому, ради моей чести и как сын Маккрага, я делаю выбор -- не подчиниться. Даже если это значит, что я умру здесь, даже если ты заклеишь меня анархистом, как отступников Лоргара -- я отказываюсь подчиниться!"

Гарро посмотрел вниз на меч в своей руке. Блестящая поверхность адамантиевого клинка отражала бесстрастный вид его боевого шлема. В груди Ультрадесантника пылало горячее пламя, и второй воин чувствовал его отклик в своей душе. Если бы они поменялись ролями, он сказал бы то же, что и Рубио. Он не мог найти изъяна в его словах.

(Гарро): "Тогда мой выбор -- остаться рядом с тобой. Мы предпочитаем неповиновение вместе".

Они встретили атаку предателей. Астартес плечом к плечу. Звук его оглушал, как вырвавшаяся на свободу гроза. Абсолютная дикость нападения была шокирующей и зверской. Прорываясь через баррикады и рубежи укреплений защитников волной огня и крови, Несущие Слово шли на приступ с безумным пылом, оставившим далеко позади даже сумасшедшую атаку орг культистов. Каждый Ультрадесантник разрядил обойму своего оружия, но на каждого из них приходилось впятеро больше воинов-фанатиков Лоргара, и импульс их неукротимого натиска прорвался через преграды, уничтожая оборонительные рубежи и катясь вперед волной почерневших от копоти доспехов.

Несущие Слово всегда славились своей экстремальной военной тактикой. За годы Великого Крестового Похода, призванного объединить заново потерянные колонии человечества, многие миры, на которые упала тень Семнадцатого Легиона, познали на себе его гнев. Те, кто не проявлял должного почтения Императору,

карались настолько безжалостно, что Повелитель Человечества лично сделал выговор примарху Лоргару, наказав его за насаждение идолопоклонства своему отцу и насилие, выходящее за любые рамки. Некоторые считали, что Лоргар и его Легион приняли во внимание эти уроки, но сейчас выяснялось, что они, наоборот, отвергли своего Повелителя и нашли новый путь — дорогу жестокости и резни, питаемых неукротимой ненавистью и новыми богатыми.

Меч Гарро пел, его болтер ревел, пока шеренги противников сходились снова и снова. Он заглушил внутренний голос, бунтовавший против идеи сражения с собратьями Астартес, и бился изо всех сил, напоминая себе о том, что эти перебежчики более недостойны этого имени. Они были предателями самой низменной породы. Броня Несущих Слово, обычно однородно-темного цвета, была матеренно покрыта ни чем иным, как человеческой кровью. На их наплечниках, поверх символа Легиона в виде пылающей книги, были напалеваны восьмиконечная

звезда и грубое изображение кричащего лица. Такое самоосквернение лишь еще больше разожгло гнев Гарро, и он бился с несправедливой яростью, сражая предателей взмахами своего меча и залпами болтов.

Невдалеке Рубио был из болтера очередями, превращавшими нападавших воинов в перекрученные окровавленные груды. Но на стену каждому убитому или приходяли другие. Гарро увидел группу Несущих Слово, убивших Ультрадесантника ураганом огня из штурмовых болтеров, и к его горлу подкатила тошнота. К его отвращению, даже когда мертвый Астартес упал на землю, они продолжали расстреливать тело, опустошая в дергающееся месиво обойму за обоймой. И, пока они занимались этим, он слышал их хохот. Никогда раньше Гарро не встречал в грудом Астартес такой лютой злобы. Несущие Слово находили удовольствие в том, чем они занимались, они смаковали это. Он ощутил, как его мутит.

(Рубио): "Ух все больше и больше. Глаза Терры, они что, привезли сражаться

с нами весь Легион?"

(Гарро): "Добром это не кончится. Но, именем Его, мы заставим их заплатить за каждый шаг вперед. Ave Imperator!"

Гарро выкрикнул боевой клич и убил еще одного предателя, но его слова прозвучали пустым звуком. Повсюду вокруг защитников кончались боеприпасы, так что они выверяли каждый выстрел и не тратили впустую ни одного болта и лазерного выстрела. А Несущие Слово были неустержимы в своем безрассудстве, поливая баррикады очередями и наполняя воздух вонью промета и отработанного кордита. Смерть уже дышала в затылок, и в конце-концов, когда вперед покатилась новая волна наступления, над шеренгами Ультрагесантников раздался клич: "Назад! В тоннель! Сомкнуть строй и отступить!"

Гарро последовал ему и, проклиная все обстоятельства, перебежал из легкого воздуха под покрытые инеем угрюмые каменные своды основного тоннеля. За его спиной Несущие Слово перешли на бег, выплескивая свою

ненависть в криках. Рубиомахнулрукой
Гарро, зовя за собой, и кровь застыла у него
в жилах, когда он заметил множество
массивных угловатых форм, выходявших
из середины рядов забывающих предателей.
Они проталкивались вперед, распахивая в
стороны своих собственных людей, и несли
на себе тяжелые многоствольные орудия,
ощетинившиеся боевой мощью.
Терминаторы!

Массивные коренастые фигуры пошли
в наступление чеканной непреклонной
поступью железных ног. Превосходя по весу
любого из обычных Астартес в два раза,
комплекты терминаторской брони
двигались вперед тяжелым шагом, не
обращая никакого внимания на потоки
лазерного огня, болтов и масс-реактивных
снарядов, отскакивавших от их доспехов.
Рубио прикинул соотношение сил, но
быстро понял, что для того, чтобы
совладать с шеренгой исполинов из стали
и керамики, у них было недостаточно
тяжелых орудий. Крак-гранаты
оттеснили их назад, но лишь на
мгновение. Шеренга приближалась.

проламывая баррикаду за баррикадой, за ней следовали остальные Несущие Слово, обеспечивавшие каскады огневой поддержки. Терминаторы рвали в клочья любую мишень, на какую только падал их выбор. Трассы снарядов из тяжелых комбинированных болтеров и вращающихся дуг автопушек крошили тела защитников. Ультрадесантники утирали, их безупречно-голубая броня превращалась в кровавые руины.

Рубио почувствовал прикосновение к плечу и, повернувшись, обнаружил Гарро, указывавшего своим мечом: "Мы не сможем удержать этот рубеж. У нас остались считанные секунды до того, как терминаторы войдут в тоннель. Мы должны отойти назад".

(Рубио): "Куда? Продолжать отступать, пока не дойдем до врат Нутинуса? У нас нет прикрытия, покажем им спины -- и нам конец". Он покачал головой: "Цвета Ультрадесанта не убегают".

(Гарро): "Тогда мы умрем здесь. Ты не подчинился одному приказу, чтобы"

погибнуть ради другого, и твои боевые
братья лягут рядом с тобой".

Лицо Рубио скривилось от
раздражения.

(Рубио): "Будь ты проклят! Ты не
оставляешь мне выбора!"

Гарро покачал головой: "Нет, Рубио.
Этот выбор ты уже сделал. Просто ты
понял это только сейчас".

Гарро вставил в болтер последнюю
обойму и открыл огонь. Рубио увидел, что
под бесконечными потоками выстрелов те
из Двадцать Первой роты, кто остался в
живых, были вынуждены отступать назад,
глубже в глотку тоннеля. Тут толкучку
гневною света, что еще могла дойти
через широкий проход, заслоняли
громоподобные силуэты терминаторов,
пересекших пути и вошедших в тоннель.
Черные тени освещались крестообразными
вспышками жерл их орудий, яркий свет
выхватывал злые грубые черты шлемов,
увенчанных рогами и бивнями. Рубио
слышал крики утиравших товарищей.
Происходившее уже не было штурмом. Оно
превратилось в казнь.

(Рубио): "Не опять, не снова. Я больше этого не допущу!"

Ультрадесантник позволил своему опустевшему болтеру выпасть из сжатых пальцев на землю. Судорожно дыша, он поднял руки перед собой, сгибая пальцы, как когти. Он почувствовал его немедленно — давно привычное потрескивание сверхъестественной мощи, обитавшей в основании черепа, извивавшейся и крутившейся, как заключенный в сосуд разряд молнии. Все заклинания и приемы, ключевые фразы и мысленные формы, которые он выкинул из головы после выхода декрета — всему этому он позволил вернуться назад.

Воздух вокруг Рубио, замятанный варпом, обрел маслянистую электрическую структуру. На грани восприятия заплясало ощущение силы за пределами человеческого понимания. Рубио увидел, как Гарро освобождает для него необходимое пространство. Он заметил, как боевые братья трясут головами, но останавливаться было слишком поздно. Сила была здесь, она

никогда не покидала его, сопровождая Рубио во всех его действиях, как тень в варпе. Она пришла с легкостью, она давала могущество и опьяняла, и, как и его ярость, она жаждала освобождения.

Он простер свои руки к наступающей шеренге терминаторов, и на кончиках его пальцев заплесали крошечные вспышки электрических разрядов. Без фокусирующего экрана психического капюшона его сила будет свирепой и почти неуправляемой, но Рубио был к этому готов. Если он не преуспеет, все они умрут. Он опустился на колени и выпустил свой гнев на свободу.

Сжатая вспышка псионического разряда пронеслась через проход и поглотила Несущих Слово, впервые заставив их кричать от боли. Затем, когда мощь достигла своего потолка, верх входа в тоннель затрещал и покрылся разломами, не справляясь с напором отпеченной варпом энергии. Черный камень схлопнулся, как последовательность закрывающихся

челюстей, и терминаторов погребло под тоннами обломков.

Гарро протянул Рубио свою руку, и Ультрагесантник принял ее, чтобы подняться с земли. Псайкер снял свой шлем и впервые посмотрел на Гарро собственными глазами. Второй Астартес повторил этот жест, и два воина оценивающе оглядели друг друга.

(Рубио): "Дело сделано. Враг побит, и этот путь на Нутинус для него закрыт. У всех, чего мне это стоило, было неподчинение моему притарху и моему Императору".

(Гарро): "Твои братья остались в живых. Рассматривай это как награду".

Рубио не ответил. Вместо этого он обошел фигуру в сером и сделал шаг в направлении прочих Ультрагесантников, стоявших неплотной группой, поддерживая раненых. И тогда, все как один, боевые братья Двадцать Первой роты отвели глаза и отвернулись от него. Рубио не подчинился Decree Absolute, и этому не было прощения.

Гарро вытащил Вольнолюбца, и

Рубио развернулся на звук, пригвоздив его яростным взглядом.

(Рубио): "Доволен? Ты получил то, за чем пришел?"

(Гарро): "Пока нет". Гарро протянул свой меч, направив кончик к земле. "Положи свою руку на клинок".

Рубио в бешенстве пошел на него: "Ты вынудил меня это сделать. Ты лишил меня братьев и теперь требуешь присяги?"

Гарро медленно покачал головой. "Эти люди больше не твои братья. Ты --- призрак. А теперь --- положи руку на клинок".

В конце-концов Рубио потянулся и коснулся меча. Гарро трачно кивнул.

(Гарро): "Тайлос Рубио, ты соглашаешься принять на себя отведенную тебе роль? Посвящаешь ли ты себя приказам Регента Терры и отбрасываешь ли в сторону все прочие притязания на славу? Связываешь ли ты себя этим особым обетом?"

Что-то темное, похожее на тоску, затерцало в глазах воина.

(Рубио): "Во всем этом и этим"

оружием -- клянусь. Мне ничего больше не
остается".

Джеймс Своллоу

САМ СЕБЕ ЛЕГИОН

Некогда, была блистающая империя, непревзойденная в своем великолепии, место познания, надежды, цивилизации и мирской гармонии, вершина усилий всех людей, всего в одном шаге от апогея величия, о котором мечтал ее создатель. В пределах этого Империя царил мир, и человечество процветало на миллионах планет. Великий Крестовый Поход лучших воинов этого царства, возглавляемый братством полубогов, --- ангелов и гигантов, --- отбросил тьму назад, к границам ночи. Они замостили последние камни на дороге к величию, они сражались во имя того дня, когда наконец-то смогут сложить оружие, когда великий друг их Императора сможет явиться во всей красе --- дня, когда изменится все. Но мечты рассыпались в прах. Голоса из пустоты посеяли семена упадка и пожали распространявшийся хаос. И в пришедшей

следом огненной буре, вспыхнувшей из искр
старой ненависти, вражды и недоверия,
Галактика заполыхала.

Двигаясь сквозь звезды, как огненный
лев, бұшевало восстание вероломного
Воителя Хорұса Лұперкала.
Подкрадываясь все ближе к Терре и трону
своего отца, Императора Человечества,
шаг за шагом поглощая миры, разрушая
замысел великой империи, Хорұс, первый
среди равных примархов, генетически
сконструированных сынов Императора,
избравший предательство, не оставлял у
себя за спиной ничего, кроме тихих,
покрытых прахом полей сражений,
заваленных телами мертвых — безгласных
свидетелей убийства верности и чести.

Таким местом был этот мир. Здесь
изменники скрепили свой лжатеж актом
величайшего предательства, и в
ознаменование момента оставили позади
труп планеты. Это был склеп,
остывающий уголек, выброшенный из
прошедшей огненной бұри. Не осталось
ничего, только смерть.

С волнующихся отравленных небес упал железный хищник, двигаясь быстро и низко над разрушенным пейзажем, когда-то бывшим величественным городом огромных шпилей и изысканных минаретов. Корабль, "Грозная Птица", был цвета призраков, его корпус не был отмечен символами или эмблематикой, позволявшими отследить его принадлежность. Он приземлился в облаках пыли, один посреди пустыни.

На борту были три воина, и они вели себя, как люди, хотя с той поры, как кто-либо из них имел настоящее сходство с обыкновенными обитателями Империи, минули десятилетия. Каждый из них был одет в комплект силовой брони Mark-V модели Корпус, самый продвинутый тип боевой экипировки, когда-либо созданный для Агентств Астарта — костических десантников. Они были вооружены болтерами и силовыми тачками, но вышли без шлемов, подставляя лица пронзительным ветрам. Как и на их корабле, на них не было отметок: знаков различия званий, заслуг и принадлежности.

и Легиону отсутствовали. Все, кроме
одного -- тайной руны на наплечнике брони,
стилизованной буквы "J", выгравированной
на металле и керамике, метки
Малкадора Сигиллита, Регента Терры и
подручного Императора.

(Гарро): "Приготовьте оружие,
братья, не теряйте бдительности".

Хотя на ведущем войне и не было
видно знаков, обозначающих звание, он
говорил, как командир. Натаниэль Гарро,
некогда боевой капитан Легиона Гвардия
Смерти, бросил своих братьев, когда они
отвернулись от своей присяги и
присоединились к Хорусу. Презрев оружие
сотен боевых кораблей и безумие варп-
пространства, Гарро донес до Терры весть
о предательстве Воителя -- только для
того, чтобы обнаружить себя в роли воина,
ищущего предназначение. Казалось, это
было давным-давно, и с той поры произошло
многое. Просперо, Калт, Сигнус Прим... --
длинный перечень миров, охваченных
огнем. И сейчас, так же, как и его
компаньоны, Гарро стал призраком,
странствующим рыцарем с в высшей

степенями секретными обязанностями, возложенными на него самим Малкадором.

Неподалеку от Гарро Тайлос Рубио опустился на колени и, собрав горсть земли, просеял ее сквозь пальцы латной перчатки. Вокруг головы Рубио слабо отсвечивал голубым едва различимый ореол чувствительных кристаллических чешуек. Ранее боевой псайкер в звании кодициария на службе Легиона Ультрадесанта, он все еще не примирился с изменением статуса, хотя с момента его вербовки на службу Малкадора прошло уже больше года. Рубио закрыл глаза, и тень пробежала по его лицу, когда он позволил своим псионическим чувствам расширяться и охватывать окрестные руины. Невидимые следы человеческих душ заполняли ландшафт, их тени остались в эфире, как силуэты непа после ядерного взрыва.

(Рубио): "Это место... Мучения, и так много печали..."

(Баррен): "Мы все прекрасно знаем, что тут случилось. Тебе нет нужды рыться в прахе и воровать память"

мертвецов".

Третий воин выглядел, как ветеран. Рубленое лицо с твердыми, как гранит, чертами испещряли шрамы бесчисленных конфликтов. Жесткий облик Мэйсона Варрена был зеркальным отражением внешности Гарро, только боевой капитан наголо брил череп, а Варрен носил шапку туго стянутых темных волос и клокочащую бородку. Как и бывший легионер Гвардии Смерти, Варрен тоже отверг собственных собратьев после того, как они поклялись в верности Хорусу. Повелитель его Легиона, примарх-гладиатор Ангрон, послал своих личных охранников, чтобы убить Варрена за его отказ прилечь к ложе Пожирателей Миров. Варрен спасся, но в его сердце поселилась горечь. Гарро предложил ему новую роль одного из агентов Малкадора, но, честно говоря, ему не очень нравилась эта обязанность. Вспыльчивый, как и все Пожиратели Миров, он страстно желал быть в гуще войны, сходить с бывшими боевыми братьями лицом к лицу. Он не обладал холодной отстраненностью

легионера Гвардии Смерти или
стоицизмом Ультрадесантника.

Выждав момент, Баррен развернулся к боевому капитану: "Зачем ты привез нас сюда, Гарро? Что такое может крыться на этих разоренных пустырях, что нам пришлось на них навесаться?"

(Гарро): "Потому что так приказал Сигиллит".

(Баррен): "Да ну? Так я и поверил. Залы Дворца Императора далеко от места, где мы стоим, брат, слишком далеко, чтобы помнить о всех совершенных здесь зверствах".

Псайкер медленно кивнул, соглашаясь.

(Рубио): "Да. Все, что я чувствую тут -- это смерть".

(Баррен): "Лорд Малкадор желает, чтобы ты привезли ему череп и кости?"

Гарро глубоко вдохнул и обвел окрестности рукой.

(Гарро): "Запах. Чувствуете его? Привкус в воздухе, сухой и едкий? Человеческий прах. Останки бесчисленных тел, превращенные в пепел, развеянные по ветру. То, что мы ступили в этот мир --

так надо. Там, где война началась --- там
будет и конец... в каком-то смысле".

(Баррен): "Ты о чем? Те задания
Сигиллита, что ты выполнили, те
рекруты, которых ты..."

Гарро поднял руку, заставив его
оттолкнуться.

(Гарро): "Я скажу тебе, что поведал
мне Лорг Малкагор в лунной Цитадели
Сотнус. Это будет последний".

И Баррен, и Рубио воздержались от
вопросов. Оба Астартес размышляли над
его словами. Этот разрушенный мир
станет вехой, отмечающей конец их
похода во исполнение обета Сигиллиту. И
все же все трое в глубине души понимали,
что существует и более важная задача,
которую еще только предстоит
выполнить.

На другом краю разрушенного города
здания, сокрушенные орбитальными

болбардировками, лежали подобно
огромным упавшим деревьям. Те немногие,
что отчасти уцелели, тянулись вверх
сломанными костлявыми пальцами,
скребущими хмурое небо. Внизу, на
заваленных обломками улицах, голос
ветра был как стон утирающего
животного, но над потрескавшимися
парапетами он был непрерывным потоком
пыли и песка.

Из терева возник силүэт, одетый в
покрытые грязью, поврежденные в боях
доспехи. Пройдя по гребням крыш, он встал
на самом краю сломанного парапета.
Широко раскинув руки, он распахнул
объятия ураганному ветру. За его спиной,
как раскрывающиеся крылья, хлопал
истрепанный оборванный плащ.

(Силүэт): "Умереть ли мне? Я не
могу шагнуть вперед в объятия тяготения,
упав разбитым на разрушенные камни
далеко внизу... Или стоит попытаться
умереть, снова? Если бы это было так
просто. Если бы я только мог..."

Он затолчал, подаваясь вперед, почти
как если бы бросая вызов судьбе.

(Силүэт): "Ты не можешь забрать меня. Ты не знаешь меня. Тебе не известно мое имя. Я... я превратился в Кербера, волкодава у врат преисподней. Я неприкасаем. Слышишь меня? Ты слышишь меня?!"

Цепной меч на его боку был в столь же плачевном состоянии, что и остальная экипировка, поврежден в такой же степени, как и его рассудок. И все же, как и все эти средства, он все еще работал, все еще мог убивать.

(Кербер): "Резня не кончится никогда. Я заглянул в ее самую темную сердцевину. Родившись, я вкусил кровь на клинке. Я вижу, как она бьет, нескончаемая, бесконечная. Все будущее — это только война. Я вижу город, чем он был, и что он есть — гнездовье предательского отродья и измены. Льстивые песни шепчут они по ночам. Я вижу блеск безумия в собственных глазах. Я не узнаю лица под своим шлемом. Я вижу мертвецов, мертвецов, мертвецов, порочные камни дворца, сталь, заржавевшую от ненависти, убийц и убитых, кричащих во весь голос."

разносящих свою терзость и порчу. Я вижу
тройную метку. Я знаю, что она значит.
Если я что и знаю, так это это. Я Кербер,
да, я был отвергнут самой смертью. Я
обрету покой могилы, только когда весь
придут в равновесие. Я один остался
верным в галактике предательских
звезд. Я не умирающий среди мертвецов. У
я иду за тобой!"

Воин увидел своего врага и прыгнул в
воздух.

Те, кто звал этот мир домом, не
избежали судьбы своей планеты. Валь
точечных энергетических ударов,
кинетические снаряды и злой бич
биологической бомбардировки собрали свой
урожай. Жизнь была вырвана из их тел,
варварски с нити разлучена, и все же, даже
среди праха своих мертвых собратьев
теплились жалкие искры. Их нельзя было
назвать людьми, уже нет. Силой, что
двигала ими, была жизнь, но порожденная
ужасом и разложением. Тела, что по
капризу столь слепой удачи избежали
мгновенной гибели, впоследствии умерли

медленной смертью, извергая из себя черную гнилую кровь, даваясь собственными разложившимися жидкостями. Это были несчастные, лишенные милости быстрой смерти, их плоть сохранилась, став приютом для колоний смертельных болезней. Что бы ни оставалось от того, кем они были раньше — все это кануло в Лету. Теперь они были лишь переносчиками самораспространяющейся чумы, бездумной плотью, ковыляющей в рунках.

Воин, звавший себя Кербером, не выносил их. Он презирал их с яростной неусыпающей бездумной страстью. Он ненавидел их также, как и себя самого — за то, что, будучи по всей логике вещей мертвым, он погиб и в то же время был жив, хотя и не был затронут их заразой. Смерть отвергла его, выбросила назад, и он будет продолжать убивать, пока она снова не примет его.

(Кербер): "Я штормовой клинок, я правосудие, я вызов и верность присяге! Я один".

Здесь, за окраиной мертвого города, простиралась огромное разбомбленное поле, вздыбленное и изломанное. Защитные бункеры зияли, как разграбленные гробницы, траншеи заполняли массы засохшей грязи, смешанной с кровью.

(Рубио): "Эти ветра.... Звук пробирает до костей".

Гарро, Варрен и Рубио шли, огибая глубокие взрывные воронки с собравшимися в них озерцами отравленной воды. Безмолвное поле боя усеивали ржавые горелые дырявые корпуса "Лэнгспидеров" и штурмовых танков. И, здесь и там, лежали покрытые копотью скелеты солдат, избежавших милосердной смерти от распыления.

(Гарро): "Вид этого места породит картины ада в уме любого вменяемого человека".

(Варрен): "Ага! Его нет, Гарро, это вымысел из старых верований, и ничего больше. Нам не нужно место ужасов за

порогом смерти. Хорус уже готовит его
для нас здесь, в настоящем".

Боевой капитан ничего не ответил.
Его глаз зацепился за блеск какой-то
золотой вещи под бортом перевернутого
бронетранспортера класса "Носорог". В ней
отражался тусклый безжизненный дневной
свет. Гарро подошел и обнаружил
человеческие останки, почерневшие кости
с приставшими клочками серо-зеленой
униформы. Он склонился, чтобы
рассмотреть получше. К нему приблизился
Рубио.

(Рубио): "Что это?"

Гарро нагнулся и с деликатностью,
неожиданной для размеров его
бронированной руки, выдернул из
раздробленных пальцев трупа маленький
испачканный значок. Это была простая
цепочка из металла низкой пробы, с
которой свисала двуглавая аквила
Империи, окаймленная золотом. Лежа
на ладони его кератитовой перчатки, она
казалась совсем крошечной.

(Рубио): "Форма. Это один из солдат
Имперской Армии. Стрелок".

Гарро прекрасно знал, что представляет собой значок. Будучи по виду обычной безделушкой, символ аквилы был путеводным камнем для последователей секретной группы внутри светского Империиума. Те, кто носил такую вещь, были агентами "Lectitio Divinitatus" --- "Божественного Откровения", верившими, что Император Человечества достоин зваться божеством. Эти верования скрывались в тени, не было ни церквей, ни организации --- только те, кто верил. Император был самым могущественным среди когда-либо живших на свете людей, бессмертным псайкером непревзойденной силы, и ради своей великой империи он развенчал все верования, когда-либо возникавшие в истории человечества. Говорили, что сам Император не желал, чтобы ему поклонялись, как живому богу, но его деяния лишили его этого выбора. Те, кто верил в его величие, сделали его истинным божеством. До гражданской войны, до предательства, Гарро не выходил за пределы атеистических владений Имперской Истины. Но с той поры он

повидал многое — и ужасы, и чудеса. Он подвергся испытаниям, и на этом пути воин обрел новую, тайную веру.

(Гарро): "Император защищает..."

Рубио изучал мертвого человека.

(Рубио): "Эти слова, что ты сказал."

Когда стрелок умирал, это была его последняя мысль. Как ты можешь это знать?"

Гарро нахмурился и позволил значку выпасть из пальцев.

(Гарро): "Это неважно".

(Баррен): "Собратья, сюда! Вы должны это видеть!"

Баррен стоял на краю широкой неглубокой взрывной воронки, и, когда Гарро и псайкер подошли, оба Астартес увидели, что, благодаря какому-то гигантскому тепловому выбросу, земля вокруг впадины спеклась в тусклые стеклянистые листы.

(Баррен): "Наверное, термоядерный взрыв".

В руке Баррена был перекрученный погнутый кусок металла, покрытый грязью. За ним тянулись кабели и жгуты

волокон, напоминавших мышцы. На его лице была смесь печали и злости.

(Баррен): "Еще один сувенир в память о мертвецах, задержавших поступок ублюдка Воителя".

У Гарро перехватило горло. Обломок был частью силовой брони, наплечником, покоробившимся от теплового удара. Первоначальные цвета потрескавшейся керамической оболочки — трапезно-белый с темно-зеленой отделкой — едва можно было разобрать, но на фрагменте имелись жалкие израненные остатки символа, при виде которых Гарро на какое-то время лишился дара речи. На него глядела эмблема из белого черепа поверх черного солнца — знак Легиона Гвардии Смерти. Он отвел взгляд, и с нарастающим ужасом понял, что то, что он поначалу принял за очередные сплавленные кучи взорванного хлама, было разбросанными останками боевой экипировки Астартес, брошенными на милость ржавения и распада. Пальцы Гарро сжались в кулаки, и он почувствовал, что в нем нарастает отражение холодной злости Баррена.

(Гарро): "Так же, как и то, где мы стоим, Пожиратель Миров. Это место, это... кладбище. Это тут, по приказу Хоруса Лунеркала, погибли мои боевые братья. Они умерли здесь, когда Мортарион, мой собственный притарх, отрекся от них. Ты сказал, что мы не должны тревожить прах мертвецов, Варрен. Ты ошибаешься! Нам нужно услышать их! Мы должны узнать истории их смертей, и потом, в день воздаяния предателю-Воителю, мы будем их голосами!"

Кодициарий коротко кивнул. Его лицо обратляло мягкое свечение психического капюшона.

(Рубио): "Я слышу их даже сейчас, на границе моих чувств, в потоках ветров..."

Рубио не закончил мысль. Вместо этого он резко крутнулся на месте, снимая болтер с предохранителя и выцеливая окружающую хтарь.

Они появились из дынного тарева, медленно и осторожно, изо всех сил стараясь не выказывать страха и не

преуспевающая в этом. У них было оружие, но очень мало, и его враг ли хватило бы, чтобы просто поцарапать броню Астармес. Их было порядка двадцати, кучка изможденных и отчаявшихся людей, молодых и старых, мужчин и женщин, с истощенными телами и запавшими от голода и усталости щеками.

(Рубио): "Я знал это. Я чувствовал их".

(Баррен): "Выжившие? Здесь? И при этом — обычные люди? Невозможно!"

(Рубио): "Похоже на обратное. Если им удалось добраться до убежища, переждать, пока распадутся био-агенты..."

(Гарро): "Не надо недооценивать волю к жизни. Не надо быть Астармес, чтобы убить ее. Ты! Опустить оружие в присутствии Астармес Императора, или ответишь за это!"

Пожилой человек в изогранном военном комбинезоне выступил вперед и жесткими приказом остальным сделать так, как велел Гарро. Колкая фуражку, он приблизился еще на пару шагов.

(Человек): "Астармес Императора,

говорите вы? Из какого Легиона? Ваши цвета незнакомы".

(Баррен): "Ты смеешь допрашивать нас? Мы носим метку Сигиллита!"

(Гарро): "Тебе нужно знать только то, что мы служим Императору Человечества".

Человек): "Не Хорүсү Лүперкалю?"

(Гарро): "Нарүшитель присяги Хорүс и все те, кто встал на его сторону, объявлены Советом Терры Excommunicate Traitoris. А теперь, отвечай на мои вопросы. Кто вы такие, и как вы выжили под вирусными бомбами?"

Человек рассказал, что его зовут Аркүди. Он был палубным старшиной в составе команды двигателеведов на борту титана Арх-Беллүс. Но в самом начале битвы с предателями боевая машина была искалечена и обезглавлена. Когда началась бомбардировка, Аркүди и часть его людей бежали в город. Они укрылись в системе транспортных подземных тоннелей, и, пока падали бомбы, спустились на самые нижние уровни. Благодаря одному лишь слепому везению, там внизу их засыпало,

погребло под тоннами рокрита и камня. Пока они разбирали завалы, многие умерли, но за ушедшие на это месяцы война над их головами выгорела дотла. Прегатели ушли.

(Аркүди): "Мы преодолели нешком огромные городские пространства, но переход отнял много времени. Мы двигается со скоростью самого медленного из нас. Мы ищем средство покинуть этот мертвый мир, корабль, если такая вещь могла уцелеть. Но наши душевные и физические силы на исходе, Лорд Астартес. Мы перенесли такие трудности, такие ужасы..."

(Баррен): "Мы не можем поточь вам. Мы здесь на миссии".

(Рүбио): "Бросишь их тут умирать?"

(Аркүди): "Утоляю, помогите нам, если вы действительно верны Терре. Я всегда верил -- Император защищает. Император защищает!"

(Гарро): "Что ты сказал?"

Гарро размашисто шагнул к Аркүди, и старый солдат замер в страхе. Он не сопротивлялся, когда Гарро взял его руку и

оттянул ветхий рваный рукав его формы. Вокруг запястья солдата была обмотана золотая цепь с символом аквилы.

(Гарро): "Император защищает. Это действительно так, и здесь и сейчас мы имеем -- инструменты Его воли. Вы идите с нами".

(Баррен): "Гарро, это ошибка. Мы здесь не для того, чтобы спасти горстку раненых обогранцев".

Гарро жестко посмотрел на другого воина: "Ты не знаешь буквы предписаний Малкадора для этой миссии, Пожиратель Миров. Или ты полагаешь, что лучше меня подходишь для руководства этой деятельностью?"

Баррен не ответил ничего и в конце концов отрицательно помотал головой, но кислое выражение его лица говорило само за себя.

На определенном уровне Гарро понимал, что другой Астартес был прав. Но было очевидно, что Аркюди и многие из его группы тоже были последователями "Божественного Откровения", и, какие бы обязательства не имел боевой капитан

перед Сигиллитом, он ставил веру в Императора выше их. Аркүди увидел что-то в его глазах и заговорил с ним пристальным заговорщицеским тоном.

(Аркүди): "Он послал тебя. Мы ждали, и Он послал тебя. В тот миг, когда мы вновь увидели дневной свет, я понял, что спасение придет. Если бы только мы смогли отделаться от зверя..."

(Баррен): "Зверя?"

(Гарро): "Палубный старшина, объясни свои слова".

Новый страх, цепкий и сильный, загорелся в глазах солдата, и он бросил обеспокоенный взгляд через плечо.

(Аркүди): "Призрак, тот, что рыскает по руинам города, ужасное, чудовищное существо. Он выслеживает нас. Я видел его — огромный силуэт, укутанный в лохмотья плаща, от которого разит кровью и смертью. Он уже убил многих из нас, возвращаясь снова и снова, чтобы охотиться на нас. Я боюсь, он прикончит нас всех до того, как мы окажемся в безопасности".

Ужас Аркүди повис в воздухе, как пыль, поднятая ветром, и от его описания в уме Гарро зазвучал холодный, нестолкающий сигнал тревоги. Когда он заговорил снова, он обратился ко всем.

(Гарро): "Этот... призрак. Если вам не пог силу победить его, мы сделаем это за вас. Мы не будем дожидаться следующей атаки. Баррен, Рубио, собирайтесь. Мы сами пойдём к зверю, чтобы сразиться с ним. Мы примем бой на наших собственных условиях".

(Аркүди): "Все те люди, что пытались, погибли".

(Гарро): "Мы не люди. Мы Астартес".

Здание в центре города, некогда бросавшее небесам вызов своей красотой, теперь стояло, обвалившись внутрь себя. Базилика, величавая и грандиозная, превратилась в гору пыльных спекшихся кирпичей и битого стекла. Внутри

обвалившегося сооружения все еще имелись пространства, похожие на пещеры — пустоты со скошенными стенами, возникшие там, где несущие траторные колонны треснули, но не упали. Повреждения, добавившиеся позднее тругами пожаров и обильных кислотных дождей, превратили разбомбленное здание в опасное место. От любого ошибочного шага могла обрушиться неустойчивая стена, или в мгновение ока разверзнуться провал. И все же воин возвращался в базилику снова и снова, притягиваемый силой, которую не мог ни объяснить, ни преодолеть.

Окруженный с утраком и влажным воздухом, он возвратился к месту своего второго рождения. Здесь, привалившись к остаткам сломанной ораторской трибуны, его ждало безмолвное искаленное тело в покрытой шрамами броне.

(Кербер): "Я снова здесь, брат. Кербер здесь. Поговоришь со мной сегодня?"

Это здесь он умер, здесь очнулся вновь, погребенный под обломками и камнями. Здесь, внутри этого мемориала

безудержной разрыве, он выкопался наружу, движимый упорством, граничащим с невменяемостью.

(Кербер): "Если ты не будешь говорить со мной, брат, тогда я буду говорить с тобой. Я снова расскажу тебе историю и приду боль. Помнишь? Я знаю, что да. Сколько раз я должен просить, чтобы ты поделился со мной? Я ищу в собственных мыслях, и в них... пустоты, пробелы, разбитые зазубренные осколки памяти".

Все попытки вспомнить приносили небывалые страдания. Лезвия, скребущие по поверхности ума, огонь, охватывающий душу... и все-таки он по-прежнему старался схватить смысл.

(Кербер): "Я вижу, да, я вижу --- ты и я в этих залах. Предатели у кафедры, ненависть в них, губительные силы, меч... Меч в твоих руках! Остановись, остановись, ты не должен! Останови руку! Не делай этого!"

Он упал на колени, заново проходя через каторгу этих моментов во вспышке горького, страшного сопереживания. И все

же, вопреки всем страданиям, что он выносил, его разрушенный ум не мог дать ему понимания, которого он так отчаянно жаждал. Ни одна капля истины не стала яснее. Драгоценное эфемерное знание себя всегда оставалось вне его досягаемости. Это смерть, которая не была смертью, совершила с ним такое. От предательства и огня, клинков мечей и болб, от ран, нанесенных всем этим, кровь его души, потерянной и забытой, вытекла на камни. И теперь он заново переживал этот миг.

(Кербер): "Предательство, безумие и предательство, красное божество и тьма, тьма..."

В этой смерти, что-то сломалось внутри воина. Некая важная часть человека, которым он когда-то был, расщепилась, и фрагменты его, сломанные и обгорелые, рассыпались в пыли. Время баюкало его в своей колыбели, пока вокруг шла война. Стена пожара ушла дальше, и он остался позади, в испепеленной пустыне, сброшенный предателями со счетов.

(Кербер): "Брат. Сородич. Каждый раз"

Смерть подходит ближе, но я по-прежнему
ею отвергнут. Ты знаешь, почему? Ты не
скажешь мне? Смерть забрала тебя, а не
меня. Почему не меня?!"

Охваченный внезапной вспышкой
неистовой энергии, он бросился по
разбитым камням к месту, где лежало
другое тело, обреченное на казнь.

(Кербер): "Говори со мной!"

Но ответа не было. Брат воина был
мертв, разлагаясь с тех самых пор, как
вспыхнуло восстание. Шея его собрата
окончалась кровавым обрубком, отсеченная
голова лежала на коленях. Бледные
бескровные губы окружала почерневшая
корка засохшей крови. Незрячие глаза на
обезображенном лице, попорченные тухлыми
и медленным гниением, смотрели в
никуда.

(Кербер): "Я... Я извиняюсь. Как жаль,
что я не полню твое имя, брат. Прощу,
прости меня".

Воин посмотрел вниз на свои руки.
Его тело, казалось, действовало отдельно
от мыслей, как будто они принадлежали
разным существам. И в этот миг, на

короткое мгновение, его сознание
прояснилось.

(Кербер): "Что со мной сделали?
Кто..."

Воин затолк, услышав движение где-то
над головой, и момент был упущен.

(Кербер): "Кто постел? Незваные
гости?"

На разрушенные просторы города
упала ночь. Сломанные шпили и
опрокинутые башни стали гнездовьями
теней и темных прогалов. Провалы
выбитых окон смотрели, как черные
хищные глаза, и ветер... не переставая, дул
ветер.

(Аркүди): "Вот это место. Зверь
внутри".

(Баррен): "Уверен?"

(Аркүди): "Я отрядил внутрь десять
человек, чтобы убить зверя. Спустил какие-то
секунды я услышал предсмертные

вопли. Убийца прячется здесь. Иногда по ночам ветер доносит его крики".

(Гарро): "Это не зверь, старик, но это убийца".

(Аркүди): "Кем бы он ни был, дальше я не пойду".

(Гарро): "И впрямь, возвращайся к остальной группе. Баррен, пойдешь с ним".

(Баррен): "Что? Оставляешь меня в стороне?"

Два Астартес скрестили взгляды, и Гарро понизил голос.

(Гарро): "Я отдал тебе приказ, брат. Оставайся здесь, следи за Аркүди и его людьми. Будь настороже".

(Гарро): "Рүбио, что ты... видишь?"

Псайкер изучал останки упавших созданий, взглядываясь в камень, оценивая телепатический отклик окружающего их воздуха.

(Рүбио): "Я не уверен. В этом месте

эмоции клѹбятся, как дым, и тяжело не
обращать внимание на фон. Столь многие
утерли здесь... Так много голосов..."

(Гарро): "Мне нужно, чтобы ты нашел
всего один".

Рубио кивнул и закрыл глаза. Голубой
ореол психо-матрицы вокруг его головы
отбрасывал странные прыгающие тени.
Гарро ощутил затрепетавший в воздухе
металлический привкус --- след
псионической споры, толики
ультиматума, перешедшей в
вещественный мир. Гарро наблюдал, как
Рубио использует свои навыки. Руки
псайкера двигались, как-будто он шарил во
тьме в поисках чего-то невидимого.
Таланты экстрасенсов, псайкеров и варп-
проводцев всегда, даже в те дни Великого
Крестового Похода, когда он сражался, как
боевой капитан, казались ему странными
и чужеродными. С выходом Никейского
декрета Императора все боевые псайкеры в
имперских Легионах Астартес ---
эпистолярии, библиарии и кодициарии ---
были упразднены, но, наряду со многими
другими, Ересь Хоруса Лунеркала ввергла

все это в беспорядок. И сейчас приказы, раньше казавшиеся правильными и нерушимыми, постоянно менялись. Малкадор Сигиллит дал Гарро позволение использовать запрещенные способности Рубио так, как он сочтет нужным, без ограничений. Что это могло значить для будущего, Гарро мог только догадываться.

(Рубио): "Здесь, с нами, что-то... кто-то есть. Но отголосок ума необычен. В прошлом, я считывал недавно скончавшихся и видел эхо того, кем они были -- как в случае со стрелком. Этот такой же, но ум все еще жив, почти как если бы его мысли были пойманы между жизнью и смертью".

(Гарро): "Тогда разыщем его. За мной". Но Рубио протянул руку и остановил Гарро до того, как тот успел войти в руины.

(Рубио): "И, когда ты найдешь его, что ты скажешь этой измученной душе? Император защищает?"

(Гарро): "Брат, если у тебя есть, что сказать мне, то я готов это выслушать".

Рука псайкера упала, но он выдержал

твердый взгляд бывшего легионера
Гвардии Смерти.

(Рубио): "Баррен был прав. Аркүди и
выжившие -- не наша забота. Мы должны
сконцентрироваться исключительно на
нашей миссии. Я усвоил этот жестокий
урок, когда ты завербовал меня на Калте".

(Гарро): "Приказы здесь отдаю я. Лорд
Малкадор избрал меня своим главным
исполнителем".

(Рубио): "Да, это так. Но я уже не в
первый раз слышу, как ты говоришь эти
слова, Гарро: Император защищает. В них
больше смысла, чем ты признаешь, и эти
символы аквилы -- они тоже больше, чем
просто побрякушки".

Гарро не сказал ничего, внимательно
разглядывая младшего Астартеса.
Зондировал ли Рубио его поверхностные
мысли в параллель со своей речью? Как он
отреагирует, если узнает, что Натаниэль
Гарро, Герой Эйзенштейна, избранник
Сигиллита, занятан верой в божество?
Псайкер ответил на вопрос.

(Рубио): "Гарро, меня слабо волнует,
что ты можешь скрывать. Каждого из нас

терзают свои демоны, у каждого --- свои секреты. Но убедись, что не позволяешь своим собственным планам вступать в противоречие с присягой, которую мы принесли Малкадору".

(Гарро): "Этого никогда не произойдет".

(Рубио): "Вот именно. Теперь показывай дорогу".

(Кербер): "Предатели. Они вернулись. Ищите, найдите меня, о, и вы сразитесь со мной!"

Гарро первым вошел в обвалившуюся базилику, держа перед собой свой силовой меч Вольнолюбец. Его прищуренные глаза шарили по теням среди разрушенной каменной кладки. Здесь и там бездонные

черные провалы уходили вниз в пространство под массивным зданием, туда, где подуровни обрушились один на другой. Тщательно выбирая места, куда поставить ноги, воин бросил взгляд вниз, на электромагнитное устройство, свисавшее с его пояса, и нахмурился.

(Гарро): "Аусник дает путанные показания. Металл в руинах сбивает сенсоры. Рубио, у тебя что-нибудь есть?"

(Рубио): "В этом месте есть призраки. Рагуйся, что ты их не слышишь".

(Гарро): "Что они говорят?"

(Рубио): "Что говорят все призраки? Они хотят отлучения".

Какое-то время Гарро изучал другого воина. Он не был уверен, говорит ли псайкер правду или поддразнивает его. Он решил не подгаливать вопрос. Отворачиваясь, он заметил среди сломанных балок и потрескавшихся опор силуэт явно человеческих очертаний. Гарро узнал знакомые формы боевых доспехов модели Максимум. Он поднял меч и шагнул вперед.

(Гарро): "Ты, поднимись и встань перед нами!"

(Рубио): "Если бы он это сделал, Гарро, это был бы кошмар. Душа покинула его. Он уже давно мертв".

Боевой капитан понял, что псайкер прав. Теперь он был ближе и мог видеть, что то, что казалось склоненной головой, на самом деле было неровным обрубком шеи. Он отвел взгляд, на лице появилось отвращение. Это было не то состояние, в котором Астартес должен остаться в памяти других.

Пока Рубио осматривался, копаясь в заваленных трачных углах зала, Гарро исследовал поврежденную броню. Он увидел отпечатки от выстрелов и предательские зарубки, оставленные острием силового клинка.

(Гарро): "Символика. Под пылью видны цвета и эмблема. Этот воин был капитаном Шестнадцатого Легиона".

(Рубио): "Шестнадцатый. Легион Хоруса..."

Слова Рубио внезапно заглушил обратительный кошмар в плаще,

выскочивший из-под хлама у его ног. Не дав
и мгновения, чтобы отреагировать, на
него обрушился рычащий цепной клинок. Он
подставил под него наруч, и кератин
встретился с вольфрамом в фонтане искр.
Перед глазами Рубио мелькнуло хмурое
яростное лицо, и дикая атака
возобновилась. На его голову обрушилось
навершие рукояти цепного меча, дробя
кость и разбивая псионический кристалл.
Он пошатнулся и попытался восстановить
равновесие, но атака была сумасшедшей по
своему натиску. Он ступно сознавал, что
Гарро спешит на помощь, но его противник
захохотал и выхватил из локотьев
своего плаща какой-то предмет.

(Гарро): "Крак-граната!"

(Кербер): "Может скоро достаться
вам, предательские ублюдки!"

Воин в плаще сбил Рубио с ног и,
развернувшись к ним спиной, потчался к
обрушенному входу. Одним плавным
движением Гарро подхватил гранату с
того места, где она упала, и из всех своих
сил забросил ее в черные глубины
ближайшей воронки.

(Гарро): "Беги, чтоб тебя!"

И наконец, после месяцев медленного обветшания, базилика была разрушена окончательно. Последний выброс черной пыли, всколыхнув воздух, опал в бездну, с грохотом развернувшись под ней. Земля поглотила руины, утащив их во тьму.

(Баррен): "Трон и кровь! Гарро, Рубио, слышите меня?"

В бусине вокса в ухе Баррена звучали лишь треск статики. Когда гигантское облако пыли окутало лагерь выживших, который он караулил, он перевел взгляд на болтер в своей руке.

(Баррен): "Эй, вы! Все пригнитесь! Закройте лица и не двигайтесь".

(Аркүди): "Мы их предупреждали. Зверь идет!"

(Баррен): "Затолчи, старик! Оставайся внизу!"

(Аркүди): "Слышишь? Смотри вон"

түгә, в облако пыли".

(Баррен): "Я сказал --- затолчи!"

Помрачневший Баррен поднял свой болтер к плечу и прицелился в хтарь, выискивая любое случайное движение, которое могло бы послужить мишенью. Все прочее было забыто, беспокойство за судьбу боевых братьев ушло, и всем, чего он искал сейчас, был враг, который, как он знал, приближался.

(Кербер): "Единственная цена за предательство --- сталь, и вы заплатите за то, что отринули Императора!"

Нечто пришло в движение --- силуэт, похожий на скачущего волка или хищную птицу, встающую на крыло. Баррен заметил тусклый блеск поднятого цепного меча и открыл огонь. Астартес увидел подбегавшего врага.

(Аркүди): "Зверь!"

(Кербер): "Ты --- покойник! Вы все --- покойники!"

(Баррен): "Стой! Ты не можешь сражаться..."

(Кербер): "Умнем Императора, я уничтожу вас!"

В тренировочных ямах Легиона Пожирателей Миров Варрен сражался с воинами всех категорий — от здоровых и полным и телом до доведенных до грани безумия лоботомирящими вставками и нервным имплантатом. И все же он был ошеломлен чистой, незамутненной злобой, с которой напал этот новый враг.

Каждый Агент Астартес, независимо от того, к какому Легиону принадлежал и какого примарха звал своим повелителем, сражался, чтобы выжить и победить. Но не этот зверь. Этот бился, как безумец, без всякой мысли о выживании. Он являл собой чистую ярость. Он сражался так, как будто жаждал объятий самой смерти, но в его глазах было нечто. Нечто потерянное.

(Варрен): "Будь ты проклят!"

(Кербер): "С этим ты опоздал!"

Прежде, чем Варрен смог остановить его, он был сбит с ног и отброшен к сложенной каменной колонне. Варрен зашатался, полуголупенный силой удара, и выронил болтер. Он развернулся, принимая защитную стойку, чтобы закрыться от

любого добивающего удара, но его враг покинул его.

(Кербер): "Это погодим!"

(Баррен): "Что ты делаешь? Они же гражданские!"

Потрепанный воин подобрал упавший болтер Баррена, и ни тени сожаления не мелькнуло на покрытом шрамами лице, когда он открыл огонь.

(Кербер): "Я Кербер, хранитель врат преисподней! Я правосудие!"

(Гарро): "Не в этом мире. Рубио, давай!"

Псайкер обратился к волнению, поднимавшемуся из сердцевины его тронутой варпом души, и обратил его в толнию. Но взмаху его руки дуга потрескивающей голубовато-белой энергии рванулась по усыпанной осколками почве и вскрыла ее.

Пыль медленно оседала, покрывая все толстым слоем песка и пепла. Ощущая, как спазмы жуткой боли от ран пронзают его с каждым шагом, Баррен дохромал до края новой воронки и

посмотрел вниз. Он увидел лишь тени.

(Гарро): "Он мертв?"

(Баррен): "Нет, тогда осталось бы тело. Я мог бы сказать то же самое про вас. Руины обрушились..."

(Рубио): "Нас заблокировало обломками, но мои способности позволили нам спастись".

(Гарро): "Чтобы убить Астартес, требуется нечто большее, чем обрушившееся здание. Что здесь случилось?"

(Баррен): "Рубио ударил зарядом, упал, но камень под ногами врага провалился. Весь этот город -- одни лишь слои обломков и руин, один поверх другого".

Баррен бросил взгляд в сторону Аркюди и тех, кто остался от его группы выживших. Многие были мертвы, другие -- серьезно ранены. Он прекрасно понимал, что, если бы не вмешался Рубио, тот, кто звал себя Кербером, прикончил бы их всех. Он заметил Гарро и зафиксировал на нем жесткий взгляд.

(Баррен): "Это был не зверь, боевой капитан. Это был один из нас, Астартес,

генетически-созданный прирожденный
воин".

От этого предположения глаза Рубио округлились, и на лице псайкера появилось кислое выражение.

(Рубио): "Он называл нас предателями. Там, внизу, я видел его лишь мельком. Гарро, скажи нам правду. Этот враг -- то, что я думаю?"

Лицо Гарро затвердело. Казалось, что от тяжести вопроса он постарел.

(Гарро): "Да. Но теперь я понимаю, что он зашел слишком далеко. Он впал в безумие. То, что случилось здесь, повредило его рассудок. Его нужно убить".

(Баррен): "Что?"

(Рубио): "Ты видел, что он творил. Он откровенно пренебрег нами, чтобы напасть на беззащитных гражданских -- стариков, женщин и детей".

(Баррен): "Ты не смотрел ему в глаза, псайкер. Ты не видел то, что я видел: тучения и тьму. Может твой колдовской взгляд разгадать это? Те слова, что я сказал раньше... я был не прав. Он зверь, человек, ставший животным, но он все еще

один из нас. Он не предатель".

(Рубио): "Я не смог коснуться его рта — слишком велико в нем стяжение. Оно подобно гигантскому вихрю".

Баррен протянул руку и сжал предплечье боевого капитана. На его грубом лице зажглась целеустремленность.

(Баррен): "Гарро, послушай меня. Из-за этого раскола, в этой проклятой кровавой войне мы потеряли так много боевых братьев. Изменника я убью без колебаний. Но ты не говори о предателе. Наш брат заблудился. Ты должен..."

(Гарро): "Что я должен делать? Что я должен делать, так это выбор. Этот долг мой и только мой, Баррен. Если я отдам приказ, то так и будет. Ты понял?"

(Баррен): "... я понял".

Медленно занялся рассвет. Слабое свечение далекого солнца проливалось на

разрушенный город лишь толпы
призрачного света. Пыль и облака
обесцветили все предметы, выкрасив их в
серое. Единственными клочками цвета
были потеки крови вокруг тел мертвых и
раненых. Пока Гарро и Варрен стояли на
страже, Рубио ходил среди выживших. В
его нос бил отдающий медью запах их
жизненных соков. Он разыскал Аркуди,
который перевязывал рану на руке куском
грязной тряпки. Его окружали изнуренные
остатки его команды.

(Рубио): "Я могу дать тебе аптечку.
В ней есть бинты".

(Аркуди): "В этом нет нужды,
Астартес. Это пустяки, в худшем случае --
царапина, не заслуживающая
беспокойства".

(Рубио): "Как пожелаешь. Возможно,
для кого-то другого? Я вижу, что у
некоторых из твоей группы имеются более
серьезные раны".

(Аркуди): "Мы благодарны за твое
предложение. Но я должен его отклонить.
Пойми, пожалуйста -- таков наш... путь".

(Рубио): "Устекать кровью?"

Нсайкер жестко посмотрел на пожилого человека. Он почувствовал в мыслях Аркуди то, что могло быть тончайшим налетом лжи, но не был в этом уверен. Прежде, чем солдат успел ответить, Рубио ушел к черте трюнов, уложенных в ряд. Он опустился на колени перед ближайшим из них, движимый порывом, который не мог внятно объяснить, наполовину сформировавшимся подозрением, поднимавшимся у него в груди. Рубио бережно взял руку мертвой женщины, и задрал рукав. Его взгляд прошелся по бледной руке и обнаружил нечто.

(Рубио): "Что это?"

Как он и ожидал, на ней были ушибы и шрамы, но плоть трупа явила и нечто большее — повреждения, каких Рубио еще не видел. Он не был Апотекарием, но до этого сталкивался и с радиационными ожогами, и с раковыми опухолями. Следы на плоти напоминали их, но его поразила узор. Что бы ни заразило мертвую женщину, оно проявилось в виде тройных групп, выглядевших почти как утышенная

метка. Рубио исследовал другое тело, затем третье — у каждого обнаружилось такое же странное заражение, скрытое от чужих взглядов.

Подошел Гарро, и Рубио поднял голову. На лице боевого капитана было вопросительное выражение.

(Гарро): "Рубио, чем ты занимаешься?"

Псайкер продемонстрировал ему отметки.

(Рубио): "Гарро, ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?"

Еще не закончив вопрос, Рубио уже увидел ответ на него в выражении другого воина. Отвращение, злость, ненависть — все эти эмоции пронеслись по лицу Гарро в течение одного мгновения. За его спиной Аркуди и прочие уцелевшие прекратили свои занятия и развернулись, чтобы посмотреть на Астартес.

(Гарро): "Я видел такую метку прежде, Рубио, и это глашатай ужаса и гибели".

В пучинах варна, на борту фрегата Эйзенштейн, Натаниэль Гарро и его боевые

братья сражались с существами, которых
затронул тот же самый тройной символ.
Это были мертвецы, предатели из
Легиона Гвардии Смерти, тела, в которые
некая темная сила из Улматериума вновь
вдохнула тлетворную жизнь.
Неутирающие, оживленные болезнью и
неукротимой ненавистью, движимые
разложением... И теперь та же сила
кишела здесь, в руинах, скрываясь прямо
под носом.

(Аркүди): "Метка не предназначалась
для твоих глаз. Но теперь ты тоже
получишь благословение Дегүшки. Он
ожидал тебя... НАТАНИЭЛЬ".

Как один, выжившие откинули назад
свои головы и закричали.

Кожа Аркүди сползла с его лица
пергаментной маской крошащейся
распадающейся плоти. И везде вокруг,
сбрасывая с себя личины человеческих
существ, преображались его товарищи. По
их лицам разливалась бледность,
множественные тройные струны
стремительно превращались в трюнные

пятна. Они сбросили свою маскировку и
явили свой истинный облик. Какой бы
темный потенциал не удерживал их до
этого на грани жизни, сейчас он
прекратил это занятие и затем ускорил
их разложение. То, что мгновение назад
казалось людьми, превратилось в
ковыляющие стонущие остовы. У, рядом с
ними, задержались и встали на ноги
остывшие трупы, чья окровавленная плоть
висела ключьями, а конечности были
повреждены болтами.

Подбежал Варрен с оружием
наготове. Его появлению предшествовал
порыв, похожий на шепот.

(Варрен): "Этот звук..."

(Гарро): "Зов для их собратьев. Нас
предали, братья! Будь я проклят, дурак".

(Варрен): "Боевое
строение. Они окружают нас!"

(Гарро): "Уничтожить этих тварей!
Умнем Императора!"

(Варрен, Рубио): "Есть!"

(Рубио): "Их только горстка. Мы и
не по зубам".

(Варрен): "Погоди говорить, псайкер".

(Аркүди): "Мы бессчетные мертвецы.
Присоединяйтесь к нам!"

Они лезли из всех темных углов,
выкапываясь из обломков, спеша из руин,
появляясь из каждой неглубокой могилы.
Оргы забывающих неутрачивающих накатили
волной, стиная Астартес своим
количеством.

(Аркүди): "Присоединяйтесь к нам!"

(Гарро): "Огонь!"

Вольнолюбец пел в воздухе. Меч
Гарро взлетал и падал, снося голову
одному за другим, но на месте каждой
жертвы, с которой он раздвигался,
возникали три другие. Напор мертвой
плоти принуждал их отступать, отрезая
все пути к спасению. Рубио обратился к
своим способностям, чтобы метнуть в
толпу разряды рычащей энергии, но он был
не в состоянии сдержать поток.

(Рубио): "Так и лезут!"

(Баррен): "Мы что, должны сразиться
с каждой жертвой вирусных болб? Как они
могут быть мертвыми, и все еще жить?"

(Гарро): "Кербер! Он знал! Держитесь
ближе, братья. Если мы здесь погибнем, то

мы упрет вместе".

Но не успели слова слететь с его губ, как к хору безумия присоединился новый голос. Подобно воззванию к мифическому созданию, упоминание имени привело Кербера к месту схватки.

(Кербер): "Я вижу вас! Я иду за вами!"

Он был вихрем, заключенным в доспехи, сносившим головы и разрубавшим тела. Он рвал неумирающих чужовищ на клочки, отрывал конечности, рассекал кожу вращающимися бритвенно-острыми зубьями цепного меча. Астартес в своей поврежденной броне был черным призраком, он бился, как сам дух отщепенца, без усталости, без запинки, не обращая внимания на полосующие его когти и удары кулаков. Из многочисленных ран хлестала кровь, и все же он продолжал сражаться, убивая мертвецов, отправляя тарионеток из сгнившей плоти назад в разбомбленные могилы, из которых они вынылали. В его глазах была видна лишь ненормальная абсолютная сосредоточенность настоящего безумца.

(Гарро): "Угловить сопротивление!"

Стоять твердо! Мы должны выжить. Мы должны исполнить свой долг!"

(Баррен): "Ух слишком много!"

(Гарро): "Рубио! Баррен, останься с нами".

Псайкер дрогнул под напором волны гниющих тел, и они опрокинули его на землю. Рубио исчез под массой рычащих неутрачивающих, его броню раздирали когтистые пальцы.

(Рубио): "Уберитесь с меня!"

Волна телекинетической энергии обратила тварей в новые сугробы порошкообразного непа. Взмахами мечей Баррен обезглавил тех врагов, которые еще двигались, и подошел, чтобы поднять своего товарища на ноги.

(Баррен): "Это последний? Во имя Терры, скажи мне, что эти гниющие уроды кончились!"

(Рубио): "Битва еще не завершена".

(Баррен): "Гарро! Что он творит?"

Ценной меч опустился, подвесив в воздухе нить застаревшей гнилой крови. На руины снова упала тишина, нарушаемая

лишь нескончаемыми ветрами. Воин, звавший себя Кербером, поднял взгляд, пылающий жаждой убийства, и обнаружил приближавшегося к нему Астартес в серой броне, лишенной украшений.

(Гарро): "Довольно. Дело сделано. С врагом покончено".

(Кербер): "Ты смеешь командовать мной? Предательская свинья, я напою землю твоей кровью!"

(Гарро): "Опусти меч. Не принуждай меня сражаться с тобой".

(Кербер): "Никогда! Я не останавлиюсь никогда, я прикончу всех, кого Хорус посылает мне в испытание!"

(Гарро): "Это твой последний шанс. Отбрось его, и ты умрешь".

(Кербер): "Покажи, на что способен!"

Он напал, и оказалось, что ярость, которую он выказал мгновения назад, была лишь искрой огня, пылавшего внутри него. Их мечи встретились, зазвенели и столкнулись вновь, и Гарро увидел, чем была на самом деле эта потерянная душа. В урагане ударов, в искрах, высекаемых металлом, скрежектавшим о металл, он

бигел осколки человека, мелькавшие за
ширмой безумия. Каждый выпад и каждое
отражение подвергали искусство владения
Гарро мечом доскональной проверке. Он
мгновенно понял, что из всех, кого ему
доводилось встречать на арене боя, это
противник был самым смертоносным.
Каждый его удар был отбит, каждый выпад
был встречен вовремя. Воин против воина,
они сражались и сражались. Время
исчезло, и, в конце-концов, остались только
мгновение и поединок, пойманный внутри
него. Они боролись с переменным успехом,
выскивая места для крошечных надрезов
и ран, но не находя возможности нанести
решающий удар. Каждый был для другого
равноценным противником. Они
продолжали битву в поисках крошечной
бреши или момента невнимательности,
подразумевавших смертельный удар. Они
скрестили мечи и, неожиданно, удерживая
их в таком положении, продолжили
напирать друг на друга изо всех сил своих
взбугрившихся улучшенных мышц.

(Кербер): "Я знаю, кто ты ---
предатель! Грязь! Шлюхин сын!"

(Гарро): "Я знаю, кто ты -- как и я, Agentus Астармес. Человек, которого Сигиллит послал меня найти".

(Кербер): "Лжец! Я Кербер, волкодав у врат преисподней. Мне отказано в смерти!"

(Гарро): "Нет, брат. Твой ум затуманен. Помоги мне! Прорвись сквозь тьму, пелену безумия! Вспомни, кто ты!"

(Кербер): "Я Кербер!"

Используя все свои силы, воин оттолкнул Гарро и отшатнулся назад, создавая между ними дистанцию. Он указал мечом туда, где стояли Варрен и Рубио, готовые присоединиться к схватке.

(Кербер): "Зови своих братьев-ублюдков, если постыдись -- я прикончу вас всех!"

(Гарро): "Нет! Этот вопрос мы разрешим между нами".

(Кербер): "Тогда утреши первым. А они последуют за тобой в ближайшее время".

(Гарро): "Послушай меня. Кербер -- миф. Это имя из предания, легенда -- и ничего более. Тебя зовут не так. Он -- это

не ты".

Последовало мгновение нерешительности, и Гарро ухватился за него. Если он сейчас потерпит неудачу, то единственным финалом будет смерть.

(Гарро): "Я Натаниэль Гарро, странствующий рыцарь Малкадора Сигиллита, верный слуга Императора Человечества. А ты..."

(Кербер): "Кто я?"

(Гарро): "Тебя зовут Гарвель Локен. Этот мир — Усстван III, где твой примарх и твои боевые братья предали тебя и бросили умирать".

(Кербер): "Нет..."

(Гарро): "Ты знаешь, что это правда. О тебе не забыли".

(Кербер): "Нет. Нет! НЕТ! У меня нет братьев! Остались только предатели! Я... я сам себе Легион, и я буду убивать вас, пока за мной не придет смерть!"

(Гарро): "Тогда делай это!"

Гарро раскрыл пальцы, и Вольнолюбец выпал из его руки. Он откинул голову назад и открыл незащищенное горло. Покрытый шрамами

воин поднял меч, целя на пике движения.

(Гарро): "Я не могу побить тебя, так что я не даю отпор --- лишь выбор, тот же самый, что встал передо мной, когда я оказался в этом мире. Убьешь меня --- погубишь брата по оружию, и это самое действие сделает тебя предателем. Присоединишься к нам --- и докажешь, что ты все еще верен Императору".

(Кербер): "Императору?"

(Гарро): "Император защищает".

(Локен): "Да, это так".

Там, где потерпел неудачу клинок, слова и дела принесли победу. Ведь даже глубочайшие бездны безумия не могут поколебать преданность и верность настоящего Агента Астартес. Потерянный сын был найден, миссия завершена. На текущий момент.

(Баррен): "Гарро, "Грозовая Птица" готова к отлету".

(Гарро): "Понял. Я приведу его".

(Баррен): "Он мог бы убить тебя на месте. Ты пошел на смертельный риск, чтобы спасти его от самого себя".

(Гарро): "У меня не было выбора, Баррен. Ты был прав. В этой войне мы потеряли достаточно своих братьев".

(Баррен): "И это еще не конец".

(Гарро): "Локен, пора отправляться".

(Локен): "Куда?"

(Гарро): "На Терру. И в будущее".

(Локен): "Почему вы пришли за мной? Я был мертв, забыт. Зачем воскрешать меня?"

(Гарро): "Ты последний, Локен. Последний из тех рекрутов, которых Сигиллит приказал мне разыскать".

(Локен): "С какой целью?"

(Гарро): "Ответ на этот вопрос мы узнаем вместе, брат. Настоящие испытания начинаются для нас сегодня".

Серый Ангел

Джон Френч

(Аудиопостановка)

"...знай же, что у прошлого есть два лица. Одно из них яркое и кровавое, его знают все, второе -- затенённое и скрытое, с отталкивающими и усталыми чертами. Оно забыто, и его никто никогда не увидит. Это и есть истинное лицо истории -- лицо негласной войны..."

Дверь камеры открылась, и узник поднял глаза. Цепи толщиной с запястье взрослого мужчины удерживали его у голой каменной стены, обвиваясь поверх него, как змеи с ржавой чешуёй. Его силовую броню отключили, и её мёртвый груз удерживал

его тело, словно оковы. Маленькая камера была вырублена в чёрной скальной породе, и когда в дверь шагнул человек с факелом, её стены заблестели от влаги. Платяны выхватило глаза узника, наблюдающие за факельщиком, и зажгло искры в их глубинах. Вошедший был закутан в серые одежды, похожие оттенком на тени, и узнику показалось, что он видит смутные очертания улыбающегося рта, скрытые широким капюшоном. Железная дверь затворилась за спиной человека и закрылась на запор. В камере внезапно наступила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факела.

(Человек): Итак, ты и есть пойманный. Я пришёл сюда, чтобы тебя расспросить. Уверен, ты понимаешь ситуацию.

(Узник): Делай, что должен. Я не боюсь твоих методов.

(Человек, со смехом): Я пришёл сюда, чтобы получить ответы, а не резать тебя на куски.

Человек шагнул вперёд, и узник увидел два ясных чёрных глаза.

поблѣскивающихъ въ глубинѣ капюшона. Онъ былъ на голову ниже, чѣмъ типичный костодесантникъ, хотя броня и одежды увеличивали его размеры. Узникъ прищурился: его зрѣніе было острымъ, но его умъ словно бы не могъ сосредоточиться, какъ будто въ человѣкѣ было что-то, что невозможно было различить. Онъ бросилъ взглядъ въ затенѣнный уголъ камеры, какъ если бы онъ чего-то ждалъ.

(Узник): И что же это за простые вопросы, ради которыхъ тебѣ могло потребоваться приковать меня здѣсь?

(Человек): Вопросы верности.

Закутанный въ одежды человекъ поднёсъ факелъ ближе, такъ чтобы его неровный светъ упалъ на тусклую серую поверхность доспеховъ узника.

(Человек): На тебѣ боевая броня легионера, но нѣтъ ни эмблемъ, ни знаковъ принадлежности. Фактъ того, передъ кемъ ты преклоняешь колѣно, говоритъ о томъ, кто ты такіе. Таковъ порядокъ вещей. Твоя же сущность неясна, кому ты веренъ -- неизвѣстно, и ты забрѣлъ въ мои владѣнія. Въ лучшемъ случаѣ ты загадка, въ худшемъ...

(Узник): Это вопрос или поучение?

(Человек): А это должно быть чем-либо из них? Вопрос подразумевал бы, что ты враги, а мне бы не хотелось в это верить. Поучение означало бы, что я пытаюсь тебя убедить, а мне нет в этом нужды. Я просто излагаю тебе ту правду, которую я знаю.

(Узник): Эти цепи говорят о другом.

(Человек): Когда-то на этой планете прийти незваным в чужие владения означало смерть. Будь благодарен за то, что я оставил тебе твои доспехи.

Закутанный в одежды человек поместил факел в металлический держатель, показав глянцевитую черноту и тронутое пламенем золото своих закованных в броню рук. Маслянистый свет оттеснил трак на краю катеры, и узник увидел принадлежащие ему болтер и цепной меч, которые были прислонены к стене.

(Человек): Цепи -- всего лишь мера предосторожности. Я оказал тебе всё возможное уважение, хотя ты, в свою очередь, не удостоился проявить хоть

капельку вежливости. Ты даже не назвал
твоего своего имени.

Узник откинул голову, ощущая её
кожей холодную сырость каменной стены.

(Узник): Моё имя --- Кербер.

(Человек, со смехом): А, легенда
древности. Как тебе будет угодно. Я
отвечу на любезность тем же. Моё имя ---
Лютер, и я узнаю, зачем ты появился в
тех властях.

Цактон Круз погрузился в тень по ту
сторону стены и прислушался. Его доспехи
выглядели призрачно-серым пятном во
тьме ночи, а единственная эмблема,
которая на них была, терялась во тьме и
брызгах дождя. Его шлем был снят, давая
его чувствам возможность анализировать
ночной воздух. Он чувствовал накапливающийся
грозовой заряд. Над его головой
возвышалась крепость Альдурх.

устрепляясь к беззвёздному ночному небу
ярүсати холодного катня. Он проник за её
внешние укрепления, но понимал, что её
охрана в виде караульных, датчиков и
превентивных мер безопасности бүден
лишь усиливаться по мере его продвижения
вглубь. Он рисковал, но его принудили к
этому сроки и возможность полного
провала. Необходимость, служившая ему
девизом все эти последние годы, была
такой же жестокой и неоспоримой, как и
всегда. Он провёл на Калибане уже
несколько дней, перемещаясь во тьме,
слушая, наблюдая, пытаясь найти то, что
им было нужно, то, ради чего они здесь
появились.

Лев отослал часть Легиона Тёмных
Ангелов обратно на их родную планету,
отдав командование над ними Лютерү.
Это случилось до того, как Хорүс начал
свой мятеж. С тех самых пор Калибан
злоюще безмолвствовал. В войне, которая
велась под знаменем предательства и
вероломства, это молчание могло как не
значить ничего, так и говорить о многом.
Они прибыли сюда, чтобы разобраться с

этим вопросом, но их запасы времени истекали. Тёмные Ангелы схватили Локена, нет, — подумал он, — это Локен позволил им себя взять. Крүз видел в этом поступке лишь безрассудство, считая его опасной авантюрой. Он тянул, сколько мог, выжидая, пока Локен освободится, или его план и в самом деле сработает. Если бы Локен встретился с Лютером и установил, что тот остался верным, они могли бы передать своё сообщение и начать действовать в открытую. Но Локен не подал ни единого знака, и уже прошло слишком много времени. Теперь Крүз должен был идти на ещё больший риск.

Внизу, во внутреннем дворе, не было никакого движения. Он слышал лишь шум ветра и стук дождя по камню. Он стеснился вперёд, его бронированная туша беззвучно двигалась сквозь дождь. Боевые успехи были такими же, как и у всех Астартес, но острый глаз уловил бы отличия, разглядев в их серой простоте признаки уникального мастерства. Крүз придвинулся к краю парапета, держась

низко к земле. Он вскинул голову, ощущая, как дождь стекает по впадинам его покрытых шрамами щёк. Молния осветила небо и обрушила свой гнев на крепость. Крүз перевалился через паранет, раскаты грома поглотили звук его удара о каменную стену внизу. Он бросил взгляд по сторонам, держа руку на болтере, который был фиксирован магнитным крепежом на металлической пластине на его ноге. Ничего и никого. Крүз двинулся по краю двора, держась пропитанных дождём теней. Открытый сводчатый проход, ведущий внутрь крепости, мерцал маслянистым факельным светом.

Он находился в трёх шагах от входа, когда услышал поступь ног. Он окаменел с рукой, зависшей над болтером. Из дверного проёма показалась фигура человека, превращённая факельным светом в изорванный силуэт. Крүз разглядел массивный наплечник, повитый отделанными мехом одеждами, которые волновались на ветру. Из висков безликого шлема воина выростали короткие крылья, а на его правом плече покоился обнажённый

меч. В свете факела струйки дождя, стекающие по полотну клинка, казались ручейками остывающего пламени. Круз затаил дыхание, чувствуя, как учащается стук его сердца. Тёмный Ангел запрокинул голову, его красные линзы неотрывно смотрели в небо. Сверкнула молния, выбеливая двор и фигуру в одеждах. Круз чувствовал, как нарастает уровень адреналина, его холодное и маслянистое ощущение в своих старых мышцах. Он заставил свой пульс затеблиться. Его пальцы внутри латных перчаток едва ли не дрожали.

Тёмный Ангел опустил взгляд, развернулся на пол-оборота и осмотрел часть двора, противоположную месту, где стоял Круз. Если воин обернётся, ему придётся стрелять. Выстрел должен быть смертельным, чистым и быстрым, очень точным, одним-единственным движением, произведённым в тот миг, когда часовой вытащит свой болтер. Круз прокручивал это действие в своём уме, сосредотачиваясь на мишени и хронометраже, готова себя к

неотвратителю моменту. Он мог видеть, как белёсый мех шкуры, которая была накинута на плечи Тёмного Ангела, покрывается каплями дождя. Круз появился здесь не для того, чтобы убивать, но он сделает это, если на то будет необходимость. Тот факт, что это был его собрат-костюгесантник, и всё ещё могло выясниться, что он остаётся верным, ничего не менял. В той войне, которую они сейчас вели, подобные вещи не имели значения. Круз представил себе, как наполненный ртутью снаряд пробивает глазную линзу воина. Он напряг ноги. Когда он выстрелит, ему тут же придётся прыгнуть вперёд, чтобы поймать тело до того, как оно загорится о землю.

Тёмный Ангел развернулся и ушёл обратно в дверной проём. Круз выслушал, как затихают шаги, медленно выдохнул и позволил своим мышцам расслабиться. Он увидел блеснувший клинок лишь за миг до того, как активировалось силовое поле. Заряженное остриё кончика меча коснулось его виска и затерло.

(Голос): Не шевелись.

Уши Крүза затопило электрическим гулом, похожим на жужжание ос. Он успел увидеть кого-то у своего левого плеча, его резкие черты, заканчивающиеся суровым ртом, которые обрамляла тень от глубокого капюшона. Его обнаружили, и это означало, что их миссия во всех её аспектах была под угрозой. Истина и верность сейчас не имели значения. Ему придётся совершить убийство, однако учитывая сноровку противника, о которой говорило то, насколько полно Крүз был захвачен врасплох, это будет нелёгкой задачей. Цактон сглотнул. Ему необходимо выжидать, пока не стеснится силовой клинок.

(Голос): Ты можешь говорить, но если шевельнёшься каким-нибудь другим образом, то ты умрёшь.

(Крүз): Я тебя понял.

(Голос): Хорошо. А теперь рассказывай, что ты здесь делаешь, Цактон Крүз.

(Лютер): Они за тобой не придут.

Локен хранил молчание. Он ощутился здесь, чтобы прояснить простой вопрос: чью сторону приняли Тёмные Ангелы? Калибана — Императора или Хоруса? Ответа потребовал сам Розал Дорн, и Локен вместе со своим братом Цактоном Крузом появился здесь, чтобы его найти. Но ответ не был простым. Побывав в преддверии смерти на загубленной планете Исстван III, Локен обрёл охотничье чутьё на омерзительный дух разлагающего воздействия варна, но встретившись с Лютером, он ощутил сдвигу в энергиях Императора, змеиное касание соблазна. Он не был псайкером, но в этот момент он почувствовал, что его восприятие как-то образом вышло за пределы чувств мертвых, словно его обоняние и зрение сообща простёрлись в иную сферу бытия. Лютер не отрывал от него немигающего взгляда. Локен потряс головой и уставился

В тени в углу камеры. Ощущение было
эфемерным, но оно сопровождало каждое
произнесённое Лютером слово, отдавая
скрытностью и отголосками решений,
принятых на давно уже пройденных
распутьях. Локен чувствовал это уже в
самом факте своего заключения в
темницы Тёмных Ангелов.

(Локен): Я здесь один.

Лютер улыбнулся, словно бы услышав
изысканную шутку. Он подошёл ближе,
скинул с головы капюшон. Его лицо было
твёрдым, но без той неприкрытой
свирепости, которая была свойственна
большинству космогоситников. Он всё
ещё оставался человеком — по крайней
мере, частично. Его лицо было открытым,
оно выражало высочайшую уверенность,
подчинённую интеллект. Оно вызвало
доверие и чувство братства, это было
лицо человека, в которого можно было
поверить и пойти за ним до самого конца.
Локен был наслышан о лидерских
качествах Лютера, и когда-то давно ему
довелось увидеть кое-что из них, но
отвечая взглядом на взгляд Тёмного

Ангела, он понял, что репутация не отражает суть этого человека. Он был стержнем, на котором держались завоевания и верность остальных. Подобное качество объединило Терру и создало Империум, и, затем, оно же перевернуло его вверх тормашками. Глядя в тёмные глаза Лютера, Локен осознал, что он уже сталкивался с такой чертой. Какой-то миг, длившийся мгновение ока, ему казалось, что он смотрит на самого Хоруса, Хоруса более доблестных времён.

Лютер отвернулся и пошёл к невысокому заплесневелому каменному блоку, который располагался у подножия стены. Он уселся, его глаза смотрели куда-то в воображаемые дали. Локен наблюдал за ним, хотя в своём уме он стремительно перебирал стратегические варианты, вопросы и возможности. Позволяя себя взять, он шёл на риск. Его могли убить без всяких раздумий, но эта встреча, эта проверка могла состояться лишь так. Сейчас Локену приходилось делать выбор, которого он не предвидел.

(Лютер): Тебе снятся сны, Кербер?

(Локен): Я вижу сны.

(Лютер): О чём?

(Локен): Я вижу во сне... моих братьев.

(Лютер): Кто они? Те братья из твоих снов --- кто они?

(Локен): Мертвецы.

(Лютер, вздыхая): Я не могу видеть сны. С тех самых пор, как Император меня изменил, мне не снится ничего. Хотя я полню, на что это было похоже, и... всё такое прочее.

Лютер покивал головой, и Локен ощутил всплеск удивления. В глазах Лютера было понимание, понимание и сострадание.

(Лютер): Это не первый раз, когда тебя бросают на произвол судьбы. Я вижу это в твоих повадках.

Локен почувствовал себя так, будто слова Тёмного Ангела отогрели корку, наросшую на ранах прошлого, словно тучения, через которые он прошёл, были всего лишь препарированным образцом, припиленным нараспашку под невозмутимым взглядом Лютера. Он вспомнил падающие небеса и себя.

надающего вместе с ними, лицо Тарика, ухмыляющегося в последний раз, и ветер Усствана, стердящий убитым братством. Его уже предавал Хорус, он пытался прикончить его, а потом бросил на мёртвой планете.

(Лютер): Это отнимает у тебя что-то, так ведь? Незаслуженное, оно опустошает тебя и оставляет вакуум внутри. Люди могут говорить, что это мучительно, что душа болит от раны...

Локен пытался переключить своё внимание обратно на настоящий момент, но у него не получалось. Его оставили в прахе и гниющих руинах, бросили среди мертвецов, среди проклятых обитателей преисподней. Его призывали обратно лишь для того, чтобы сражаться в войне ради отмщения и изуродованного будущего.

(Лютер):...однако это не так. Когда тебя бросают, не остаётся боли. Тебе хотелось бы этого, потому что она лучше, чем правда. Не остаётся ничего -- ни надежды, ни боли, ни прощения.

Локен молчал. Он чувствовал, как под доспехами вздуваются мышцы, как кожу

пощипывает от пота, а его сердца гонят
через организм насыщенную
стимуляторами кровь. Он сделал выдох и
заставил тело успокоиться. Лютер
внимательно наблюдал за ним. После
долгой паузы он нахмурился и встал. Он
вытащил факел из железного держателя и
погощёл, встав так, чтобы быть не
дальше, чем на расстоянии вытянутой
руки. Он поднял факел, и Локен ощутил
жар на обнажённой коже своего лица.

(Лютер): Что-то в твоём лице... Я
уверен, что мы уже встречались.

Лютер откинул голову и отошёл на
шаг назад.

(Лютер): Может, на Конденсине?
Вот это была битва! На поле боя вышли
воины семи Легионов, и в пылу сражения
они давили в кашу мёртвых ног своими
ногами. Или... Заремон? Да, возможно, это
случилось там. Мы сражались бок о бок с
Лунными Волками. Бесстрашные воины,
стремительные, как удар энергетического
луча, и непоколебимые, как скалы Хтонии.
Да, вероятно, это было там.

Локен, в свою очередь, смотрел на

Лютера, его лицо не выдавало ничего. В его уме прокручивались воспоминания. Конденсин, Лев, вскидывающий свой меч к небесам, с которых выжгло ночь пламенем битвы. Заретон, где Локен стоял в шеренгах бойцов и наблюдал за тем, как Лютер следует за Абaddonом через покрытые воронками редуты. Это было не далее, как считанные десятилетия тому назад. Локен похолодел. Ему не следовало появляться на Калибане. Лютер был не из тех, о ком можно судить по одному взгляду, и в том, что касалось хода войны, он был более важной, более ключевой фигурой, чем остеливался себе представить даже лорд Дорн.

(Лютер): Ты помнишь поля сражений Заретона?

(Локен): Я ничего не помню.

(Лютер): В твоих словах проскальзывает хтонийский акцент, Кербер. Совсем в немногих, но он был.

Локен отвел глаза, и тогда Лютер улыбнулся. В факельном свете казалось, что его рот расколол лицо широкой расселиной тени.

(Лютер): Так что же тебя сюда привело, заблудший сын Хтонии?

Локен уставился на него, не в состоянии скрыть свой шок. Они ошибались? Новости о мятеже Воителя уже дошли до Калибана?

(Лютер): Легионеры Астартес не сражаются со своими братьями, равно как и не шпионят во владениях друг друга. Я спросил тебя, зачем ты здесь появился, и ты мне ничего не сказал. И сейчас я обязан поинтересоваться личностью того, кто тебя послал. Лев, мой названный брат? Он сомневается в том, что я продолжаю выполнять назначенную мне обязанность, эту беспримерную почесть?

Локену на мгновение показалось, что на лице Лютера заиграло какое-то чувство, нечто безобразное, прорвавшееся сквозь фасад идеального самообладания. Затем Лютер покачал головой и отвёл глаза к теням. Локен почувствовал, что тесной катеры снова коснулся перст судьбы, ему привиделся образ с резкими очертаниями, казалось, составленный из похожих на клинки углов и неприкрытых

амбиций. Затем он исчез, потускнев и снова растворившись в приглушённых ступенных ощущениях.

(Лютер): Нет, это не мой брат. Не Лев. Но кто тогда? И зачем? У тебя есть для меня послание, в этом дело?

Они не знали. Тогда всё было так, как Локен и Круз изначально и предполагали. Влияние Хоруса не простёрлось так далеко, чтобы распространиться на крепость Альдурх. Это должно было упростить дело. Дорн снабдил их посланием, которое следовало передать Тёмным Ангелам Калибана в том случае, если они не были изменниками.

(Лютер): Или послание -- это ты сам?

Локен открыл рот. Он чувствовал, как на языке формируются слова, извещающие о предательстве Хоруса, о войне, которая разделила Имперium, и призывающие Первый Легион вновь подтвердить свою верность Императору. Он мог бы высказать эту правду, мог бы выплеснуть её из себя всего за несколько слов. Он испытывал этот соблазн,

чувствовал потребность разрешить этот незакрытый вопрос, но вокруг дома Тёмных Ангелов витали тьма и предательство. Локен по-прежнему чувствовал это отголоском исстванских ветров. Он подумал об интеллекте и могуществе Лютера, о подозрении, которым были пронизаны его вопросы. Когда-то Локен был воином, способным решать подобные дела при помощи простой боевой логики войны, теперь же он работал лишь с догадками и полуправдой. Он может быть уверен в том, к чему в конечном счёте приведут его слова?

(Локен): Я ничто.

Лютер кивнул, его глаза походили на сверкающие кусочки обсидиана на лице избледного тратора.

(Лютер): Прекрасно.

Его одежды всколыхнулись, когда он направился к двери катеры.

(Лютер): Я вернусь, Кербер, сын Хтони, и когда это произойдёт, я решу, что ты из себя представляешь. И если ты провозвестник предательства, то я выясню личность того, кто обратился против

Локен закрыл глаза, и тьма стала абсолютной. Он должен вернуть себе свободу. Он принял решение. Послание Рогала Дорна и извещение о войне следовало обезопасить. Где-то на задворках сознания скребло опасение, что они уже могли нарушить хрупкое равновесие сложившихся обстоятельств. Лютер вернётся с ещё большим количеством вопросов и, возможно, средствами для получения ответов. Никейский Совет запретил использовать псайкеров в Легионах, но, как Локен мог лично удостовериться много раз, необходимость аннулирует эдикты. Он открыл глаза.

(Локен): Почему он тебя не видит?

(Голос): Потому что мы сами решаем, кто нас видит.

В углу катеры горбилось маленькое

существо, скрытое одеждою с капюшоном. Его силуэт выглядел складной глубокого мрака, очерченной гало холодного света. Пока Лютер допрашивал Локена, оно стояло неподвижно, и пустота под его капюшоном впитывала в себя всё, что происходило. Астартес воспринимал его присутствие как слабое наэлектризованное ощущение, холодное и влажное, чувствовал колдовское прикосновение его слов, возникавших в его уме. В этом было что-то знакомое, что он никак не мог опознать, словно он смотрел на лицо позабытого друга.

(Локен): Ты воздействовал на мой разум. Я мог чувствовать вещи, которые... которых нет, тьму и миазмы варна, возможности, невысказанные тайны, что стояли за словами Лютера. Это был ты.

(Существо): Мы позволили тебе отчасти видеть так, как это делает мы, но твои чувства ограничены, твой разум слеп.

(Локен): Кто вы такие?

(Существо): Ты нас уже об этом спрашивал.

(Локен): Вы не ответили.

(Существо): Мы смотрим.

(Локен): Выражайся понятно. Я вам не доверяю.

(Существо): Доверия не требуется. Мы позволили тебе увидеть то, о чём ты просил, и это всё.

(Локен): То, что я ощущал, реально? Или я всего лишь увидел то, что вы захотели? Это... Это было правдой?

(Существо): Возможно.

(Локен): Но ты мне больше ничего не скажешь.

(Существо): Нет.

(Локен): Тогда почему ты всё ещё здесь?

(Существо): Чтобы тебя освободить.

Локен ощутил, как по воздуху растекается электрический заряд. В его доспехах снова потекла энергия, и его мышцы конвульсивно задрожали в процессе согласования их движений с искусственными мышечными волокнами брони. По мере того, как питание поступало на интерфейсные разъёмы, внизу по позвоночнику бежало пронзительное

жжение. Цени, которые удерживали Локена, потрескались и разорвались. Он рухнул на холодные каменные плиты пола. Смотрящий двинулся к двери, его тело рывками двигалось от позиции к позиции, словно изображение, поступающее по барахлящему пикт-каналу. Локен пристегнул своё оружие к броне, на её керамитовых пластинах искрились разряды статического электричества. Дверь камеры открылась, и Смотрящий рывком перенёсся через порог. Пятно трака под его капюшоном было по-прежнему обращено к Локену.

(Существо): Ступай. Ты должен рассказать всем своим повелителям о том, что ты здесь увидел.

В коридоре царили спокойствие и безмолвие. Неровное пламя факелов в железных держателях застыло в неподвижности, тени на полу затерлись. Локен бросил взгляд на Тёмных Ангелов, стоящих по обе стороны двери в камеру. У каждого поверх чёрных доспехов был надет плащ белёсого цвета, у их ног уткнулись кончиками в пол двуручные мечи.

Рубиново-красные глазные линзы смотрели незрячим взглядом, пока он проходил мимо. Его подошвы шаркали по каменному полу. Звук в его ушах казался чужеродным, словно он вторгался в сон. В висках тяжело пульсировала кровь, отзываясь нарастающей глухой болью.

(Существо): Это то время, Локен, которое ты могли тебе дать.

Он бросился по коридору бегом, звуки шагов раскатывались в неподвижном воздухе. Тени пришли в движение, факельный свет задвигался рывками, словно пущенные веером страницы книги. Он завернул за угол.

Навстречу шёл Тёмный Ангел, его рука лежала на навершии спрятанного в ножны меча. Их взгляды скрестились, когда Локен обогнул угол, холодные серые глаза узника встретились с красными линзами стражника. Клинок воина очутился в его руке, по всей его спине затрещало силовое поле. Локен появился здесь не для того, чтобы убивать, он был тайным разведчиком в крепости, про которую не было известно, кому она верна.

и, возможно, она ещё с этим не
определилась. Одно его присутствие уже
могло нарушить шаткое равновесие, а
убийство в этих тёмных коридорах
сделает это практически
гарантированно. Локен бросился в атаку с
пустыми руками, и в них по-прежнему
ничего не было, когда Тёмный Ангел
рубанул мечом вниз, целя в его голову.
Локен увернулся в самый последний
момент и врезался в воина всем своим
весом. Его плечо встретилось с локтями
стражника, когда меч опускался вниз.
Тёмный Ангел пошатнулся, но руки Локена
уже взлетели вверх, ухватив шлем
противника за лицевую пластину и
верхушку. Стражник упал, и Локен вместе
с ним.

Они врезались в пол со звуком,
похожим на удар молота, дробящего
мрамор. Тёмный Ангел всё ещё держал в
правой руке меч. Локен увидел клинок и
стиснул запястье противника. Кулак
ударил, казалось, из ниоткуда. Зубы
Локена лязгнули, его нос хрустнул под
латной перчаткой. В ушах зазвенело.

Белый табарг Тёмного Ангела покрылся брызгами крови. Локенмахнул ногой вверх и придавил стопой свободную руку стражника, затем поднялся вертикально и обрушил на Тёмного Ангела град ударов. Размолочившая лицевую часть его шлема состояния смятых останков. Красные линзы разбились, и сквозь их расколотую поверхность вверх на Локена установились светло-зелёные глаза, горящие лютой ненавистью. Стражник извернулся, когда Локен отвёл руку для очередного удара, и узник внезапно очутился на боку; его правая рука оказалась придавленной его собственным бронированным боком. Тёмный Ангел вскочил на ноги, заноса выскободившийся меч.

(Голос): Стой!

Голова стражника дёрнулась на звук голоса, и этого было достаточно. Локен взлетел на ноги, хватая Тёмного Ангела за руку с мечом и впечатывая его в каменную стену. Голова стражника обвисла от серии прямых ударов, меч загремел об пол. Локен слышал тяжёлое дыхание, вырывающееся из его собственных

лѣзких, вокруг зелёных глаз внутри
разбитого шлема появились обводьы крови.
Тѣмный Ангел отпихнул его назад,
казалось, что даже избиение до потери
сознания не убавило его сил. Он рванулсѧ к
лежащему на полу мечу.

Раздался выстрел. Снаряд попал
стражнику в левый глаз и разнёс ему
череп, распылив кровь и осколки костей по
внутренней поверхности того, что
осталось от его шлема. Локен
почувствовал, как доспехи Тѣмного Ангела
обвисают в его руках мѣртвым грузом. Он
узнал звучание болта типа "Сталкер",
шипящий вздох его полёта и влажный звук,
издаваемый при ударе его наполненной
ртутью головкой. Ему не нужно было
оборачиваться, чтобы понять, кто убил
его противника. Он осторожно опустил
тело на пол.

(Локен): Что ты натворил!

(Крүз): Это было необходимо.

(Локен): Мы могли бы его
утихомирить. Ему не требовалось
утирать. Ты мог казнить верного воина
Ципериума!

(Крүз): Он был не первым и, скорее всего, не окажется последним.

(Локен): Это может привести к последствиям, которых мы хотели избежать. То, на чью сторону они встанут, ещё не определилось, и мы только что сместил баланс не в нашу пользу.

(Крүз): Возможно. Ситуация уже вышла за рамки наших первоначальных опасений.

Локен заставил себя успокоиться. Он высторкнул на каменные плиты неопрятный кровавый сгусток и вправил сломанный нос.

(Локен): Я не верю, что Лютер знает о войне, но семена порчи уже посеяны. Возможно, наше послание помешало бы ему укорениться, но теперь мы не можем его передать.

(Крүз): Наша миссия принесла очень ценный результат, и чтобы уберечь этот козырь, тот воин должен был умереть.

(Локен): Почему? Что ты обнаружил?

(Голос): Меня, Гарвель. Он обнаружил меня.

Из теней за спиной Крүза выступил Тёмный Ангел, словно бы сгустившийся из самой тьмы. Локен ощутил потрясение, сотрясавшееся дрожью, пробежавшей вверх по его позвоночнику. На нагруднике брони воина, чёрной, как лак костоса, раскинул костяные крылья скелетоподобный ангел. Его глинные распашные одежды промокли от дождя, и когда он выступил вперёд, с его шлема полетели капли воды. Его движения отличала расслабленная выверенность, которая, как Локен знал, могла без малейшего предупреждения перейти в смертоносный бросок. Его лицо под промоченным дождём капюшоном было таким же суровым и лишённым тени юмора, как и всегда.

(Тёмный Ангел): Давно мы не виделись, да?

Локен обернулся к Крүзу, но его покрытому шрамами лицу растекался гнев.

(Локен): Что ты ему рассказал?

(Крүз): Мы достигли понимания.

Локен встретился взглядом с глазами под капюшоном.

(Тёмный Ангел): Цактон прав.
Ситуация, которая здесь сложилась,
сложнее, чем ты можешь себе
представить. Неведение служит щитом.
Боюсь, что правда, которую вы с собой
принесли, не вызовет тот эффект,
который пойдёт на пользу Империи или
же моему Легиону.

Локен проследил за тем, как человек
в глиняных одеждах опускается на колени
возле тела у их ног. Он поднял силовой меч
и поместил его в мёртвые руки навшего
Ангела.

(Тёмный Ангел): Я выведу вас из
Альдуруха безопасным путём.

(Локен): О. И что же ты будешь
делать, когда ты исчезнешь?

(Тёмный Ангел): Наблюдать и
охранять втайне. Что стало моей
обязанностью уже давным-давно, как это
было долгом тех, кто мне предшествовал.

Человек в глиняных одеждах поднялся
и зашагал прочь по коридору. Локен и Круз
последовали за ним, сначала шагом, а
потом бегом. За их спинами отдавались
эхот вопли сигналов тревоги, преследуя

звүки их шагов.

(Тёмный Ангел): Стүпайте
осторожно, братья!

Они бежали по сырым тоннелям с
неровными стенками, которые үводили
вниз сквозь толщү скальной породы,
проходя через железные двери и пересекая
мосты, перекинутые через огромные
естественные пещеры. Иногда до них
доносились звүки погони, но человек в
глинных одеждах вёл их вперёд во тьмү, и
они так ни разу и не үвидели своих
преследователей.

Они стояли под ночным небом у
основания голой скальной стены, над их
головами ярилась бүря. Локен окинул
взглядом теперь үже скудные леса
Калибана, которые качались под дождём и
ветром среди промышленных дымовых
труб. Круз, стоящий рядом с ним,

развернулся к человеку в глиняных одеждах и поднял к груди кулак в древнем салюте Объединения.

(Круз): Твою услугу, собрат, будут помнить. Что бы ни случилось, про это не забудут.

(Тёмный Ангел): Память меня не заботит. Все мы, несущие тайную службу, остаётся безвестными. Нет, этой ночью я, по сути, пережил потерю. Вы кое-что от меня лишили, и мне никогда не удастся обрести это вновь.

Локен уставился на их союзника, единственного человека на Калибане, который знал правду о том, что случилось с Императором.

(Локен): И чего же ты лишился?

Тёмный Ангел развернулся и, не дав ответа, пошёл назад к тайной двери, которая вела в недра скалы. Локен озадаченно посмотрел на Круза, но старый воин наблюдал за тем, как человек в глиняных одеждах исчезает в ночи.

(Круз): Прощения, парень. Он лишился возможности получить прощение.

Время Долга

(Джеймс Своллоу)

В небесах над Террой войска Империи Человечества готовились к войне. Внизу, под дымкой непа, вращалась родная планета человеческой расы; её поверхность испещряли гигантские городские застройки и хитросплетения улиц. Это был стиснутый кулак из железа и камня, из которого вырастали долговязые башни орбитальных элеваторов и шлейфы, оставляемые маневровыми двигателями тяжёлых транспортных средств. Планета была окружена ореолом платформ промежуточных станций. Самые разнообразные по размеру и сложности конструкции, они были разбросаны по пространству низких орбит и кластерам, базирующимся в точках Лагранжа^[14] с нулевым тяготением. Между ними, сияя дугами двигателей, перемещались корабли, похожие на

крапинки ртути на чёрном бархате.

Вокруг Терры обращалась
пребывающая в вечном движении армада,
окружая собой планету, как пеленой.
Конструкции, не уступающие размерами
континентам, плыли, будто грандиозные
металлические тучи. Часть из них была
артиллерийскими комплексами -- не более
чем орудиями в свободном полёте, которые
были нацелены в пустоту вовне, словно
пушки на зубчатых стенах древнего замка.
Другие являлись постами боевого
управления, пунктами сосредоточения
войск, верфями и космическими доками,
которые щетинились военными кораблями
всех типов и любого тоннажа, чьи корпуса
переоснащались новым оружием.
Некоторые орбитальные станции были
частными жилищами имперских
аристократов и сановников, но даже их
высокое положение не уберегло их от
приказа о фортификации. Повеление, в
свое время оглашённое Императором,
относилось ко всем без исключения. Терра
находилась на военном положении, она
облачалась в свою кольчугу и вострила

клинки, наблюдала, ожидала...

Снаружи, за орбитой Луны, уже были размещены второй и третий рубежи обороны. Там, во мраке, плавали поля автономных артиллерийских роботов и сети датчиков. Астероиды, которые подтащили тендерами^[15] из пояса за орбитой Марса, образовывали бастионы огневого заграждения, засечный рой и прочие узлы оборонительной герсы^[8]. Они подготавливались к тому дню, который обязательно придёт — к дню, когда в небе станет тесно от боевых флотилий мятежников Хоруса Лунеркала.

Изменник Воитель, первый среди равных из числа сынов-примархов Императора, ни на миг не спускал с Терры глаз. Эта планета была не просто духовным сердцем Империи, не просто Стольным Миром и родиной человечества. Прагматичные тактики могли говорить, что для успешной войны с Императором, возможно, и вовсе не потребуется добираться под свет звезды Сол, но в это никто не верил всерьёз.

Хорус придёт. Здесь был дом его отца, и если он не сожжёт его, чтобы провозгласить своим, то он никогда не сможет заявить об окончательной победе. Император прекрасно это понимал и совершил приготовления.

Конструктор укреплений, казалось, был рождён для подобной задачи — Розал Дорн, самый верный и непоколебимый из сынов Императора, примарх VII Легиона Астармес, Имперских Кулаков. Говорили, что Дорн является величайшим знатоком оборонной стратегии во всей Галактике, и что цитадель, спроектированную Кулаками, вообще нельзя взять. Хорусу предстоит проверить это утверждение.

Дорн координировал грандиозную фортификационную кампанию со своего флагманского корабля и костической крепости, могучей "Фаланги". Размером с небольшую луну, она была вынуждена держаться вдали от терранских судоходных маршрутов из опасения, что её огромная масса окажет приливное воздействие на орбитальные станции меньших размеров. Костическая крепость,

стоящая на страже ведущихся фортификационных работ, была грандиозным золотым шедевром. Её бока покрывали крепостные валы и башни, похожие на соборы здания и акры куполов. "Фаланга" была не только флагманом VJJ Легиона, но также и его гомом, на чьих жилих ярусах хватало места для сотен тысяч воинов и подсобной obsługi.

Подступы к крепости нестрели вереницами военных и грузовых судов. Космические корабли вели замысловатый танец, курсируя туда и обратно под верховным командованием Дорна. И среди них, затерявшись в свистопляске показаний ауспиков и потех от рассеянного назад излучения, подкрадывалась всё ближе на замаскированных двигателях маленькая челночная капсула.

Корабль с трудом заслуживал

подобного названия. Челночная капсула, чьи размеры были не больше, чем у лэндспидера, содержала лишь одного единственного пассажира, примитивную движательную систему и авто-навигатор. Всё остальное пространство, что оставалось внутри бесшовного, неподдающегося сканированию корпуса, было забито аппаратурой глушителей датчиков и щитов-отражателей. Как правило, подобными судами пользовались имперские агенты или ликвидаторы Официо Ассасинорум, но в данном случае пассажир явно преследовал другую цель.

Капсула выписывала спираль в направлении корпуса "Фаланги", автономные системы управления ждали до последней возможной секунды, не позволяя тормозным двигателям замедлить скорость сближения. Выдвинувшиеся магнитные захваты протащили капсулу по последнему короткому отрезку пути до места стыковки. Когитаторы корабля задействовали режим "невидимки", вводя в заблуждение стыковочные датчики и скрывая внеплановый прилёт.

Так могло продолжаться лишь считанные мгновения, но их было достаточно. Нарушитель, не замеченный Имперскими Кулаками, очутился на борту их судна, призрак по сути своей, как бы иначе он ни звался. Челночная капсула, полностью выполнившая своё назначение, отстыковалась и уплыла прочь, вновь сливаясь с суматохой костических трасс. Её единственный пассажир отважился на однократный выход на связь, послав короткий импульсный пакет с сжатым сообщением по зашифрованному каналу секретной полосы вокс-диапазона. Ответа не будет. Единственного сигнала уже было достаточно, чтобы возник риск обнаружения.

(Искажённый голос): Я на борту. Продолжаю выполнение задания.

Воин укрылся в глинной тени, его массивная силовая броня призрачно-серого цвета наполовину растворилась во тьме. Поверх доспехов на нём были просторные одежды из тонкого металлического материала, которые придавали ему облик монаха из древней легенды. Подтянув их к

себе, он включил вшитое в рукав устройство, и поверхность одеяния замерцала. Воин превратился в стеклянистый эскиз самого себя, его контуры нарушились, как будто видимые через окно с залитым дождём стеклом. Технология была малораспространённой и капризной, но обманный балахон мог скрыть от случайного свидетеля даже бронированного гиганта.

Под капюшоном кривил лицо Натаниэль Гарро. Он не одобрял подобные подковёрные действия, но у него не было другого выбора. Он очутился здесь по прямому приказу Малкадора Сигиллита, Регента Терры. Когда-то Гарро был боевым капитаном в Легионе Гвардии Смерти, но он уже давно сложил с себя это звание, став тем, кого некоторые называли Странствующими Рыцарями, --- одним из секретных агентов Малкадора посреди хаоса галактической гражданской войны.

Он двигался во мраке теней, которые отбрасывали огромные декоративные колонны, перемещаясь с места на место.

когда экипажные серфы и Имперские
Кулаки направляли свой взгляд в другую
сторону. Гарро пересёк огромный Зал
Побед, следуя маршрутами Сага
Скүльтүр и Галереей Героев. Он уже был
однажды на борту "Фаланги", но при очень
отличных обстоятельствах. Тогда Гарро
был гостем Седьмого Легиона, вырванным
из лап смерти самим Розалом Дорном, и
ему было не по сердцу, что его возвращение
происходит под завесой секретности.

Коридоры и залы флагамена являлись
впечатляющими творениями
утилитарной военной архитектуры.
Увешанные флагами, знаменующими
сотни тысяч побед, и наполненные
произведениями искусства, которые
прославляли Легион Дорна и высшие
идеалы Империи, они были
блестательным зрелищем. У Гарро не
было времени или любоваться. Он считал,
что во время выполнения этого задания он
находится на вражеской территории, и
собирался действовать в соответствии с
этим. Он отступил от своих обычных
приготовлений лишь в одном, появившись

здесь только со своим мечом, Вольнолюбом, и не взяв с собой свой болтер. Этим он показывал, что при выполнении этой задачи он не станет -- не сможет -- проливать кровь, но он сомневался, что Имперские Кулаки, доведись им его сейчас обнаружить, покажут ему такое же уважение.

Тщательно следя за тем, чтобы не оставаться невидимкой для своих собратьев-легионеров, Гарро медленно и осторожно продвигался во внутренние помещения необъятного костического форта при подспорье полученной им подготовки и обманного балахона. Место назначения, к которому стремился воин, находилось глубоко внутри "фаланги", на её нижних палубах неподалёку от гигантских центральных двигательных узлов флагмана. Для этого отсека существовало лишь одно название -- Секлюзиум^[9] -- и никакого другого.

Перед ним возвышалась огромная
овальная дверь из голубого титана,
опоясанная запорными устройствами.
Глаза Гарро привлек символ, который был
выбит на металле поверх засова, ---
бронированный кулак на фоне белого диска,
эмблема VII Легиона. После того, как
была закрыта эта дверь, Розал Дорн
лично нанёс этот знак, и это ему Гарро
покажет открытое неповиновение, если он
её откроет.

Внутри запечатанного помещения, за
барьерами экранирующих стен из черного
фазового железа^{[10](#)} и противо-псионических
приспособлений, созданных во времена
Тёмной Эры Технологий, примарх
Имперских Кулаков повелел держать в
заключении команду своих собственных
сынов. Они не совершили ни единого
проступка, не сделали ничего, что
навлекло бы позор на их собратьев. Это
были преданные воины, которых отозвали
со службы на передовой, бойцы, которым
прародитель их Легиона приказал
разоружиться и сложить с себя

обязанности. Они были Имперскими Кулаками, суровыми и непоколебимыми, истинными сынами Дорна до самых кончиков ногтей, и, тем не менее, они беспрекословно подчинились повелению примарха. Единственный грех этих легионеров состоял в том, что они носили на себе проклятие идущих от варна способностей. Лексикании, кодициарии и эпистолярии, они были боевыми братьями Библиариуса, обученными использовать в качестве оружия мощь своих разумов.

Эдикт, испущенный Императором после Собрания на Никее, в одну секунду покончил с этим подразделением. Заигрывания примарха-чародея Магнуса Красного с непредсказуемыми силами варна привели к тому, что библиариям было отказано в их оружии. Приказы Императора запрещали какое бы то ни было использование псионических способностей в Легионах, и теперь библиарии Дорна проводили долгие дни в тихих медитациях, изолированные от своих собратьев и не знающие, что их ждёт в будущем.

Гарро полез в сумку на своём поясе и достал устройство, которое втиснул ему в руки сам Малкагор. Маленькая кристаллическая вещица имела неизвестное Гарро происхождение, но он так и не смог полностью отделаться от необъяснимого ощущения, что она не была человеческой. Когда он спросил Регента Терры об этом своём подозрении, Малкагор не сказал ничего, а просто уперся в него твёрдым холодным взглядом.

Устройство заработало. Под его влиянием запоры, удерживающие дверь закрытой, начали открываться в быстрой последовательности друг за другом, но это действие не прошло незамеченным.

(Механический голос): Ученел Легиона, стой и назовись!

Потайная ниша развернулась вокруг оси, являя пару бронированных оружейных сервиторов в жёлтой расцветке Кулаков. Подневольные создания, превращённые в автоматы, таялись в неуверенности, прилагая все силы, чтобы отследить замаскированного воина. Гарро не дал им времени, чтобы прицелиться. Он

атаковал, не оставив сервиторам ни единой возможности поднять тревогу. Безмозглые машины зашатались и рухнули на палубу с перерубленными нервными трактами. Оставив их лежать там, где они упали, Гарро развернулся обратно к двери в тот момент, когда отошёл последний запор.

Брат Масак грезил. Он не погружался в сон, поскольку биоимплантаты Астартес покончили с нуждой в подобных вещах, но грёзы к нему приходили -- в том странном ментальном пространстве его медитаций, когда его сознание обращалось внутрь себя, и он сосредотачивался на своей судьбе. Во сне, он временами видел проблески того, что казалось нереальным, неземным. Небеса, в которых черным-черно от боевых кораблей. Твари, которых нельзя отнести

и инопланетным, исковерканные и чудовищные. Война, сжигающая Галактику от спирального рукава и до ядра...

Масак и прочие псайкеры, изолированные от всей остальной Вселенной, потеряли счёт времени. Недели перетекали в месяцы, а месяцы — в годы, и ход времени ощущался всё слабее, пока не осталось лишь вечное настоящее. Масак был готов ждать в заключении этого отсека так долго, как только пожелает его примарх. Это было его долгом.

"Когда мы понадобится Империям, они придёт. Когда наступит время, Дорн за нами вернётся". Слова пришли внезапно, но убеждённость, стоявшая за ними, казалась эфемерной. Ни один из изолированных библиариев не высказал каких-либо сомнений по поводу их заключения, но невыносимая мысль, похороненная глубоко в сознании Масака, грозила всплыть на поверхность. Что, если Дорн не вернётся?

(Масак): Дверь Секлюзиума!

Разум брата Масака резко вернулся в

бодрствующее состояние, и он вскочил со своей койки. Что-то было не так. Он ощутил, как затрепетала и потеркла жизнь в оружейных сервиторах, когда были задуты тусклые свечи их улов, а затем воспринял смутный образ ещё одной души, которая была укрыта за крепкими стенами противотеленатического обучения и жёсткого мышления. Это мог быть только легионер, но кем именно является этот воин, было невозможно уловить, а прибегнуть к своим способностям, чтобы протиснуться глубже, означало нарушить Декрет. Вместо этого Масак выискал горстку своих собратьев и призвал их к оружию.

(Масак): Тут что-то не так! Врата не должны открываться с такой лёгкостью! Это какое-то нападение, не иначе!

Обернувшись, Масак увидел человека в серой броне, который появился, когда упал на палубу обманый балахон. Он был очерчен ореолом света, падающего из наружного коридора, а в его руке потрескивал силовой меч. Сам библиарий

предпочитал двуглавую силовую секиру с изогнутыми лезвиями из пси-резонантного металла. Она в тот же миг очутилась в его руке, а его братья, стоящие рядом с ним, достали свои мечи и силовые посохи.

(Масак): На тебе нет ни цветов, ни эмблемы, нарушитель. Назови мне своё имя и Легион, отдай свой меч...

(Гарро): Я отказываюсь. Это оружие в ваших руках — всего лишь холодный металл, если оно не заряжено вашей псионической энергией.

(Масак): Его будет достаточно.

(Гарро): Угём со мной, и нам вообще не понадобится скрещивать клинки.

(Масак): Ты нам не приказывай. А сейчас отдай свой меч.

(Гарро): У меня нет желания с вами сражаться, но свой меч я не сдам.

(Масак): Тогда ты заплатишь за своё вторжение.

Масак и его боевые братья напали на нарушителя дружным скопом, проводя непрерывную серию атак, каждая из которых получила жёсткий отпор. Библиарий пытался понять истинную

цену воину. Тот двигался немного неуверенно, выдвывая этим наличие аугметического заменителя конечности, но он не был нерасторопным. Его огромный силовой меч отразил оружие Масака и заставил библиария отступить на шаг назад.

Безымянный воин обладал покрытым шрамами лицом закалённого в битвах ветерана и отвагой мученика. Имперские Кулаки прилагали все усилия, чтобы пробиться через его защиту, но он сдерживал их, выказывая беспримерную собранность и мастерство. Масак скривился, переходя в наступление. Он дал своим братьям совершить стремительный обманный манёвр и затем ударил мощным взмахом секиры. Их клинки встретились, блокируя друг друга, так что полетели искры. Масак впился глазами в нарушителя, выискивая в выражении его лица хоть что-то, что позволило бы понять, зачем он здесь очутился.

(Масак): Кто ты такой?

Несмотря на весь железный самоконтроль Масака, в пылу рукопашной

какая-то крошечная частица его сверхъестественного восприятия прошла по периферии разума его противника. В нём вспыхнуло озарение, дав ему мимолётнейший проблеск понимания причины появления в Секлюзиуме этого легионера. Его истинные намерения были почти у Масака в руках.

(Голос): Прекратить!

Возможность разлетелась вдребезги, как хрупкое стекло, когда в отсек вступила новая сила — пылающий безжалостный разум военного вождя. Неподатливый, как гранит, сияющий холодным огнём, он затмил собой всё остальное, полыхая беззвучным пожаром абсолютной воли.

(Дорн): Приказываю убрать оружие.

Присутствие Розала Дорна было таким весомым, что он, казалось, заполнил всё помещение. Его аура была точным подобием бронированного кулака на его богато украшенной броне. Притарх, по бокам от которого стояли его хускарлы^[11], обвёл псайкеров неустовым

взглядом и проследил за тем, как все они опускаются на колени и склоняют голову. Масак последовал их примеру, то же самое сделал и нарушитель в серой броне. Дорн был сыном Императора, хотячей крепостью в лице человека, более неодолимой и неподачливой, чем любая конструкция из камня и стали. Немногие могли набраться мужества, чтобы бесстрашно встретиться с ним взглядом, но, к удивлению Масака, воин-ветеран это сделал.

(Гарро): Рад встрече, лорд Дорн.

На лице повелителя Масака промелькнуло нечто похожее на удивление.

(Дорн): Натаниэль Гарро. Я спрашивал себя, не пересекутся ли снова наши пути. Это он тебя послал?

(Гарро): Не считите за дерзость, милорд, но я думаю, что вы уже знаете ответ на этот вопрос.

Глаза Дорна сузились, и он сделал жест одному из своих людей:

(Дорн): Доставьте его в мои покои. Я скажу ему пару ласковых.

Масак проследил за тем, как Гарро

убрал свой меч в ножны и ушёл под стражей. Когда он пересекал порог Секлюзиума, то кивнул Масакү, возможно, выразив этим жестом своё уважение. Библиарий отвернулся и обнаружил на себе изучающий взгляд примарха.

(Дорн): Не следовало тревожить вас в вашем... уединении. Ответственные за это будут наказаны. Возвращайтесь к своим медитациям. Дверь будет закрыта вновь.

(Масак): Повелитель...

Дорн остановился, но не обернулся, чтобы посмотреть ему в лицо.

(Масак): Милорд, если мне будет позволено спросить... Как идёт Великий Крестовый Поход?

Примарх молчал долгое мгновение. В воздухе повис невысказанный вопрос, настоящий вопрос: "Когда мы сможем вернуться к своему Легиону?"

(Дорн): Ситуация осложнилась. Это уже не Крестовый Поход, теперь это война. Война, дикая по размаху и ужасная в своей горести.

(Масак): Мы готовы к службе.

(Дорн): Я знаю, сын. Я знаю.

Гарро остотрелся, заново охватывая взглядом санкторум^[12] притарха. Из богато украшенных покоев, расположенных в верхней точке самой высокой из башен "фаланги", открывался впечатляющий вид на костическую крепость. Обширное овальное помещение сейчас казалось ареной, а он был жертвой, отправленной найти погибель на её лазурном полу. Он почувствовал чьё-то присутствие за своей спиной.

(Дорн): Ты припоминаешь, что произошло в тот прошлый раз, когда мы стояли вместе в этой комнате?

(Гарро): Я наблюдал за концом "Эйзенштейна".

(Дорн): После этого.

Гарро напрягся. Это здесь он впервые представил Дорну факты, свидетельствовавшие об измене Хоруса.

Сот среагировал так, как сделал бы любой любящий брат: сначала было отрицание, за ним последовал страшный гнев, достаточно сильный, чтобы Гарро испугался за свою жизнь. Он развернулся лицом к примарху, тщательно взвешивая слова:

(Гарро): Я принёс вам тяжёлую правду. Бремя моего долга...

(Дорн): Как мне вспоминается, ты спросил меня, уж не ослеп ли я. Возможно, так оно и было, но это в прошлом. Теперь я вижу ясно. Я должен заботиться о том, чтобы обеспечить выполнение моего долга. Император поручил мне оборону Терры и командование всеми своими армиями. Это моё бремя. По сути, я теперь и есть Воитель — во всём, кроме титула.

Дорн навис над ним, его глаза искрились, как кусочки кремня.

(Дорн): Я знаю, чем ты занимаешься, Гарро, я знаю о планах Малкадора и его секретных предприятиях. Я знаю, что ты и этот старый Волк Круз теперь стали его агентами. Сигиллит использует вас

для сбора информации и вербовки людей. Но причинат, которые ещё не вскрылись, многие из них являются псайкерати. И всё это происходит в явном пренебрежении приказами Императора.

Тяжёлые латные перчатки притархасжались в кулаки.

(Дорн): Эта... призрачная броня, которую ты носишь, с тавром Малкадора на твоём плече... В каких-то других местах Империи она, может, и позволяет тебе бывать везде, где ты захочешь, но не здесь. "Фаланга" принадлежит Седьмому. Появляясь втайне в твоих владениях, не ожидай, что тебе это сойдёт с рук. Ты дашь мне объяснения, -- он поднял руку и указал пальцем на Гарро, -- или на этот раз я не буду сдерживаться, когда я тебя ударю.

(Гарро): Не считите за неуважение, милорд, но я не могу раскрывать своё задание. Даже вам.

(Дорн): Гарро, ты обязан мне своей жизнью. Ведь это Имперские Кулаки спасли тебя и твоих людей из глубокого негостеприимства! Вы были в дрейфе и стояли перед

лицом верной смерти! Ты так легко об этом забыл?

(Гарро): Я, милорд, не забыл ничего. Да, я в полной мере осознаю, насколько я вам обязан, и тем не менее, мой долг перед Сигиллитом стоит выше этого.

(Дорн): Что за долг может потребовать, чтобы ты, как вор, прокрался на борт моего корабля, нарушил мои приказы и потревожил тех, кого я держу в изоляции? Мы уже подобрали твою капсулу, Гарро. Как ты собираешься бежать? Чего ты хотел от моих библиотекарей? Ты дашь мне ответы!

Гарро сделал глубокий вдох, собираясь с мужеством для открытого неповиновения примарху.

(Гарро): Сожалею, но я не могу, милорд.

Какой-то долгий миг Гарро опасался, что Дорн осуществит свою угрозу и уложит его ударом, но затем примарх отступил, кипя надменной яростью.

(Дорн): Я не принимаю твой отказ. Ты останешься пленником на борту "Фаланги" до тех самых пор, пока не

решишь дать потребованные мной ответы.
Если понадобится, ты будешь находиться
здесь, пока не потухнут сами звёзды.

Прежде чем он успел вызвать своих
охранников, чтобы они сопроводили Гарро
прочь, двери санкторума отворились сами.

(Масак): Повелитель, простите моё
вторжение, но я должен с вами
переговорить.

(Дорн): Брат Масак, я не давал тебе
позволения покинуть Секлюзум. Вернись
туда сейчас же.

(Масак): Непременно. Но сначала я
должен просить вас об этой аудиенции.
Нарушитель, Гарро... Я знаю, зачем он
здесь.

Прищуренные глаза Дорна обратили
на сына всю испепеляющую мощь своего
взгляда.

(Дорн): Объясни.

(Масак): Я чую правду, которую он
прячет. Она притаилась в глубине его
сознания. Если вы позволите, то я могу
вытащить её на свет.

Притарх скрестил руки поверх своего
золотого нагрудника.

(Дорн): Ты смеешь предлагать использование псионических способностей? Ты лучше любого другого Имперского Кулака знаешь, что мой отец это запрещает!

Но пока Дорн произносил эти слова, Гарро видел в его глазах внутренний конфликт. Зная, что честь обязывает его следовать Эдикту Императора, примарх никоим образом не мог сбросить со счетов огромную ценность псайкеров как боевого оружия в арсенале Легионов.

(Масак): Ему не скрыть от меня ничего, повелитель. Если только вы позволите мне допытаться у Гарро ответов...

(Дорн): Я не ослушаюсь Никейского Эдикта, как не сделаешь этого и ты. Даже малейшее использование порождённых варпом способностей означает неповиновение. Оно открывает дорогу к злоупотреблению, точно также, как злоупотреблял ими мой брат Магнус. Нет, Имперские Кулаки верны Императору во всём. Решение моего отца --- окончательное слово в этом вопросе.

(Гарро): Если мне будет позволено сказать, лорд Дорн, то я бы предложил компромисс.

(Дорн): Говори. Я тебя выслушаю.

(Гарро): У библиария превосходное чутьё, и оно право. Я появился здесь ради него. Я открою приказы Малкадора, но только брату Масакү и никому другому. Он поймёт, говорю ли я правду.

(Дорн): А если я откажусь?

(Гарро): Тогда, милорд, как вы и говорите, я буду составлять вам компанию до тех самых пор, пока не потухнут звёзды.

Вопросная комната не превышала размеров салона бронированного транспортного средства. Металлические стены, тусклые и безликие, перерастали в бескрайний люте-сферический потолок. Решётка слива в центре пола предательски

свидетельствовала о том, что здесь случилось проливать кровь, и часто. Гарро и Масак стояли друг напротив друга, разделённые пустой комнатой. Бывший Гвардеец Смерти сохранял невозмутимость и был неподвижен, как статуя. Имперский Кулак смотрел на него изучающим взглядом, следя за его лицом в ожидании первого признака какого-нибудь предательского микровыражения^[13], которое могло бы раскрыть истинные намерения Гарро.

(Гарро): За нами следят?

(Масак): Нет. В этом месте нас не сможет услышать даже примарх. То, что ты должен мне сказать, останется только между нами.

Гарро кивнул.

(Гарро): Расскажи мне о грёзах, Масак.

Библиарий много чего ожидал услышать, но только не это. Масак никому не рассказывал о тех приводящих в ступор картинах, которые навещали его медитирующий разум в последние

недели, появляясь всё чаще с каждым
проходящим днём.

(Масак): Я не вижу снов.

(Гарро): Мы все их видим, сородичи.
Возможно, не в той манере, как это
понимают обычные люди, но мы это
делаем. И ты, со своими способностями,
ты и в самом деле гредишь совершенно
иным образом. Ты не рассказывал об этом,
так ведь?

(Масак): Так.

(Гарро): И всё же Сигиллит знает. И,
следовательно, знаю я.

Выяснив, что его мысли открыты
другим, Масак чрезвычайно обеспокоился.
Но, с другой стороны, было известно, что,
не считая Императора Человечества,
Малкагор является величайшим
псайкером из всех ныне живущих в
Галактике, и, как говорили, он может
читать любой разум, как распахнутую
книгу.

(Масак): Я... видел грёзы... о небесах
Терры, полнящихся чёрными боевыми
кораблями. На них эмблемы в виде
злого глаза. Полчища уродливых

страшилищ в союзе с предателями
опустошают планету. Омерзительные
твари, подобных которым доселе не видел
в царстве смертных существ...

(Гарро): Демоны.

(Масак): Это довольно подходящее
слово.

(Гарро): Они не просто фантазия, не
обман воображения. Они реальны.

Гарро хладнокровно и без всяких
колебаний рассказал библиарию о
лжесвидетельствах, распространяющихся под
верховодством Хоруса. Он открыл
легиионеру всю кровавую правду о
происхождении, глядя на борьбу эмоций на
его лице. Сначала это был шок, затем
отвращение и, наконец, — ярость.

(Гарро): Я сражался с этими
тварями, видел, как они возникают из
плоти мертвецов. Твои видения...

(Масак): Значит, будущее?

(Гарро): Возможный вариант. То, что
ты увидел, и есть причина, по которой я
здесь нахожусь.

Гарро придвинулся на шаг, в его
манерах появилась торжественность.

(Гарро): Сигиллит послал меня, чтобы найти тебя и забрать с собой. Малкадор ищет сильных и благородных людей для начинания, чья цель --- защитить Империум от подобной угрозы в грядущие тысячелетия. Он избрал тебя, Масак. Он избрал тебя для исполнения долга, который превышает твоей верности Розалу Дорну и Имперским Кулакам.

Серый воин протянул Масaku свою бронированную руку.

(Гарро): Удѣл со мной, сородич. Твоя изоляция закончится. Тебе вернут твою мощь.

Брат Масак посмотрел вниз на протянутую руку Гарро. Он понимал, что означает это предложение. Это был шанс покончить со изоляцией, шанс снова стать полезным, шанс сражаться за Империум. Но он покачал головой, отворачиваясь прочь.

(Масак): Нет, я отказываюсь. Скажи Регенту Терры, что я не могу принять его предложение. Я -- Имперский Кулак, сын Дорна, я подначален своему примарху, и это превышает всего прочего. Я не покину

свой Легион.

(Гарро): Масак, ты понимаешь, от чего ты отказываешься? Если ты не пойдёшь со мной, то лорд Дорн вернёт тебя в изоляцию Секлюзиума! Ты будешь там пленником, изгоем в своём собственном Легионе! Ты можешь никогда не получить ещё одной возможности быть освобождённым от исполнения Никейского Декрета!

(Масак): Мы есть железо и камень, сэр, мы поступаем так, как гласит приказ нашего притарха. Я не ищю, как бы освободиться от распоряжения Императора, я принимаю его! Я из Седьмого Легиона, а мы повинуются!

(Гарро): Даже если приказ заставляет тебя усомниться?

Масак вытянулся по стойке "стирно", в его взгляде не было неуверенности.

(Масак): Если приказания отдаёт Дорн, то сомнений не существует. Мои... видения... Если ты говоришь правду, Гарро, если Воитель предал нас, если он заключает соглашения с чудовищами, то этой долг — стоять плечом к плечу со

своим притархом и своими боевыми братьями и встретить эту измену лицом к лицу.

(Гарро): Этого может не хватить, чтобы его остановить.

(Масак): Я верю, что этого хватит.

Ответ Масака, похоже, задел какую-то струнку в душе воина, и после секундной заминки Гарро кивнул, принимая сказанное.

(Гарро): Я тебя понимаю. Мне очень хорошо знакомо это... бремя долга. Я не позабочусь о том, чтобы донести твои слова до Малкадора. Он будет недоволен, но я заставляю его отнестись к твоему выбору с пониманием.

Гарро отсалютовал ему Аквилой и пошагал к люку, Масак же не двинулся с места, обдумывая его слова.

(Гарро): Счастливо оставаться, брат Масак. Надеюсь, что придёт тот день, когда я буду иметь честь сражаться с врагом бок о бок с тобой.

(Масак): Этот день... он придёт раньше, чем мы думаем.

(Гарро): Да. Именно так.

Розал Дорн ожидал его, стоя в своём санкторуме и неотрывно глядя сквозь огромные окна галереи в направлении далёкого шара Терры.

(Дорн): Прибыл транспортник, которого не было в расписании. Под прикрытием штандартом Регента. Твой рейс до дома. Малкадор, похоже, всегда начеку.

(Гарро): Мой опыт это подтверждает, лорд.

(Дорн): Гарро, я имею полное право тебя убить. Время сейчас военное, и с тайными деяниями разбираются самым жёстким образом. Разве недостаточно того, что нам приходится защищаться от ассасинов и шпионов предательского отродья? Я что, вдобавок должен охранять себя от тех, с кем я на одной стороне?

(Гарро): Я не возьму на себя смелость сказать.

(Дорн): Конечно, нет. Ты верный сын Империи. Разногласия у меня с тем, кто отдаёт тебе приказы. Твоя же единственная ошибка состоит в том, что ты, возможно, отдал свою верность неподходящему человеку. Или что ей злоупотребляют.

Дорн наконец-то развернулся, и звёздный свет рельефно высветил резкие линии его лица.

(Дорн): Не испытывай терпение Имперских Кулаков ещё раз. Это предупреждение относится и к тебе, и к Малкадору. Сделай так, чтобы он это уяснил. Свободен, капитан.

Гарро поклонился, но задержался ещё на минутку:

(Гарро): Лорд Дорн... Ваш воин, Масак... Он обладает великой способностью к прозрению, которая остаётся без внимания в его заключении. Он и его собратья-библиари... Придёт время, когда они снова вам понадобятся. Вы должны доверять Сигиллиту, следуя...

(Дорн): Я слышу твой голос, но слова принадлежат Малкадору. Я ценю

прозревательные способности Масака сильнее, чем ты можешь знать. Сигиллит полагает, что толпы действиями руководят невежество и страх. Он не понимает. Библиари и находятся именно там, где им необходимо быть.

(Гарро): Взперти в сейфе? Они... они просиживают время в утробе вашей крепости, как приговорённые в ожидании эшафота!

(Дорн): Нет. Они стоят наготове, прямо под рукой, в сердце моего Легиона. Время буду выбирать я, Гвардеец Смерти, а не ты и не Малкадор.

(Гарро): Вы многого от них попросили, милорд.

(Дорн): Времена такие, они многого просят от каждого из нас.

КОНЕЦ

Меч Истины

Джеймс Своллоу

В холодной тиши Цитадели Сомнуса воин искал покоя. Он его не нашёл. Снаружи, за толстыми кристалфлексовыми окнами, была лишь безвоздушная серая пустошь лунной поверхности, да вздымалась над скалами и кратерами завеса Великой Ночи. Звёзды, колкие и яркие, как бриллианты, складывались в линии далёкой Галактики с миллионами планет и миллиардами душ на них. У каждой в залог верности к голове был приставлен пистолет, у каждой у горла был клинок, готовый забрать в жертву кровь.

Натаниэль Гарро стоял в неподвижности, глядя в пустоту снаружи, но тьма была к нему неприветлива. В её толчании ему слышались крики утерших и преданных. В Империи Человечества пришла война, каких ещё не бывало, и

Гарро не посчастливилось оказаться там, где она началась. Когда-то он был боевым капитаном XIV Легиона Астартес, Гвардии Смерти, генетически-сработанным бойцом высочайшей ступени, одним из Ангелов Смерти, избранников Императора. Его задача, равно как и миссия его собратьев и прочих Астартес, не имела равных в безупречности своей направленности — легионеры вместе с войсками Терранского Великого Крестового Похода были посланы в безбрежную межзвездную ночь, чтобы восстановить связь с потерянными дочерними колониями, превратить в жизнь букву Имперской Истины и уничтожить всю инопланетную порчу. Они звали это "Принесением Просвещения", это величайшее предприятие в человеческой истории, призванное выковать трансгалактическую империю, которая будет блистательной и вечной. Грандиозное мечтание, великолепное начинание, но сломленное, разбитое и рассыпающееся в прах.

План Императора, едва ли не

божественный в своём нелогичном размахе, был сокрушён самой убогой и человеческой из всех вещей. Хорус Лунеркаль, Воитель и примарх XV Легиона, поднял мятеж против своего отца. Кто-то говорил, что это случилось из-за какого-то унижения, другие утверждали, что он был отравлен влиянием ксеносов, но Гарро пришёл к мнению, что то, из-за чего Хорус встал на предательство, было низким и простым. Зависть. Обида. Недоверие. Эти самые что ни на есть человеческие эмоции всё ещё жили в таком военном лидере, как Хорус, хотя он и его братья-примархи и были рождёнными в резервуарах созданиями, которым надлежало быть выше подобных вещей.

"Способны ли мы выйти за рамки того, что мы есть? Достичь ли нам хоть когда-то истинной просвещённости?"

Вопреки всем разумным соображениям, призыв Хоруса к бунту не умер в зародыше. Прочие, в их числе Дети Императора, Пожиратели Миров, Железные Воины и Несущие Слово,

присоединились к кровавому мятежу. У
сейчас они испепеляли планеты, что
некогда защищали от имени Империи,
по всей Галактике, вновь разделённой на
части ужасными варп-
штормами, потихоньку приближаясь к
Земле и Трону Императора — мир за
миром, звезда за звездой.

Всё это Гарро мог бы вынести, но его
душу сжигал ещё больший позор. К его
вечному бесчестью, его драгоценная
Гвардия Смерти последовала за Хорусом,
совершив измену под предводительством
их примарха Мортариона. Гарро бессильно
смотрел, как его боевые братья наплевали
на свои клятвы и встали под знамёна
предателя.

Гарро пошёл наперекор своему
повелителю, послевпредпочест
Императора Легиону, и за это ему была
предуготована смерть. Кончилось тем,
что он бежал от побоища на Усстване, где
началась война, полчавшись к Земле,
чтобы донести предупреждение о чёрном
замысле Хоруса. Он перестал быть
Гвардейцем Смерти, его броня теперь

имела синегато-серый цвет без всякой
символики на ней, исключая лишь едва
различимую маркировку --- знак
Малкадора Сигиллита, Имперского
Регента. Как Хорус и его последователи
отделались от своей верности, так и
Гарро избавился от всего того, что он из
себя представлял, и воссоздавался заново. У
сейчас он стоял, --- воин без братьев,
легионер без Легиона, Странствующий
Рыцарь, --- вырисовываясь на фоне тьмы.
Теперь для Натаниэля Гарро
существовали лишь его потрёпанная честь
и его новый обет --- служить рукой
Сигиллита посреди тьмы и пожара
этого ненавистного раскола.

В его памяти всплыл приказ лорда
Малкадора: собрать группу воинов со всех
Легионов, как из верных, так и из
отступнических, не оставив ни единого
следа этого деяния. Когда Гарро
осведомился о причине, спросив: "Зачем?",
ответ Сигиллита был загадочным и
зловещим: "Ради будущего".

Столь многое случилось с ним за
такое короткое время, столь многое

изменилось — то, кем он был, то, чем ему
належало заниматься, то, к чему он
стремился, то, во что он верил. Гарро
нашёл взглядом Терру, которая висела
низко в небе, полускрытая тенью. Где-то
там, на этом шаре, Император работал
над замыслами настолько сложными, что
их не было дано постичь никому. Он был
существом с самыми сильными
псионическими способностями из всех, что
когда-либо жили и будут жить,
архитектором светлого будущего
человечества, неподвластным смерти и
времени, могучим сверх всякого
воображения. Неудивительно, что многие
считали Императора живым богом, хотя
он сам и чурался подобных слов.

После всего, что Гарро довелось
пережить, воин был готов причислить
себя к этим верующим, однако несмотря
на своё внешне стоическое поведение, он
пребывал в смятении. Та трагедия,
свидетелем которой он стал на Усстване
III, когда Хорус бесчеловечно сбросил
вирусные бомбы на свои собственные войска,
была лишь началом. Его первая поездка на

задание в качестве ведущего агента
Сугиллума, Agentia Primus, на планету
Калт, входящую в состав Пятисот Миров
Ультратара, явила ему ещё более ужасные
вещи. Там ему довелось увидеть XVII
Легион Лоргара в красных останках
собственных свежесквернённых доспехов,
воинов, которых он мог когда-то называть
сородичами, в альянсе с... тварями,
порождёнными адскими сферами варп-
пространства. Беспредельная
бесчеловечность и убийственный восторг, с
которыми Несущие Слово обрушивали своё
вероломство на Ультрадесантников, были
за пределами всего, с чем приходилось
сталкиваться Гарро. Ему было противно
до тошноты, у него не было слов, чтобы
выразить свой гнев и своё горе, и глядя
наружу на безмолвные звёзды, он не мог
отделаться от гнетущей уверенности,
что на подходе гораздо худшие вещи.

Вызов привёл Тайлоса Рубио на самый верхний ярус Цитадели, и в резком монохромном свете он увидел Гарро, который стоял на дальнем краю зала со стеклянными стенами. Воин застыл, как часовой, как статуя из керамики и стали, кости и плоти. В своих доспехах без украшений бывший Гвардеец Смерти казался каким-то незавершённым, его безволосую, покрытую шрамами голову прочерчивала глубокая морщина на лбу, а в его глазах навеки поселилась настороженность. Рубио знал, что если приглядится внимательнее, то увидит искры горечи, исходящей из самой глубины сердца воина, но заговорить о подобном было неподобающей вещью. У него не было на это права.

Его право... Да существовала ли теперь для Рубио подобная вещь? Он плотнее запахнул на плечах свой безликий балахон. Под ним была рабочая военная форма простого покроя. Такое мог бы носить серф Легиона или слуга-контрактник. Рубио лишили всего, что указывало на его Легион и на то, кому и

честу он был верен, и он не отдал это с лёгкостью. Воин из Ультрадесанта в конце-концов позволил забрать свою броню, лишь когда получил недвусмысленный приказ от самого Регента, да и то нехотя.

Великий Крестовый Поход мало-помалу уталял Тайлоса Рубио. На первых порах он был кодициарием, братом, состоящим в иерархии Библиариуса, боевым псайкером в командном составе Двадцать Первой Роты своего Легиона, с отвагой и честью сражающимся за торжество Ультратара. Он шёл вперёд за Макрагг под голубыми с золотом стягами бок о бок со своим примархом. Воспоминания о тех днях были и сладкими, и горькими одновременно. Какую же славу они заслужили, предав смерти так много врагов и спасши из бездн столько планет! И всё это время самым главным оружием Рубио были его уникальные сверхъестественные таланты. Он был псайкером, воином разума, способным вызывать молнии из своих рук и сеять ужас в сердцах своих врагов. Он был

так в этом умел, так умел...

Его лишил этого Магнус Красный. Сам по себе могущественный псайкер, повелитель Легиона Тысяча Сынов снискал недовольство Императора баловством с тёмными силами псионических сфер. Безрассудные игры Магнуса с варпом заслуживали сурового порицания и, как следствие, Император наложил запрет на использование псионических дарований во всех Легионах, чтобы устранить любую возможность будущих злоупотреблений. Один-единственный эдикт, и самый главный талант Рубио оказался для него под запретом, но он по-прежнему оставался воином Астартес. Даже без своего усиливающего ментальную мощь псайкершона, даже при том, что его самому главному оружию пришлось затолкнуть, он всё ещё мог сражаться за Империум клинком и болтером. И в те моменты, когда Рубио угнетало его угнетённое положение, он не подавал виду и сохранял стойкость. В конце-концов, он всё ещё был Ультрагесантником.

Но и этого его тоже лишили. На

израненном битвами Калте, на конечной станции железной дороги вблизи Нутинуса, рота Рубио сошлась с Несущими Слово. Резня того дня ещё жила в его кошмарах. Там Гарро его и разыскал, тянувшим время в ожидании того момента, когда за ними всеми придёт смерть. И в этом разорённом месте, пока битва чернила небеса и теснилась вокруг них, Рубио лишился чего-то эфемерного, того, что нельзя было измерить. Чтобы спасти жизни своих собратьев, он совершил тогда страшный выбор. Рубио нарушил Эдикт Императора и обратился к своим стреноженным силам, чтобы отразить врагов. Поступив так, он изменил присяге. Его боевые братья остались в живых, но они отвернулись от него, все как один. Делало ли это его... предателем? Рубио отмахнулся от этой тревожной мысли, но она не исчезла, маяча грозным фронтом на дальнем горизонте.

(Рубио): Я здесь, Гарро. Чего ты от меня хочешь?

Боевой капитан развернулся, чтобы изучить Рубио, он шарил глазами по лицу

кодициария, пытаюсь как-то оценить его настрой.

(Гарро): Обратный перелёт из Веридийской системы был трудным. Ты отдохнул?

(Рубио): Я готов вернуться в битву, если ты это умеешь ввиду. Зачем бы ещё меня сюда привозить?

(Гарро): Рубио, нас призвали не для того, чтобы драться на войне. Бросать вызов лютеем Хоруса в открытом бою предстает другим, нам же... у нас другой путь.

(Рубио): И куда он ведёт? Ты уволок меня прочь от моих братьев, ты забрал меня с моего законного места! Скажи мне, что на то была хорошая причина!

Рубио, со стиснутыми зубами, пылающий раздражением, бросил взгляд вниз на свои безликие одежды.

(Рубио): Что за долг я могу выполнять в таком виде? Где моя броня? Где моё оружие?

(Гарро): Твоя боевая экипировка была последним, что связывало тебя с твоим Легионом, брат. Тебе это больше не нужно.

Гарро сделал приглашающий жест.

(Гарро): Уди со мной. Мы приведём тебя в готовность.

3

Оружейня Цитадели была военной кузней, где десятки сервиторов и техносерфов занимались ремонтом и техобслуживанием боевого снаряжения. В помещении главенствовали золотые доспехи и огромные сияющие мечи Сестёр Безмолвия, хранительниц Цитадели. Их клинки были развешаны на всех стенах рядом с мощными огнемётными пушками и штурмовым оружием, но ни один из этих инструментов ведения войны никогда образом не мог конкурировать с вооружением Астарес.

(Гарро): Вон там, брат. Видишь?

На стойке для снаряжения шестиметровой высоты покоился комплект силовой брони, почти

идентичный тому, что носил Гарро. Это было изделие, созданное по самому последнему слову техники, только что поставленное мануфактурой. Как и броня Гарро, оно было лишено любых эмблем и символов, за исключением неброского стилизованного изображения глаза^[14], едва различимого на одном из наплечников, -- знака Сигиллита. С талии свисал безыскусный табарг Библиариуса. При приближении Рубио стойка с шипением открылась, и собравшиеся сервиторы были готовы помочь ему облачиться в кератитовые доспехи, но он медлил. За время своей службы Империя Рубио никогда не надевал ничего, кроме кобальтовой сини Ультрадесанта, и не носил на себе никаких эмблем сверхпочитаемой Ультимы Легиона. При мысли о том, чтобы сделать это сейчас, у него снова возникло чувство, что он совершает какое-то предательство.

(Рубио): Если я на это пойду, то что со мной станет? Я утрачу то, кем я был, я больше не буду сыном Ультрамара!

(Гарро): Рубио, послушай меня. Дело не в Легионе или месте рождения, это вопрос более важный, чем мир, который ты звал дотом, или притарх, которому ты отдавал салют. Ты, я и прочие, что появятся в будущем, мы отдаём свою верность новой истине, новому идеалу! Мы помним о том, кем бы были, но восходим к лежащему за этими рамками, мы служим Императору Человечества! Это не изменится никогда! Там, на Калме, Рубио, ты принёс особый обет. Это сделает его завершённым. Бери броню. Присоединяйся ко мне!

(Рубио, после паузы): Быть по сему.

Рубио взошёл на стойку и широко раскинул руки, соглашаясь принять открытые брассары, наручи и нагрудник во всей их боевой красе. Сервиторы зафиксировали корпусную секцию доспехов и поножи, громогласные ботинки и латные перчатки. Он откинул голову назад, когда вставал на место горжет. С низкими, отдающимися в самых костях урчанием свёрнутой в калачик энергии включился термоядерный микро-реактор в наспинном

ранце. Следующими сели на место
наплечники. Так, шаг за шагом, Рубио
превратился в боевую машину в облике
человека, однако его по-прежнему
тревожила клятва, которую он скрепил
этим поступком. Теперь он утратил всё,
чем он раньше был, а с новым статусом,
который он приобрёл взятен, ему ещё
только предстояло определиться.

(Рубио, напряжённо): Сделано.

(Гарро): Пока нет. Ещё остаётся
твоеё самое главное оружие.

Нси-капюшон представлял из себя
сложную совокупность кристаллических
матриц и энергопроводов, настроенную на
уникальные резонансные моды
Умтатериума. Сервиторы установили его
на место вокруг головы Рубио, и
устройство пробудилось к жизни,
незамедлительно привязываясь к
теленатическим энграммам псайкера.
Рубио ощутил, как в нём вновь
пробуждается старая, знакомая сила, та
мощь воли, которую он считал
подавленной. Учения, которые спали со
времён Никейского Декрета, готовно

заплясали на кончиках его пальцев.

(Гарро): Вот теперь сделано.

Броня была второй кожей, пластил и кератин сопрягались с мышцами и скелетом посредством проводящей поверхности чёрного панциря --- интерфейсного био-имплантата под кожей Рубио. Он опробовал перчатки, сгибая пальцы. Ощущение было... правильным, но его внутренний конфликт не угас до конца.

(Гарро): Ты согласен выполнять свой долг, брат? Бери это оружие и используй его --- именем Императора.

Гарро вручил ему увесистый болтер и меч в ножнах. Рубио слегка улыбнулся, когда клинок оказался в его руке. Это был гладиус --- разновидность меча, традиционная для Ультрагесанта. Хотя на нём и не было обозначающей это гравировки, воин осознал, что Гарро позволяет ему сохранить одну маленькую памятку о Легионе, который он оставлял.

(Рубио): Моя признательность, брат...

Ментальное восприятие Рубио ни с того ни с сего встрепенулось, толкаясь в

его разум. Он занулся, уставившись на Гарро жёстким взглядом.

(Гарро): Что не так?

Рубио не ответил. Оставшись без применения, его теленатические способности утратили быстроту и собранность, и всё же у него возникло странное ощущение чего-то спрятанного глубоко в уме Гарро — иной правды, скрытой под слоями стоических мыслей Гвардейца Смерти, секретной веры, суть которой нельзя было прочесть. Перед его внутренним взглядом промелькнул образ.

(Рубио, шёпотом): Уконка...
Золотая аквила...

(Гарро, изумлённо): Что ты сказал?

Рубио каждой частичкой своего существа жаждал расспросить о том, что он учуял, но псайкер уже ощущал присутствие ещё одной души, которая нагвигалась ближе, пылая ярче, чем заглушенное препаратами мышление сервиторов, свирепая и жёсткая, с бритвенно-острыми гранями ума, привычного к совершению убийств.

(Рубио): Кто-то приближается.

(Новоприбывший, входя): Ты Гарро?
(Гарро): Я.

(Новоприбывший): Бери своего компаньона и следуй за мной. Немедленно.

Он не стал ждать, чтобы увидеть, подчинятся ли они. Новоприбывший просто крутнулся на каблуках и отправился обратно тем же путём, которым пришёл, вышагивая по сводчатым коридорам Цитадели в направлении главных воздушных причалов. Гарро поджал губы от такой вопиющей демонстрации высокомерия, но всё-таки последовал за ним с Рубио на шаг позади. На первый взгляд, выбор у него был невелик. Нельзя так просто просто взять и дать отказ представителю Кустодуанской Гвардии, не имея на то хорошей причины.

Он представился как Корарин, ну или по крайней мере это было всё, что он

хотел сообщить им на данный момент. Воины Легио Кустодес облагали наградами и именами различной глины, и каждое добавочное наименование даровалось им в знак признания заслуг перед Императором и Троном Терры. Гарро доводилось слышать о кустодиях с более чем тысячей имён, каждое из которых было начертано на внутренних поверхностях их брони, и он не мог не задаваться вопросом, сколько их ещё шло за словом "Корарин". Говорили, что кустодии соотносились с Императором точно также, как легионеры — со своими примархами. Личные охранники правителя Империи, они были его преторианцами и наизглавнейшими защитниками. И действительно, редко когда можно было встретить кустодия за пределами Терры. Они покидали Дворец Императора лишь для дел величайшей важности, и при этом в одиночку или малым числом.

Воин смотрелся внушительно, устрашающе. Он был выше Гарро, даже роде того в свои боевые доспехи. Роскошная

золотая броня кустодия была украшена замысловатыми узорами из молний, имперских аквил и сложных завитушек орнамента. С его широких плеч спадал кроваво-красный плащ, а подмышкой он держал высокий конический шлем с рельефным орлом поперёк лба и малиновым султаном из конского волоса на верхушке. У него была лицо с оливковой кожей и тёмные глаза, а вместо алебарды гвардейца, более типичной для его сородичей, Корарин был вооружён массивным мечом с широким клинком, в эфес которого были вделаны створенные болтеры. Он вышагивал быстрой и целеустремлённой походкой, ни разу не поблагодарив бросить взгляд на двух легионеров. Раздутое чувство превосходства Легио Кустодес было притчей во языцех, и их поведение часто служило источником трений с посторонними. У Гарро не было повода подозревать, что Корарин опровергнет эту посылку. Молчание нарушил Рубио.

(Рубио): Куда мы направляемся?

(Корарин): Челночный корабль

стоит наготове. Вы оба будете сопровождать меня на линкор Имперского флота "Ноландия". Судно находится на орбите Луны, ожидая моего возвращения.

(Гарро): С какой целью?

(Корарин): Это, Гвардеец Смерти, будет прояснено, когда будет сочтено необходимым.

(Гарро): Возможно, я считаю это необходимым сейчас! И, чтобы внести полную ясность, я больше не служу XIV Легиону.

(Корарин): Естественно. Если бы ты и впрямь всё ещё выступал на стороне предателя Мортариона, ты к этому моменту был бы уже ликвидирован.

Гарро вспыхнул гневом от такого пренебрежения, но кустодий не позволил ему ответить.

(Корарин): Приказ, который я имею, исходит от лорда Малкадора, Регента Терры. Вы поклялись ему подчиняться, не так ли? Он этого желает, так что вы будете составлять мне компанию на этом моём задании вопреки моим настояниям на том, что вашего присутствия не

требуется. На данный момент это всё, что мне необходимо вам открыть.

(Гарро): Как пожелаешь.

Потребовалось прилагать усилия, чтобы не поддаваться на провокацию, и Гарро мрачно переглянулся с Рубио. Кодициарий не сказал ни слова, но все его мысли были написаны у него на лице. Воины из Легионов Астартес были непривычны к тому, чтобы ими командовали, как обыкновенными смертными солдатами Имперской Армии, и если бы любой другой человек проявил подобную непочтительность, кончик меч уже упирался бы ему в горло, но сказать что-нибудь неподобающее кустодию рассматривалось едва ли не как дерзость по отношению к самому Императору. Гарро чувствовал, что его раздрают противоречия. С одной стороны, он испытывал уважение к воину, которого сочли достойным стоять рядом с Императором и купаться в этом божественном великолении, но с другой, его раздражало плохо скрытое и направленное не по адресу недоверие. Кустодий не

стеснялся продемонстрировать, что он считает Гарро недостойным своего внимания, вне всяких сомнений рассматривая боевого капитана в том же свете, что и всех прочих из его бывшего Легиона.

(Рубио): Если ты больше ничего не скажешь, то можешь хотя бы сообщить нам, с каким врагом нам предстоит столкнуться в ходе этого предприятия?

(Корарин): Хуже не бывает --- с предателями.

Челнок представлял из себя обтекаемый курьерский корабль класса "Аквила" сильно модифицированной наружности, выкрашенный в золотую с красным расцветку кустодуанской гвардии. В отличие от "Грозových Птиц" и "Грозовых Ястребов" --- военных лошадок, которыми были привычны легионеры, --- он

был едва ли не экстравагантным по своему дизайну. Он выглядел несущим на фоне прямоугольного монолита "Ноландии", как яркий драгоценный камень, покоящийся на чуждой чужде.

Линкор, отягощённый бесчисленными оружейными батареями, тянулся в длину на километры. Гигантские листы абляционной брони придавали ему вид массивного продолговатого змея, словно древняя твердь из доисторической Терры провалилась сквозь пространство и время, чтобы к ней присовокупили могучие варп-двигатели и пушки, которых хватало мощи для раскалывания лун.

"Ноландия" набрала ускорение, грохоча, как пленённая гроза; штурман прокладывал курс, ведущий с орбитальной траектории Терры к внешней границе Солнечной Системы. Они миновали огромные скопления спутников-верфей, занятых срочным строительством для усиления флотов, и автономные артиллерийские платформы, щетиныщиеся макро-пушками и оборонительными лазерами. Прочие

крейсера меньшего тоннажа,
внутрисистемные мониторы без варп-
двигателей, теснились в стороны с пути
"Ноландии", подчиняясь вымпелам высокого
статуса, которые реяли на её сигнальных
мачтах. Линкор оставил Терру позади в
кильватере выбросов своих двигателей.
Пропавший из видности Тронный Мир
затмила колоссальная сияющая цитадель —
"Фаланга", костическая крепость и
монастырь VII Легиона, Имперских
Кулаков Розала Дорна.

"Ноландия" неслась вовне, через
орбиту Марса и осевую линию
юпитерианских колоний, упорно и
стремительно двигаясь к дырке пояса
Койпера — зоны разрозненных ледяных
астероидов, которая отмечает границу
солнечного пространства. Там, снаружи, в
точке Мандевилля, где варп-корабли,
закончившие свой переход, могут
вернуться в нормальное пространство,
солнце было холодным и далёким, а звёзды
— чужими и неприветливыми. Там,
снаружи, не двигалось ничего, кроме
патрулирующих периметр фрегатов и

эстинцев, да роёв оповестительных роботов. И все они наблюдали и ждали первых признаков вторжения, которого не избежать. День или месяц, год или десятилетие --- сколько бы это ни заняло, но в этих небесах в конце-концов станет темно от флотилий Воителя. Это было лишь вопросом времени.

Никто не сказал кустодиганскому гвардейцу ни слова, когда тот потребовал в своё единоличное распоряжение площадку для боевой подготовки. Приказы, отданные Корарином капитану корабля, были лаконичными: не прерывать его тренировочный бой ни в коем случае, кроме разве что прибытия самого архипредателя Хоруса. Кустодий размеренно проложил себе путь через всю совокупность тренировочных сервиторов судна, оставляя их в виде дымящихся груг

по ходу того, как он расправлялся с ними группами или по одному за раз. Каждый сервитор учился на ошибках своего предшественника, однако с начала поединка прошли часы, а ни одному из них так и не удалось нанести кустодию хотя бы один удар.

(Корарин): Слуга, убери эти останки, и давай мне других.

(Гарро, входя): Других нет. Ты уничтожил их всех.

(Корарин): Прискорбно, а я-то надеялся найти что-нибудь, что могло бы составить мне испытание. Но крайней мере, хотя бы на миг.

(Корарин, помолчав): Клинок, который ты носишь, — превосходный инструмент. Ты зовёшь его Вольнолюбцем, да? Я б посмотрел, чего он стоит в схватке.

(Гарро): Это выглядит полным подобием вызова.

(Корарин): Неужто? Не думаю, что у тебя хватит неосмотрительности согласиться. В конце-концов, Гвардия Смерти отродясь не терпела в своих рядах

безрассудных и дураков.

(Гарро): Ты будешь удивлён.

(Корарин): Ну что же. Тогда до первой отметины.

(Гарро): Согласен, до первой отметины.

Они отсалютовали своими клинками, а потом разразилась буря.

Он был непохож ни на одного противника, с которым доводилось встречаться Гарро. Поговаривали, что даже примарх крепко подумает, прежде чем встретиться на арене с одним из кустодиев Императора, и Гарро, сражаясь за то, чтобы удержать позицию под ураганом ударов клинка Корарина, мог в это поверить. Было почти что невозможно предпринимать хоть что-то за рамками обороны, и он быстро достиг потолка своих умений, прикладывая все силы, чтобы размещать свой меч в тех точках, куда кустодий колел и бил своим собственным оружием. Он парировал все удары, но они обрушивались, как гром, так что его кости сотрясались внутри доспехов. Был момент, когда в обороне

обнаружилась брешь, и Гарро едва не воспользовался этим шансом, рефлекторно разворачивая эфес Вольнолюбца. Но он сдержал себя и позволил этой возможности уйти. Слишком легко, слишком заманчиво. Досада, сверкнувшая в глазах Корарина, послужила подтверждением. Это была уловка, призванная поймать его врасплох.

Манера, в которой атаковал Кустодий, резко изменилась, набирая интенсивность, и он начал теснить Гарро назад через тренировочную площадку к кучкам, оставшимся от загубленных сервиторов. Боевой капитан внезапно осознал, что до этого Корарин с ним забавлялся. Это было его истинным намерением. Кустодий сминал его точно рассчитанным, свирепым натиском под звон клинков. У Гарро оставалась лишь одна возможность выкрутиться, не уронив при этом своей чести, но для этого ему понадобится проворство, превосходящее всё, что он когда-либо демонстрировал в прошлом. Их мечи на мгновение заблокировали друг друга, сойдясь лезвие в лезвие, и Гарро ухватился за шанс,

который открылся перед ним на долю секунды. Если кустодий и имел слабое место, то это была его заносчивость. Спеша оставить на Гарро отметину, он уже считал его побеждённым. Легионер обратил это против кустодия, разоружив его, несмотря на то, что ему стоило гигантских усилий вырвать меч-болтер из руки гвардейца. Корарин застыл, багровея лицом от вспыхнувшей ярости, потом отступил на шаг назад. Гарро твёрдо держал свой меч, нацелив его кончик в грудь гвардейца.

(Гарро): Выходишь из боя? Эта схватка ещё не окончена. Я задолжал тебе отметину.

(Корарин): Если этот клинок вообще коснётся моей брони, я разорву тебя в клочья.

(Гарро): Ты плохо умеешь проигрывать.

(Корарин): А тебе улыбнулась удача. Я тебя недооценил. Такого больше не случится.

Он отвернулся, подбирая свой упавший меч.

(Корарин): Свободен, Гарро.

(Гарро): Ты переходишь границы, кустодий! Ты мной не командуешь! И у тебя нет причин скрывать от меня цель этого задания!

Корарин помедлил в раздумье, затем бросил на него взгляд через плечо.

(Корарин): Ну что ж. Полагаю, ты завоевал это право в качестве награды. Иди со мной и будешь просвещён.

7

Корарин привёл его в стратегиум линкора — овальный зал, где стены, покрытые простотровыми приспособлениями на газовых линзах и прозревательными устройствами наблюдения, обеспечивали поступление потоков данных из окружающего "Ноландию" пространства в режиме реального времени. В центре помещения располагался высокий бак гололитического

дисплея, озаряемый шаром, составленным из цветных пылинок света. Тактическая карта показывала Солнечную Систему и орбиты планет с наложенным на них курсом "Ноландии".

(Корарин): Оставьте нас. Немедленно!

Спустя какие-то секунды Гарро и Корарин остались в помещении одни с единственными свидетелями в лице безмозглых сервиторов.

(Гарро): Что требует такой секретности?

(Корарин): Увидишь.

Кустодий извлёк из кармашка на поясе заполняющую капсулу и вставил её в гнездо на цоколе гололита. Дисплей изменился и трансформировался в последовательность зернистых пиктоизображений. Гарро увидел корабли, около дюжины их, дрейфующую в космосе флотилию потрепанного вида.

(Корарин): Эта запись поступила от робота, занимающего пост на внешней границе за орбитой Плутона. Он зарегистрировал множественные переходы

из варп-пространства и двинулся на перехват. Это то, что он обнаружил. Это то, с чем нам предстоит столкнуться.

(Гарро): Всё это имперские корабли. Транспортники, балкеры. Гражданские суда.

(Корарин): Да. Но на них нет вымпелов, показывающих официальную принадлежность и опознавательные знаки. Их происхождение неизвестно. И они прибыли не одни.

Картинка сменилась, показывая судно во главе маленькой флотилии. Это мог быть только военный корабль. Похожий на лезвие нос и орудийные башни в нескольких уровнях складывались в характерный облик быстроходного ударного фрегата — самого распространённого класса кораблей в экспедиционных флотах Легионов Астармес.

(Корарин): Ты, естественно, узнал раскраску фрегата.

(Гарро): Белая с голубой окантовкой. Этот корабль принадлежит XII Легиону.

(Корарин): Пожирателям Миров. Воинам, которые перешли под знамёна

Хоруса вслеп за своим вероломным гладиаторским царём Ангроном.

Корма фрегата стала видна отчетливо, и глаза Гарро сузились. Уля, которое он там увидел, породило вспышку воспоминаний.

(Гарро): "Засечка Кинжала". Я знаю этот корабль! Я видел его раньше, у Исствана III, в те часы, что предшествовали атаке. Он был частью группировки Боутеля!

Когда Корарин заговорил вновь, он сделал пренебрежительный жест в сторону гололита и даже не попытался скрыть презрение в своём голосе.

(Корарин): Ты должен чувствовать родство с этими... беженцами, Гарро. Экипажи этих кораблей утверждают, что они бежали прочь от Боутеля, предавшего Трон. Там гражданские, солдаты Имперской Армии, торговые представители со всего Эригенского сектора и прочие, якобы собранные по пути в ходе их побега. Они говорят, что пробились к Терре через варп-шторма в поисках безопасной гавани.

Сочно также, как это сделал ты.

Долгое мгновение Гарро молчал. Когда Гвардия Смерти отвернулась от Императора, он и семьдесят других легионеров экспроприировали крейсер "Эйзенштейн" и спаслись от последовавших за этим ужасов. С того дня миновали месяцы, но они казались вечностью. Гарро принёс весть о мятеже, строго придерживаясь своей присяги Императору и Трону, но многие судили его за деяния его заблудшего примарха. Он был занятнан подозрением — тем самым, что горело в глазах Корарина.

(Гарро): И вот поэтому-то Малкадор меня и отрядил. Чтобы... составить о них суждение.

(Корарин): Он считает, что, с учётом твоего опыта, твоё понимание ситуации должно обладать некоторым весом. Тебе надлежит оказывать мне помощь в оценивании этих беженцев, но их окончательную судьбу решит Совет Терры.

У Гарро не было сомнений, что независимо от того, как далеко

простирались полученные кустодией приказы, тот уже отнёс новоприбывших к разряду представляющих угрозу.

(Гарро): Ты и не доверяешь.

(Корарин): Я не доверяю никому и ничему, кроме слова Императора. Этот раскол, созданный Хорусом, означает, что мы больше не можем рассчитывать на убежденность в чём-либо ещё. Подобные узы разъедены криводушием.

Кустодий унёсся в Гарро взглядом, в котором сверкал холодный огонь.

(Корарин): Вся Галактика расчерчена линией фронта. Любой, кто появится со стороны Воителя, — враг, пока не доказано обратное...

(Гарро): Я подпадаю под это описание? Считаешь ли ты, что и я ненадёжен, поскольку мой бывший Легион предал Трон?

(Корарин): До тебя начинается доходить.

(Гарро): Я не предатель!

(Корарин): История вынесет свой приговор. Точно также, как его вынесут эти отщепенцы. Воитель — враг

коварный, в его стиле будет послать
корабли под прикрытием подобной уловки,
так что он сможет внедрить шпионов в
самое сердце Империи. Его вторжение
угрожает, Гарро, его не остановить! Как и
этой ненавистью к этому предательству!

Корарин развернулся, чтобы уйти,
затем пошевелился.

(Корарин): Ещё одна вещь.
Ведьмачья душа Рубио...

(Гарро): Брат Рубио — легионер!
Кодициарий!

(Корарин): Такого звания в Легионах
Астартес больше не существует.
Малкадор, может, и дал тебе позволение
не соблюдать Эдикт Императора, но я
этого не потерплю! Знай вот что: если
Рубио воспользуется своими проклятыми
способностями в моём присутствии, то я
его прикончу.

(Рубио): Он прямо так и сказал?

(Гарро): Досточтимый кустодий не желает оставлять какую-либо двусмысленность в своих заявлениях.

Рубио нахмурился.

(Рубио): У Корарина нет права отдавать мне приказы. Он заносчивый фронтотан.

(Гарро): Подобное говорили в прошлом о XIII Легионе.

(Рубио): Но я не Ультрадесантник, не так ли? Я теперь такой же, как ты, --- Странствующий Рыцарь, призрак в доспехах.

(Гарро): Именно. Но пока что не путайся у него под ногами. Нам приказано с ним работать, стало быть, мы так и поступим. Личные предубеждения Корарина будут туманить его здравомыслие, поэтому важно, чтобы мы сохраняли ясным свой собственный взгляд.

Вернувшись в спартанские апартаменты, которые предоставили ему и кодициарию, Гарро передал Рубио весь свой разговор с кустодианским гвардейцем. Как и Гарро, Рубио был обеспокоен тем,

что олицетворяла собой "Засечка
Кинжала" и её разношёрстная флотилия.
Более молодой воин пролистал
содержимое информационного планшета,
изучая донесения датчиков, полученные
при первом контакте с беженцами.

(Рубио): Этот вопрос сложнее, чем
кажется на первый взгляд. Взгляни сюда.
Если эти данные верны, то на борту
кораблей беженцев гражданских
существенно больше, чем военного
персонала. Штатские и нестроевые,
Гарро, мужчины и женщины, семьи,
бегущие от пагения имперской власти,
предшествовавшего наступлению Воителя.
Это те люди, которых мы поклялись
защищать!

(Гарро): Я с тобой не спору. Но
Корарин не видит подобных разграничений,
в его глазах все на борту этих кораблей
одинаково опасно, будь то
костодесантники или простые люди.

Когда Рубио заговорил снова, его лицо
было мрачным.

(Рубио): Ранее, прогуливаясь по
коридорам, я подслушал разговор членов

персонала мостика, которые обсуждали задание. В тот момент я не знал, в каком контексте рассматривать их слова, но теперь понял. Они говорили о Корарине, о том, как он повёл дело. Он уже решил, чем всё закончится.

(Гарро): Объясни.

(Рубио): Кустодий отдал бессрочные приказы капитану корабля и старшему артиллеристу: действовать по "нулевому варианту", если того требуют обстоятельства!

(Гарро): И снова он переступает черту!

(Рубио): В том случае, если "Засечка Кинжала" или любой другой корабль беженцев будет представлять угрозу, "Ноландии" были даны полномочия уничтожить его и все прочие суда флотилии.

(Гарро): Это будет бойня! "Ноландия" — линкор класса "Возмездие", испепелитель миров! У одного фрегата и горстки фрахтовых барж не будет против неё ни единого шанса!

У Гарро кровь застыла в жилах, когда

он вспомнил свой собственный полёт на борту "Эйзенштейна", когда он бежал от мятежа, и тот момент, когда на его корабль упала тень великой "Фаланги". Если бы тогда командовал кто-нибудь вроде Корарина, Гарро мог бы и не остаться в живых, чтобы донести до Империи своё предупреждение. Неужели Совет Терры был так напуган, что они скорее позволят кустодию убить сотни тысяч невинных душ, чем пойдут на риск внедрения одного-единственного шпиона? Вопрос легенил душу. Это шло вразрез со всем, что составляло дух светлого и блистательного Империи Императора.

(Гарро): Мы не можем допустить, чтобы это случилось!

(Рубио): И всё же существует возможность, что Корарин прав.

(Гарро): Возможность, Рубио! Не уверенность! Это Империя Человечества, это владения Солнца и Тронного Мира! Мы не забираем жизнь без основания! Мы обнажаем меч по необходимости! По справедливости! Мы не убиваем, ведомые слепым страхом и

"Ноландия" зависла, коррекционные двигатели выбрасывали гигантские огненные струи, размещая её на траверзе "Засечки Кинжала" и клиновидного построения безлопастной флотилии. Орудия линкора с расчётливой угрозой качнулись в боевую позицию, десятки орудийных башен-куполов прорабатывали траектории стрельбы по головным кораблям. Театральный жест, если смотреть на него как на демонстрацию силы, но, тем не менее, опасность была серьёзной и неутолимой.

Корабли беженцев уже какое-то время удерживались в этой зоне пространства далёких орбит, окружённые группой беспилотных канонеров, которые отслеживали каждое их движение. Прибытие "Ноландии" и наведение на цель

её орудий лишь подчеркнуло то, что командующим флотилией уже было известно и так: по сути, они были пленниками. "Засечка Кинжала" дрейфовала поодаль от заострённого, как стрела, носа линкора, прямо на линии прицела нова-пушки, смонтированной вдоль хребта более крупного корабля. Даже если главное орудие "Ноландии" слегка промахнётся, выстрел с такого расстояния вскроет фрегат и заставит его атмосферу выплеснуться во тьму за какие-то секунды. В свою очередь, всему комплекту орудий "Засечки Кинжала" понадобится удачливость полководца, просто чтобы пробить пустотные щиты линкора и нанести ему ощутимый удар. В другое время эти корабли обменялись бы приветствиями как достойные товарищи, и получили бы эскорт для сопровождения к домашней пристани. Но сейчас шёл тяжёлый гражданская война была в разгаре, и мало кто смог бы черпнуть так глубоко, чтобы найти свежий источник доверия.

Корарин изучал рыхлую, плохо организованную группировку кораблей беженцев с обзорной точки стратегического и работал на маленьком гололите одной бронированной рукой. Он продумывал секторы обстрела и схемы торпедной атаки, вычерчивая наиболее эффективные модели удара, призванного свести другой корабль к вихрю обломков. Учитывая элемент неожиданности и при условии, что не случится непредвиденных событий, на это, по его прикидкам, должно было уйти не больше пяти минут.

Когда в помещение вошли воины в серой броне, Корарин не поднял глаз. Он их не вызывал, однако не мог и не пустить их в командный центр. Присутствие Гарро и его компаньона из колдовской братии было помехой, которую кустодию просто-напросто придётся перетерпеть.

В этот момент один из офицеров "Ноландии" заговорил громким голосом, передавая сообщение, полученное системой

связи корабля. С "Засечки Кинжала" был принят вокс-сигнал. Это был запрос на прямое соединение.

(Корарин): Не отвечать. Ещё рано. Пусть подождут.

(Рубио): Они уже прождали здесь несколько дней! Этого недостаточно?

Корарин ответил, не встречаясь взглядом с псайкером.

(Корарин): Важно затвердить урок о том, кто здесь командует.

(Гарро): Это совершенно верно. Эй ты, вокс-офицер, открой канал связи с "Засечкой Кинжала"!

Когда Гарро аннулировал приказ Корарина, тот резко развернулся, вперившись в него свирепым взглядом, но было уже слишком поздно, чтобы его останавливать.

(Голос): ~ "Засечка Кинжала" вас слушает, "Ноландия". Я бы сказал: "Рады встрече", но ваши артиллерийские расчёты путают нас с тренировочными авто-мишенями. ~

Его выдавали тембр и интонации голоса. Командир фрегата бесспорно был

легионером, поскольку редко кто из обычных людей постыет вести себя столь дерзко перед лицом такой превосходящей силы. И всё же в словах командующего сквозила усталость, которую невозможно было скрыть.

(Гарро): Времена сейчас опасные. Не взыщи, если мы проявляем остотрительность.

(Голос): ~ Остотрительность, говоришь? Как пожелаете. Кто бы мог решить, что вы увидите опасность в горстке танкеров и гззовых шлюпов? Как бы там ни было, мы готовы следовать за вами к Терре в любой удобный для вас момент. ~

Гарро улыбнулся шпильке, однако Корарин не нашёл в этих словах ничего забавного.

(Гарро): Я Натаниэль Гарро. К кому я обращаюсь?

(Голос): ~ Гарро? Поговаривали, что тебя убил Тифон. Ты беседуешь с тем бедным глупцом, который стал командующим этой непокорной флотилией отчаянных и изнурённых. Я

Мэйсер Варрен, ещё недавно числившийся
в Двенадцатой Роте, бывший сын Ангрона.

(Гарро): Бывший сын?

(Варрен): ~ Он пытался меня убить.

Но мне, так это полное указание на то,
что узы между моим генетическим отцом
и мной разорваны. ~

Гарро быстро кивнул вокс-офицеру,
чтобы тот заглушил звук, и взглянул на
остальных.

(Корарин): Ты его знаешь?

(Гарро): Да, сэр. По репутации.

Капитан роты, имеющий грозный
послужной военный список, часто выходит
победителем в гладиаторских ямах,
закалённый боец, но, как говорят, при этом
следует понятиям чести.

(Рубио): Редкая похвала для одного
из берсерков Ангрона.

(Корарин): Меня не интересует
число убитых на его счету или его лавры.
Возобновите вокс-связь!

(Корарин): Капитан Варрен, это
Корарин из Легио Кустодес, командующий
этой операцией. "Засечка Кинжала" и все

сопутствующие элементы флотилии
должны сохранять свою позицию и
оставаться с выключенными двигателями.
Неподчинение будет встречено
немедленными репрессиями. Ты
понимаешь? Вы не пойдёте к Терре.

(Баррен): ~ Что? Что это за
издевательство? Вы держите нас здесь, слова
мы враги! Проверяете нас! ~

(Корарин): Капитан Баррен, твой
статус друга или врага неясен.
Пожиратели Миров порвали с имперской
властью и составили заговор против
Императора. Твой Легион вступил в союз с
архипредателем.

(Баррен): ~ Ты думаешь, что меня
нужно знакомить с этими фактами? Но
какой другой причине мы могли бы здесь
быть? Я пошёл наперекор своему примарху,
чтобы на меня не упала тень этого
предательства! Ты хоть чуть-чуть
понимаешь, что это значит? ~

(Гарро): Понятно, что Баррен и его
сотоварищи многое вынесли, чтобы
достичь Терры, -- это то, что я знаю не
понаслышке. Возможно, если бы мы

поговорили, встретившись лицом к лицу, ситуация стала бы яснее для всех нас.

(Рубио): Мы можем взять челнок и переправиться на "Засечку Кинжала".

(Баррен): ~ Согласен. Придите, посмотрите мне в глаза, если смеете называть меня предателем! ~

[Баррен отключается]

(Корарин): Ты не имел права делать это предложение!

(Гарро): А ты не имел права его провоцировать! Но если ты опасаясь, что нас может ждать ловушка, ты волен остаться на борту "Ноландии".

(Корарин): Будь по-твоему. Беги.

Челнок проплыл сквозь пустотный барьер, перегораживающий разверстый зев посадочного отсека фрегаты. Потрескивающая энергетическая мембрана препятствовала холодному

поцелую костоса, удерживая атмосферу
корабля. Пилот Корарина выполнил
безукоризненную посадку, стремительно и
непринуждённо опустив судно на свободную
платформу. Незаметные лаз-пушки
скрытые под похожими на орлиные
крыльями челнока, подёргивались,
отслеживая людей, которые собрались
внизу на палубе. Опустилась откидная
рампна, и Гарро первым сошёл вниз с Рубис
и кустодием на шаг позади. Со всех сторон
вырастали густые тени, холодный воздух
посадочного отсека пропитывали дурные
предчувствия. Гарро видел их в глазах
экипажных серфов, которые столпились на
верхних технических галереях, чтобы
посмотреть на новоприбывших. Все до
единого были молчаливыми и угрюмыми.
Во флотилии беженцев не было ни одного
человека, который не опасался бы того,
что могла решить в отношении них
далёкая Терра.

(Баррен): Капитан Гарро. Ты не
выглядишь покойником.

(Гарро): Во многих отношениях,
сородич, я и впрямь призрак.

(Баррен): Никогда не видел раньше такой брони, как у тебя. Это в чём призраки выходят на бой?

(Гарро, со смехом): Можно и так сказать.

Пожиратель Миров выступил из группы ожидавших их легионеров, и протянул свою руку в древнем жесте приветствия. Гарро принял её, и они сжали ладонями запястья, встречаясь друг с другом взглядами. Баррен был стопроцентным воином XII Легиона. Его белая с голубым силовая броня была потрёпана погодой и изношена в битвах, листки с обетами и знаки отличия соседствовали с чудовищными выбоинами и отметинами от ударов, которые сами были своего рода наградами. У его бедра, в пределах лёгкой досягаемости, покоился массивный силовой меч с шипастой гардой, служба безмолвным предостережением о том, что воина не стоит считать беспомощным. Лицо капитана с глубокими посаженными, пронзительными глазами вызывало мысли о стиснутом, готовом к удару кулаке. Штифты выслуги и

матировки в честь побед соперничали с дорожками старых шрамов, рассказывая суровую историю его жизни. Гарро почувствовал, что в тот долгий миг, после которого Пожиратель Миров разжал свою хватку, Баррен в свою очередь произвёл его оценку.

(Баррен): Как нога? Я слышал, что ты потерял её в стычке с Боевыми Певцами^[15]. Аугметика никогда не ощущается так, как мясо и кости, верно?

(Гарро): Так и есть, но это значит, что я могу ходить, а если я могу ходить, то я могу сражаться.

(Баррен): А если ты можешь сражаться, ты можешь побеждать!

[Гарро одобрительно постеивается]

(Баррен): Итак, кто это такие?

Он кивнул на остальных.

(Гарро): Брат Рубио — мой товарищ. С Корарином ты уже разговаривал.

Баррен умышленно проигнорировал кустодия, предпочтя обратить свой взгляд

на псайкера.

(Баррен): Второе привидение в призрачно-сером. Но ты не Гвардеец Смерти. Всё загадочнее.

(Рубио): Мы оба служим лорду Малкадору.

(Баррен): И это он тот, кто нас здесь задержал?

(Корарин): Угёт гражданская война, Пожиратель Миров, и на тебе цвета не той стороны. Скажи спасибо, что тебя не вышибли из костоса прямо в момент прибытия.

В тёмных глазах воина засверкали гнев.

(Баррен): Какую признательность выразили преданным сынам Империи! Людям, что отказались следовать за своими боевыми братьями, когда те отвернули прочь, все как один! Мы не сбились со своего курса, кустодий. Это должно чего-то стоить.

(Корарин): Если бы обстоятельства сложились наоборот, ты поступил бы также.

(Баррен, со стехом): Нет. Я бы

просто убил тебя и закрыл бы этот вопрос.

Он повернулся к Гарро, эти тёмные глаза опять выскивали кого-нибудь, кому он мог бы доверять.

(Баррен): Наш полёт готов, кузен, был тяжёлым. Я потерял многих из своих лучших людей, убитых Сглазывателями Анзрона. Но мы последовали твоему примеру и совершили прорыв.

(Гарро): К тебе ещё кто-нибудь присоединился?

(Баррен): Да. Больше погибло, чем выжило. Горстка Пожирателей Миров — верных Пожирателей Миров — осталась со мной на борту этого корабля.

Гарро посмотрел за спину Баррена, на группу воинов, которые стояли в мрачных тениях. Его генетически-

усовершенствованное зрение заметило больше цветов, чем в раскраске XII Легиона. Корарин тоже это увидел.

(Корарин): Кто ещё к тебе прижкнул? Требую, чтобы ты их нам представил.

Баррен сурово уставился на

күстодия, кривя зубы от приказного тона.

(Баррен): Тогда иди, встретиться с ними. Или оставайся у своего челнока, если подозреваешь, что это засада.

Рубио почувал в зале других легионеров ещё в момент своего выхода из челнока. Их разумы были защищены, напоминая помигивающие свечи, заслонённые от ветра. Он умышленно держал свои псионические способности в бездействии, хотя часть его и жаждала снова начать пользоваться ими в полном масштабе. Медленный возврат к силе и могуществу характерного для кодициариев рода давался ему тяжело, но Гарро предупредил его о непреклонном характере күстодия, и выставив напоказ свои дарования, псайкер лишь добавил бы напряжённости текущему моменту.

Рубио увидел, что в скоплении беглых

костюгосантников присутствуют другие
Пожиратели Миров схожего с Варреном
типажа, и, вместе с ними, --- воины,
представляющие ещё два Легиона. Варрен
сделал жест в сторону ближайших из них ---
Астартес в искусно сработанной броне из
кератита фиолетового окраса,
отделанного изящной золотой филигранью
и обильными художественными
завитушками.

(Варрен): Это Ракицио, бывший III
Легион.

(Гарро): Дети Императора?

Ракицио и его боевые братья низко
поклонились, и Рубио увидел, что
фиолетовая броня местами сильно
повреждена болт-снарядами.

(Ракицио): Таковыми мы и
остаёмся. К нашему стыду, наш примарх
Фулгрит больше не смотрит на наш
Легион как на хранящий верность великой
Терре и его отцу. Его предательство
ранило нас в самое сердце.

(Гарро): Ещё какие-нибудь воины из
Третьего спаслись с Уствана? Капитан
Саул Тарвиц был моим достойным другом.

Он... всё ещё жив?

(Ракицио): Я не могу сказать.

Воин переглянулся с Пожирателем Миров.

(Ракицио): Брат-капитан Варрена предложил мне и моим людям путь, позволяющий избежать крайнего бесчестья. Мы им последовали. Единственная альтернатива состояла в том, чтобы покончить с собой.

(Корарин): Возможно, это было бы лучшим выбором.

Рука кустогуанского гвардейца покоилась на эфесе его меча-болтера в откровенно предостерегающем жесте.

(Корарин): И Пожиратели Миров, и Дети Императора открыто поддержали Хоруса, но тут мы обнаруживаем вас, утверждающих обратное.

Ракцио готовился ответить, но это сделали за него другие, выйдя вперёд из тени. Те, кого Рубио поначалу счёл ещё одной группой легионеров Варрена, вместо этого были одеты в белую броню с красной каймой. На их наплечниках резко, как кровь, выделялась эмблема молнии V

Легиона.

(Белый Шрам): Ты так скор судить, кустодий. Поведай нам, каково твоё суждение о Белых Шрамах?

Рубио впервые увидел на лице Корарина нечто похожее на удивление. Наездники Белые Шрамы всегда были одними из самых преданных и верноподданных Легионов Императора, и не было такого случая, чтобы его сын, Джагатай-хан, продемонстрировал бы хоть что-то, кроме непоколебимой верности.

(Баррен): Мы все верны в равной степени. Если бы это было неправдой, нас бы здесь не было.

(Гарро): Как вы собрались вместе, капитан?

(Баррен): Ракицио помог обеспечить коридор для бегства "Засечке Кинжала" и несколькими гражданскими кораблями. Вдобавок, мы подобрали беглые суда на внешней границе Усстванской Системы....

(Ракицио): Тех, кому повезло.

(Баррен):... затем взяли курс на Сегментум Соляр, поначалу делая

короткие переходы. Варн так неистовствовал, что мы едва смогли покрыть дюжину световых лет, прежде чем шторм вынудил нас вернуться в обычное пространство. Но затем мы наткнулись на Хакима и остальных его воинов.

Он объяснил, что отряд Хакима попал в Варне в штиль и отбился от своего флота. И лишь по воле слепого случая они очутились на пути флотилии "Засечки Кинжала". Они сообща проложили новый курс и покрыли пространство до Терры.

(Ракицио): Я никогда не верил в судьбу или в удачу, но будь оно наоборот, то, возможно, подобная сила поместила Белых Шрамов у нас на пути. Как только Хаким предоставил в наше распоряжение утшения своего техногесантника Харука, мы сумели починить критические повреждения в наших навигационных системах.

Воин сделал жест в сторону одного из людей Хакима, который носил эмблему технических специалистов Легиона, составленную из черепа и шестерни.

(Баррен): Если бы не они, мы бы не добрались в такую даль.

Күстодий шагнул к Хакиму и протянул руки, наклоня голову. Рубио узнал одну из разновидностей традиционного приветствия, бывшего в ходу на Чогорисе — родной планете Белых Шрамов.

(Корарин): Сайн байна үү, Хата-аким?

(Хаким): Сайн. Ты знаешь наши обычаи, Корарин!

(Корарин): Да. Я как-то проводил Кровавую Узру с воинами Великого Хана. Я был впечатлён доблестью Белых Шрамов.

Рубио воздержался от слов. Впервые на его глазах преторианец продемонстрировал по отношению к легионеру нечто приближающееся к уважению, и на то была хорошая причина. Кровавые Узры были невообразимым испытанием умений воина, и те, кому было по силам в них участвовать, заслужили свою похвалу. Каждая из этих узр происходила на Терре и представляла

собой реалистичные боевые учения, предназначенные для проверки защиты Дворца Императора от ассасинов. Кустодуанские Гвардейцы использовали их, чтобы непрерывно оценивать собственные умения и выискивать слабые точки в охране Императора. Рубио увидел, что Гарро с серьёзным видом кивнул головой.

(Гарро): Кузены. Братья! Какие бы обстоятельства ни свели нас вместе, мы все согласны в одном: мы стоим на правой стороне этого проклятого раскола! Унаследователи каких бы Легионов мы на себе ни носили, наша присяга Терре и Императору остаётся превыше всего! Так верьте мне, когда я говорю вот что: вопрос вашего возвращения домой будет решён в быстром порядке. И с гарантией. Наш враг — там, вовне. Наш враг — это Воитель, и мы встретим его в сплочённых рядах.

(Ракицио): Это всё, о чём мы просим.

Рубио развернулся, чтобы уйти, и на кратчайший миг на самом краю своего сознания почувствовал... нечто. Но затем это прошло, и они пошагали назад к

Гарро расхаживал по глине своих апартаментов, погружённый в раздумья. Обратная дорога с "Засечки Кинжала" прошла в молчании. Суровое лицо Корарина сохраняло непреклонное выражение, его мысли невозможно было угадать. Ситуация с гражданскими кораблями и контингентом Пожирателей Миров содержала более чем достаточно переменных, но с добавлением ещё двух групп воинов, -- одной из Легиона, про который было известно, что он сохранил верность, а второй из Легиона, который, как знали, совершил предательство, -- вопрос вышел на новый уровень сложности.

[Стук в дверь]

(Гарро): Войдите!

(Рубио): Я пришёл с тобой поговорить. Я удостоверился, что мой

приход остался незамеченным.

(Гарро): Там, на челноке, ты выглядел встревоженным. Что такое, Рубио?

Кодициарий нахмурился.

(Рубио): Нам лгали. Когда мы были на борту "Засечки Кинжала", прямо в тот момент, когда мы уходили, я почувствовал... обман.

(Гарро): Со стороны кого?

(Рубио): Не могу сказать определённо. Но кто-то в том помещении отчаянно хотел утаить от нас жизненно важную правду. От меня так давно не требовалось применять мои способности... тонким образом. Я утратил сноровку.

(Гарро): Делай, что в твоих силах...

Прежде чем Гарро успел сказать что-то ещё, прозвучал сигнал вызова. Он напрягся, касаясь вокс-устройства в своём горжете. На модуль машинной связи, встроенный в его броню, передавалось зашифрованное сообщение.

(Гарро): Кто со мной соединяется?

(Хакил): ~ Капитан Гарро, это я, Хакил. Прости этот потайной метод

связи, но я должен поговорить с тобой
начистоту. Ты один? ~

Гарро бросил взгляд на Рубио и жестом показал, чтобы тот хранил молчание.

(Гарро): Мы можем говорить конфиденциально.

(Хаким): ~ Я должен тебя предупредить. Дела в этой флотилии обстоят не так, как это кажется. Я связался с тобой тайком, потому что считаю, что среди нас разгуливают союзники Воителя. ~

(Гарро): Почему ты пришёл с этим ко мне, вместо того, чтобы отправиться к Корарину?

(Хаким): ~ Он не из Легионов. Кустодий на поймают. Но ты, Гарро, ты был на Устване, ты видел, что там произошло, ты прекрасно знаешь, на что способен Хорус. И ты понимаешь, что эта война -- не вопрос чёрного или белого. ~

(Гарро): Воистину так. Продолжай.

(Хаким): ~ Я верю, что Мэйсер Варрен -- честная душа. Он слишком прямолинеен и открыт, чтобы утаить

притворство хоть в каком-то его виде, но
Пожирателя Миров водят за нос Ракицис
и Дети Императора. Они всё ещё
повинуются Фүлзриму, я в этом уверен. ~

(Гарро): У тебя есть
доказательства?

(Хаким): ~ Недостаточно, чтобы
начать действовать. Ракицис
называют "Тёмным". Он слишком искусен в
обмане, чтобы ему можно было хоть что-
то вменить в вину, но мои братья и я
следили за Детями Императора по ходу
нашего перелёта. Они что-то затевают.
Они тайно встречаются на одном из
танкерных судов флотилии, "Мистрале", и
не допускают на его борт никого другого.
Они называют эти сходы "ложками". ~

(Гарро): Я слышал о таких вещах.

Ложи стояли у истоков тяжёла
Хоруса. Секретные собрания, где можно
было приносить новые обеты и
высказывать то, о чём не полагалось
говорить, распространялись от Легиона к
Легиону. Гарро был свидетелем тому, как
его собственных воинов вовлекали в
участие в этих собраниях, и он прекрасно

знал, что Воитель использовал их, чтобы
готовить своих предателей к восстанию
против Императора.

(Хакил): ~ С тех пор, как мы
прибыли в систему, Ракицио и его
легионеры ведут себя подозрительно.
Боюсь, что если мы не примем меры,
чтобы им помешать, они могут начать
действовать в ближайшее время. Я должен
заканчивать этот разговор. Гарро, будь
на чек. ~

[Хакил отключается]

Слова Белого Шрама внушали
глубокое беспокойство. Если среди
беженцев творились подобные вещи, если
Корарин о них прознает, то Гарро не
сомневался, что кустодианский гвардеец
использует это открытие как предлог для
самых беспощадных действий, и тех, кто
окажется между молотом и наковальней,
ждёт познание.

(Гарро): Это щекотливое дело.

(Рубио): Мы должны взять
ситуацию в свои руки, и быстро.
Гражданские и экипажные серфы этой
флотилии негодуют, они выглядят

болезненно, их запасы проговольствия
исчерпались за время их побега. Если мы
ничего не предпримет, умрут невинные
люди!

(Гарро): А если пойдёт вперёд,
вытащив болтер и вздев клинок? Корарин,
может, и выказал некое уважение к Белым
Шрамам, но его палец лежит на спусковой
кнопке тяжким грузом. Невинные или нет,
он будет скор на убийство. В его глазах,
пассивная угроза Императору послужит
оправданием даже самым экстраординарным
поступкам.

Но тут, словно простого упоминания
имени кустодия было достаточно, чтобы
призвать его, как некое мифологическое
существо...

(Корарин): ~ Гарро, Рубио!
Немедленно явитесь в стратегиум. ~

(Корарин): Всем артиллерийским

расчётам оставаться на боевых постах, пока не будет отдан приказ об отмене боевой готовности. Находиться на своих местах круглосуточно. Мы не можем позволить себе ослабить внимание. Опасность сохраняется. Вокс-офицеру приготовиться вести передачу по машинной и гололитической связи. Я хочу, чтобы мои слова услышали все до единого корабли этой флотилии, без исключений.

(Гарро): Объяснись, кустодий. Почему "Ноландия" остаётся в состоянии боевой готовности?

(Корарин): Слушай внимательно, Гвардеец Смерти. Эти слова предназначены тебе в той же степени, что и этим беженцам.

Рубио и Гарро обменялись напряжёнными взглядами.

(Рубио): И Хакиму?

(Корарин): Белые Шрамы поймут необходимость моих приказов.

(Корарин): Внимание! Внимание, корабли флотилии "Засечки Кинжала"!

Гарро бросил взгляд на огромные проёмы иллюминаторов стратегиума и на

рыхлую формацию безлых костических
кораблей за нити. Напряжение нескольких
последних часов внезапно сгустилось,
приблизившись к критической точке.

(Корарин): Всем кораблям
флотилии быть готовыми перенести
обыскные мероприятия. С "Ноландии"
будут отправлены группы, которые
высадутся на каждое судно по очереди для
осуществления попалубной инспекции.
Лишь по завершении этих обысков вашими
кораблями будет позволено пересечь
внешнюю границу и войти в систему.

(Рубио): На то, чтобы обыскать
каждый корабль от носа и до кормы, уйдут
недели!

(Корарин): Этот приказ обязателен
к исполнению и не может быть отклонён.
Любое сопротивление будет встречено
огнём на поражение. Мероприятия
начнутся через три часа по Терранскому
стандарту. Конец связи.

Гарро развернулся к кустодию, играя
желваками.

(Гарро): Так это и есть твой
план? Держать здесь этих людей, пока они

не умрут от голода? И таким образом
дать этой проблеме исчезнуть самой по
себе?

(Корарин): Если они желают
запросить вспомогательный провиант, они
смогут это сделать. И если твоё сердце
настолько обливается кровью, Гарро, тебе
и твоему псайкеру охотно позволят
слетать и им его привезти.

(Гарро): Эти жизни, от которых ты
так легко отмахнулся, — жизни подданных
Императора!

(Корарин): Их жизни — не моя
забота. Моё дело — безопасность, защита
моего Императора и его Трона. Всё прочее
имеет второстепенную важность!

(Рубио): Вызов с "Засечки
Кинжала". Думаю, что капитан Варрен не
промолчит по этому поводу.

(Корарин): У меня нет желания с
ним разговаривать. Вызов отклоняется.

Гарро склонился ближе, встречаясь с
бездушным взглядом Корарина. Его голос
звучал негромко и холодно.

(Гарро): То, что было сделано, посеет
среди гражданских панику и страх. Это не

солдаты, которые промолчат, взяв под козырёк. Это обычные люди, перепуганные и стоящие на грани потери соображения. Если ты не оставишь их выбора...

(Корарин): Ты находишься здесь, поскольку я решил держать тебя в курсе, а не потому, что мне нужен твой совет! Не стей указывать мне, как выполнять это задание!

В глазах Гарро вспыхнул гнев, но его отповедь так и умерла неозвученной на его губах — воздух прорезал звук тревожной сирены.

(Корарин): Теперь что? Доложить!

Рубио встал над голоскопом.

(Рубио): Прозревательные датчики, которые регистрируют энергетический всплеск на борту одного из кораблей флотилии?.. Подтверждаю. Запускаются двигатели. Одинокое судно покидает строй, скорость нарастает.

Его лицо затвердело, и он повернулся к Гарро.

(Рубио): Это танкер. "Мистраль".

Танкер уносился прочь от флотилии, его двигательные гюзы полыхали, пламенея ярко, как солнце. "Мистраль" был уродливым кораблём, массивным, объёмистым и скруглённым. Он напоминал гигантский артиллерийский снаряд, усеянный оспинами стыковочных портов и вентиляционных люков. Он с лёгкостью мог потягаться массой с имперским фрегатом, но был неуклюж на поворотах, лишённый манёвренности военного корабля. Командная палуба судна не отвечала на вокс-передачи. Оно несло вперёд, в первые полотноща предупредительных лучевых выстрелов с автоматических артиллерийских платформ. Танкер принимал на себя удары, которые вгрызались в его хлипкие пустотные щиты, но не выказывал никаких признаков снижения скорости. Скорее наоборот, казалось, что атака подстегнула экипаж поддать мощности двигателям в безумной надежде пробиться

сквозь заградительный огонь. Но пушки "Ноландии" развернулись с ликующей лёгкостью, когда оружейные башни сместились, чтобы разместить убегающее судно в своей зоне поражения.

Корарин прошагал через стратегиум к центральному артиллерийскому посту и изучил дисплей управления стрельбой. Он ткнул пальцем в иконку, изображающую "Мистраль".

(Корарин): Приготовиться к полномасштабному лазерному обстрелу. Вести огонь прямой наводкой.

(Гарро): Кустодий, погоди!

(Корарин): Приказы, Гарро, были совершенно прозрачны! Это судно показывает открытое неповиновение легитимным распоряжениям, его намерения неизвестны, оно выходит на курс, ведущий прямо к внутренним

планетам и Терре!

(Гарро): Будь ты проклят!

Легионер отступил прочь, активировав своё вокс-устройство и открывая канал связи с убегающим судном.

(Гарро): "Мистраль"! Это боевой капитан Натаниэль Гарро! Остановитесь или будете уничтожены! Вы должны немедленно заглушить свои двигатели!

(Рубио): Гарро! На корабле... Там что-то есть, тёмное и смертоносное. Скрывает себя. Скрывает от меня.

(Корарин): Цель захвачена. Зарядить орудия!

(Гарро): "Мистраль"! Если слышите меня, поворачивайте назад!

(Корарин): Открыть огонь!

Это было ничем иным, как откровенным перебором. Хватило бы одной-единственной импульсной серии,

чтобы взломать переборки отсеков и
уничтожить рабочую зону реактора.
Вместо этого массированный лучевой
обстрел с "Ноландии" ликвидировал
танкер подчистую. Безрассудный рывок
"Мистрала" закончился, не успев начаться,
и быстротечная вспышка сверхновой его
стертельных конвульсий залила носы
других кораблей, сгрудившихся позади
"Засечки Кинжала", кровавым мерцающим
светом. Во тьме вспухли облака
испарённого пластика и металлических
осколков корпуса, раскалённых до белизны,
подсвеченные всполохами излучения и
сиянием плазмы. Орудия "Ноландии"
вернулись на свои прежние позиции. Урок
был преподан.

На какое-то мгновение на командной
палубе воцарилась ошеломлённая тишина,
потом Гарро пошёл на кустодия,

схватившись рукой за эфес Вольнолюбца.

(Гарро): Ты, бессердечный...

Рубио шагнул ему наперерез, хватая его за руку, прежде чем он успел полностью вытащить меч из ножен.

(Рубио): Капитан! Нет!

(Корарин): Нет, капитан, пожалуйста, да! Пожалуйста, не подчинись мне, как и они, чтобы я мог засадить тебя на гауптвахту и выполнить своё задание без дальнейших помех!

(Гарро): Ты спровоцировал произошедшее! Точно также, как подзуживал Варрена! В уничтожении этого судна не было нужды, у нас был запас времени! Рубио и я могли бы телепортроваться на борт и взять его под контроль!

(Корарин): Возможно. Но я не признаю расплывчатостей, Гарро. Одно из двух — либо подчинение, либо анархия, порядок либо хаос. Я честно предупредил этих глупцов. Они меня проигнорировали на свою голову.

Кустодуанский гвардеец нагнулся, отпихнув Рубио в сторону, так что между

ним и Гарро остались считанные сантиметры.

(Корарин): Здесь нет места неразберихе, и теперь каждое судно в этой флотилии понимает, как надлежит понимать и тебе: тех, кто не повинется, ждёт та же судьба!

"Засечка Кинжала" была древним судном, построенным ещё до начала Великого Крестового Похода, и ветераном многих-многих войн. За время своей жизни корабль был испытан на прочность сотнями раз, и это должно было стать его последним перелётом, заключительным героическим забегом сквозь пустоту во главе тех, кто всё ещё держался своей присяги; паломничеством, если отважиться произнести столь религиозное слово в сердце терранской светской империи. Но всё впустую — так это казалось сейчас. Кораблю не оказаться вновь под лучами Земли, ему предстоит ржаветь здесь, ввне, среди ледяных астероидов, всё время видя дом, но не имея права к нему приблизиться.

Мэйсер Варрен не мыслил в подобной манере, его изворотливый военный ум не

был склонен к унылым думам. Он жил настоящим, с боем прокладывая свой путь по жизни, секунду за секундой, и он чувствовал себя тревожно, был рассержен. Не за тем он вернулся на Терру, не за тем, чтобы увидеть, как уничтожают его корабли, как его самого разлучают с его свободой. Он был настолько поглощён своими мыслями, что едва не прошёл мимо человека, который поджигал его в мрачных тенях коридора.

(Баррен): Покажись или нарвёшься на болт!

(Гарро): Брат Баррен...

Болтер Баррена в мгновение ока взлетел вверх, его дуло очутилось в каких-то дюймах от лица Гарро.

(Баррен): Ты смеешь мне это говорить? Я должен убить тебя прямо на месте! У тебя нет права показывать здесь своё лицо! Как ты попал на борт этого корабля?

(Гарро): У терциарного пункта базирования челноков "Засечки Кинжала" плохая охрана. И я удостоверился, что нас не отследили с "Ноландии".

(Баррен): Нас?

(Гарро): Рубио ждёт внизу. Он охраняет наш корабль.

(Баррен): Так... ты не послан Корарином?

(Гарро): Я уже проигнорировал его приказы, когда покинул линкор. Баррен, я должен был вернуться назад, чтобы с тобой пообщаться, так что каждый из нас в полной мере понял бы, чего стоит другой, и мы могли бы поговорить напрямик.

(Баррен): Напрямик? Этот шлюхин сын в золотой броне ликвидировал безоружный транспортный корабль, и ты это не остановил! Это что, недостаточно прямо? Если бы "Засечка Кинжала" не была такой развалиной, я влетел бы на ней прямо в мостик этого линкора, чтобы прихлопнуть этого кустодуанского бахвала!

(Гарро): Поверь, я пытался это предотвратить! Но Корарин несгибаем, он... он считает, что во всём, кроме названия, вы и есть предатели.

(Баррен): Но не Белые Шрамы, а? Всех остальных из нас бы повесил, но не

команду Хакима. Насколько это честно и
справедливо? Насколько Имперская
Истина...

(Гарро): Истина в том, что сыны
Хана доказали свою верность в ходе этого
раскола!

(Баррен): Но все остальные из нас
считаются продажными из-за действий
большинства? Кто это знает, чтобы
поручиться? Я не приспособлен так
командовать, Гарро, я убийца, пластатель
труса, а не племенная кобылица, рвущая
жилы, чтобы защитить выводок
слабовольных и немощих недоростков! Я
предводитель воинов, а не обычных людей!

Его латная перчатка стиснулась в
тяжёлый кулак.

(Баррен): За это будь проклят Хорус
Луперкаль! Будь он проклят за своё
вероломство и ложные обещания. Не
отколи он те Легионы, и нас бы здесь не
было. И ни одной душе не пришлось
бы умирать напрасно!

(Гарро): Я чувствую то же, что и
ты, брат. Воитель обратил воинов друг
против друга, нарушены клятвы,

скреплённые кровью и огнём. Его предательство накрыло Империям чернейшей тенью. Оно угрожает всему, ради чего мы трудились, сражались, ради чего утирали! Всё переменилось, Варрен! Доверие обращается в песок, и тон сейчас задают люди навроде кустодия --- безжалостные люди, которые могут поступиться чем угодно, и которые слишком зашорены, чтобы увидеть сложности текущего момента.

Он подступил на шаг ближе, раскрывая ладони в товарищеском жесте.

(Гарро): Если мы намерены выйти из этого штопора подозрений, нам нужно работать в одной связке и доискаться до правды, прежде чем недоверие Корарина доведёт его до ещё большего кровопролития.

(Варрен): До какой правды?

Рубио ждал на палубе рядом с
лихтером класса "Арвус", поглядывая назад
на лётчика-сервитора с пустыми глазами,
заключённого по ту сторону пугыря
пилотской кабины. Слуга-автомат был
спецом, получившим подготовку
высочайшего уровня для управления
маленьким челноком, но категорически
неспособным на все прочие виды
взаимодействий и мыслительных
процессов. Было сравнительно просто
заполучить перфокарты с управляющими
командами и приказать ему
перевести их на фрегат. После
уничтожения танкера пространство
вокруг линкора наполнилось мельчайшими
обломками, которые сбивали
прозревательные датчики. Им удалось
переправиться с одного корабля на другой
незамеченными, двигаясь на низкой тяге,
хотя вернуться обратно будет уже
совершенно другой статьёй. Им
недостанет удачи, чтобы проскользнуть
сквозь сеть во второй раз.

Рубио отступил назад, в тени под
крыльями "Арвуса", где единственным

источником света было
сверхъестественное свечение его пси-
каюшона. Оно омывало его лицо
прохладными шепотками энергии. Его
дарование помогало скрывать от
случайных взглядов и лихтер, и его самого.
Его утешения возвращались к вершине своих
возможностей, к той мощи, что они
успели набрать до издания Никейского
Декрета. Для Рубио это было всё равно,
что разглядывать слепотный образ сквозь
рассеивающиеся слои тумана. Со-
временем, уже скоро, он снова окажется на
пике своих способностей.

(Рубио, судорожно вздыхая): Снова
оно!

Ощущение чего-то потаённого и
опасного, всё тот же эфемерный след, что
он почувствовал на борту "Мистрала", но здесь,
сейчас... Рубио шагнул вперёд и
заколебался. Гарро поручил ему охранять
"Арвус", пока он сам отправился на поиски
Баррена, но бездействие выводило
псайкера из себя. Он знал, что появившись
здесь, они сильно рискуют, но стоять в
стороне и ничего не делать... Это

стахивало на слабость. Он не мог дожидаться возвращения Гарро, да и ощущение чего-то дурного уже начинало выветриваться из его разума. Он не мог проигнорировать подобную вещь. Рубио в последний раз взглянул на лихтер и с трачной решимостью отправился в негра "Засечки Кинжала".

3

Гарро внимательно изучал Варрена. Он знал, что скажи он одно-единственное неверное слово, выкажи хоть малейший признак двучности, и Пожиратель Миров тут же на него набросится. Сыны Ангрона прибегали к насилью как к первейшему средству в любых делах, и Гарро мог видеть, что из-за событий этого дня Варрен уже на волосок от того, чтобы потерять самообладание.

(Гарро): Варрен, кому ты доверяешь?

(Варрен): Моим собратьям.

(Гарро): Тем, которые прибыли с тобой? Но не тем, которые остались, чтобы следовать за Ангроном?

(Баррен): Не играй со мной в эти игры! Ты знаешь, что я имею ввиду. Нелегко увидеть, что присяга, которой ты живёшь, разорвана в клочья теми, кого ты когда-то звал братьями.

Гарро трачно кивнул.

(Гарро): Это изменит Легионы, причём у нас нет ни малейшего понимания, как. Он что-то сломал, и это уже никогда не воссоздать заново. Начиная с этого дня и пока не погибнет последний из нас, в уме каждого легионера, который посмотрит на своего брата, всегда будет сомнение. Пусть хоть один миг, но он будет задаваться вопросом: не обратится ли когда-нибудь мой сородич к Императору? Мы знаем, что мы на это способны, это было показано и доказано, заноза подозрения будет вечно сидеть в наших сердцах. Скажи мне, Баррен... Что ты знаешь о ложах?

Лицо Пожирателя Миров приобрело озабоченный, хмурый вид.

(Баррен): То идиотство гавинитов, бессмыслица... Я запретил своим бойцам в них участвовать. Тайные встречи в укромных местечках пристали хлыщам при Имперском Дворе, а не костодесантникам.

Гарро снова кивнул. Он тоже избегал лож по сходным соображениям и, подобно Баррену, расплатился за то, что держался особняком.

(Гарро): Но что Ракицио? Он разделяет это мнение?

(Баррен): Доверяю ли я ему, ты это имеешь в виду? Как и все Дети Императора, он, конечно, позёр, но меч в его руке становится настоящим ураганом клинков. Если бы не Ракицио, я бы уже дюжину раз успел умереть. Он нашёл нам дорогу с Исствана, потеряв при этом множество своих бойцов. Да, он проливал кровь ради меня. Я ему доверяю.

(Голос Ракицио): Хорошо это знать в эти бурные времена.

Гарро обернулся, кладя руку на эфес своего меча, и очутился лицом к лицу с Ракицио. Ни один из них своих не признавал.

что тот к ним подошёл.

(Гарро): Что ты слышал?

(Ракицио): Достаточно. Сначала ты и кустодий ведёте себя вызывающе, затем вы устраиваете избиение невинных, теперь возвращаетесь, чтобы бросить тень сомнений на нашу честь, и требуете, чтобы мы ловили каждое ваше слово, как собачки? Я мог бы ожидать подобного поведения от мертвого, Гарро, но не от одного из нас!

Ракицио стукнул основанием кулака по золотой Державной Аквиле на своей нагрудной пластине, и кератит зазвенел от удара.

(Ракицио): Ты забыл, что это значит? Или отделался от этого вместе с цветами своего Легиона?

(Гарро): Я ничего не забыл! И мне нет нужды доказывать что-то о себе ни тебе, ни кому-то ещё. Я не прикладывал руку к уничтожению "Мистрала", но, возможно, ты сможешь объяснить, что побудило его бежать из строя?

Вопрос, казалось, застал воина врасплох.

(Ракицио): Ты пытаешься в чём-то меня обвинить? Переключи внимание на Корарина! Его речь вбросила искру паники! Теперь он выкрикивает нам приказы, словно мы всего лишь свежеспечённые рекруты!

(Баррен): Какие приказы?

(Ракицио): По причине которых я сюда спустился. Капитан, кустодий потребовал, чтобы представители Легионов собрались на посадочной палубе и ждали.

(Баррен): До какой степени он намерен выкручивать нам руки?! Он что, хочет, чтобы мы взяли за оружие?

(Гарро): Мне ничего про это не известно, заверяю тебя!

(Баррен): Тогда, если мы хотим узнать больше, то у нас, по видимости, нет другого выбора, кроме как подчиниться!

Присутствие Гарро привлекло
взгляды собравшихся легионеров.
Некоторые были удивлёнными, в других
сквозило холодное презрение или
откровенное отвращение. Лишь Белые
Шрамы хранили невозмутимость. Гарро
не выказал никаких эмоций, но под
невыразительной маской его лица кипел
внутренний конфликт. Они возлагали
ответственность на него в той же мере,
что и на кустодуанского гвардейца, и у
чувства вины было свирепое жало. И как бы
сильно он ни старался, но он не мог
согласиться с тем, что жестокая расправа
с "Мистралем" была оправданной. Он был
не из тех, кто уклоняется от трудного
выбора, он совершал его множество раз в
свою бытность легионером и командиром,
но Гарро никогда не был безжалостным. В
его сердце не умелось того холодного
чёрного колодца целенаправленности, из
которого черпают некоторые люди. Он
надеялся, что он не появится там никогда.

Гарро бросил взгляд вверх, на люк
посадочного отсека, ожидая, что тот
заскрежещет, открываясь на своей

массивной латунной шестерне, но вскоре осознал, что Корарин избрал другой способ своего появления -- такой, что породит гораздо больше потрясения и трепета.

В центре палубы неожиданно забрезжило трепещущее зерно изумрудной энергии. Из него молотили молнии, обрисовывая расширяющуюся сферу мерцающей расцветки.

(Голос): Назаг! Назаг, говорю! Прочь от зелёного!

Каждому из них были известны признаки, предвещающие телепортацию. Любой, застигнутый слишком близко от ореола зоны перемещения, рисковал быть засосанным внутрь и слиться с новоприбывшими, став бесформенным месивом. Гарро заслонил глаза, когда на палубе стремительно возник изумрудно-зелёный шар, внутри которого обретали вещественность и объём фантомы десятков фигур.

(Корарин): Боевая готовность!

(Баррен): Что это значит?

Корарин вышел вперёд из окружения в более чем дюжину вооружённых морских

пехотинцев в полных комплектах танцирной брони. Его меч-болтер уже был извлечён из ножен.

(Корарин): Любой из вас, кто коснётся оружия, будет считаться врагом Императора!

Его глаза обнаружили Гарро, и он презрительно усмехнулся.

(Корарин): Ну разумеется. Мне следовало бы знать, что ты окажешься здесь с остальными. Вездмачью душонку ты тоже прихватил? Неважно. Я займусь тобой позже.

(Гарро): Я прибыл сюда, чтобы исправить твою ошибку, Корарин.

(Корарин): Ошибающийся здесь ты. Внемлите мне! Сим принимаю на себя непосредственное командование флотилией. Вы будете подчиняться моей власти именем Императора!

(Баррен): Я этого не позволю!

(Корарин): Тебе меня не остановить.

(Баррен): Ты так думаешь? Свяжись со своим линкором, запроси ещё несколько взводов этих пехотинцев — тогда я, может, и начну принимать тебя всерьёз!

Красно-золотой воин погал знак
этиссару Механикум, который прятался
среди солдат, и агент прошепствовал
вперёд на своих железных ногах.

(Корарин): Похоже, что ты и впрямь
тот близорукий варвар, за которого я тебя
держал. Рисовка или твоя честь, Варрен,
здесь не при чём, речь идёт о фактах! О
правде! Покажи им!

Агент включил портативную
гололитическую капсулу, транслируя в
воздух над их головами туманное
изображение. Гарро опознал в нём нечто
похожее на мостик гражданского корабля в
ореоле информационных индикаторов,
которые тизали по всему дисплею.

(Корарин): После того, как
"Мистраль" был сдержан, я отрядил
разведывательную партию Механикум,
чтобы они исследовали обломки танкера.
Ух роботы обнаружили вот это -- запись
из центрального архива корабля. Она
сохранила несколько последних мгновений
жизни судна.

(Хаким): Зачем нам это
показывать?

(Корарин): Стотри и просвещайся.

Из помещения словно бы удалили весь воздух. Там, на гололите, ясно, как прихотной ночи, возникла фигура в полном комплекте силовой брони Астартес. Кулак легионера был занят массивным болт-пистолетом. Бортовой регистратор показывал, как он шагает по мостику "Мистрала" и педантично, одного за другим, ликвидирует членов экипажа танкера.

(Голос): Это невозможно!

У Гарро застыла кровь, и он ощутил, как его захлёстывает жуткое, знакомое ощущение — тошнотворный ужас от вида такой неприкрытой резни, совершаемой руками боевого брата. Он уже был свидетелем подобных вещей, на Усстване и затем ещё раз на Калте, всё по приказу Хоруса.

Когда персонал мостика был убит, воин двинулся к рулевой консоли и повернул штурвал корабля, подавая энергию на его двигатели. Потом, почти как если бы ему в голову пришла запоздалая мысль, легионер посмотрел

вверх и обнаружил головку датчика, который записывал видеоряз. Он поднял пистолет.

[Звук выстрела, запись прерывается]

Корарин поднял меч в указующем жесте, на его лице бушевал гнев.

(Корарин): Официально заявляю, что личность убийцы известна. Он носит на себе фиолетовый и золото III Легиона, так что я нарекаю Ракицио и его воинов предателями!

Рубио отрешился от всех отвлекающих факторов и отправился вниз через средние палубы фрегата, держась настолько незаметно, что это могло бы показаться недостижимым для легионера в боевых доспехах. Он мастерски умел становиться невидимым, когда ему это

было нужно, и к тому же он хорошо знал эти корабли, поскольку в период разгара Великого Крестового Похода провёл множество лет на борту подобных судов в составе экспедиционных флотов Ультрагесанта.

На восьмом уровне находились казармы Астартес. Обычно они служили базой для десяткам отделений воинов, но здесь они по большей части пустовали. Пожиратели Миров, Дети Императора и Белые Шрамы делили между собой территории, но в настоящее время там ходили лишь безтозглые сервиторы, поглощённые своими задачами. Рубио был встревожен тем, что его смутные подозрения привели его в это место. Чем ближе он подходил, тем отчётливей становилось восприятие того, с чем соприкоснулся его разум, и вместе с этим росли мрачные предчувствия. Ему так хотелось оказаться неправым, даже хотя он и знал, что это не так. На какое-то мгновение он позволил себе в должной мере прочувствовать горечь, и затем придумал всплеск эмоций. Сейчас было не время и не

место.

Двигаясь через отсеки, он добрался до шкафа в задней части ниши для снаряжения, заботясь о том, чтобы не потревожить тряпки для чистки, жестянки с полировальным порошком и прочие предметы, которые использовались для обслуживания боевой экипировки костогесантника. То, что он собирался сделать, было грубым нарушением неприкосновенности личного имущества боевого брата, смертельным оскорблением, которого не спустил бы ни один легионер. Но у него не было выбора, раз уж он зашёл так далеко. Рубио уловил остаточные помыслы, окутывавшие запорный механизм, набрал на нём открывающий код, и внутри...

Оружие сопровождающих Корарина пехотинцев было поднято и готово к

стрельбе, но они колебались. Кто-то целился в Ракицио и его людей, другие водили стволы туда и сюда между остальными легионерами, что собрались перед ними. В другое время или в другом месте подобное действие было бы встречено незамедлительной агрессией, но в данный момент внимание воинов было обращено на другое.

(Баррен): Ракицио! Объясни, чему ты стал свидетелем! Скажи мне немедленно!

(Ракицио): Я... Я не могу сказать... Я... Не знаю! Все мои воины здесь, все учтены! Я не знаю, кто это был!

(Хаким): Какая-то функция? Возможно... имитатор?

(Корарин): Нет. Агенты заверяют меня, что видеоряд подлинный. Для подделки подобной записи потребовалось бы невероятное мастерство. Я считаю, что она настоящая.

(Гарро): Насколько внимательно ты смотрел, Корарин? Ты желал найти опровержение?

Гарро пошёл на кустодия, сверкая

глазами.

(Корарин): Когда мы вернёмся на Терру, я прослежу, чтобы Малкадор подобрал у тебя эту твою броню и схоронил тебя под лунными кратерами! Не думай, что у тебя есть право сомневаться в моих намерениях, Гвардеец Смерти!

(Баррен): Если то, что мы видели, реальный факт... Ответь, мне, Ракицио: ты всё ещё служишь Фүлгриму? Ты отверг Императора?

(Ракицио): Нет, брат! Нет! Я дрался со своими, чтобы пойти с тобой! Ты знаешь это! Фүлгрим предал нас всех!

(Хаким): Дети Императора приняли сторону Воителя.

(Корарин): Сдавайтесь немедленно или умрёте! Я призываю всех тех, кто верен Терре, прицелиться, и стрелять в этих изменников, если они не подчинятся!

(Ракицио): Хаким???

Кивок Белого Шрама был едва заметным, но для его бойцов этого было достаточно, чтобы понять, что он имеет в виду. Они навели свои болтеры на Детей Императора, и каждый из них

приготовился сделать смертельный
выстрел в голову. Сторонники Ракицио, в
свою очередь, держали оружие наготове,
чтобы вести ответный огонь.

(Хаким): Извини, Ракицио, но это
необходимо. Не сопротивляйся.

(Баррен): Нет! НЕТ! Мы не
потащим за собой ужасы Усствана!
Наследие этого акта не должно добратся
сюда! Опустите своё оружие! Я сказал,
опустите его!

Силовой меч Пожирателя Миров
стремительно вылетел в воздух, и Баррен
поднял его поперёк груди, бросая вызов
любому выступить против него.

(Баррен): Не для того я проделал
свой путь сквозь безумие варп-штормов!

(Гарро): Баррен,
остановись! Довольно кровопролития!

Корарин прошёл вперёд, приводя свой
меч-болтер в защитную позицию. Он
сверлил взглядом Пожирателя Миров.

(Корарин): Если ты желаешь
утереть здесь, капитан, то я об этом
позабочусь. Ты не окажешь
противодействия моим приказам, равно

как и твои люди!

(Баррен): Ты ожидаешь, что я позволю тебе казнить Ракицио, как тех бедных глупцов на "Мистрале"?

(Корарин): Дети Императора виновны. Ты видел запись. Если ты их защищаешь, то разделяешь их вину.

Гарро шагнул между двумя воинами, подняв раскрытые ладони.

(Гарро): Что бы тебе, Корарин, не представлялось правдой, Ракицио всё ещё легионер, и он держит ответ перед теми, чьи полномочия выше твоих!

(Корарин): Пока он не сдался миром, этот момент не имеет практического значения.

Ещё мгновение, и произойдёт открытое столкновение, брат пойдёт на брата, Легион --- на Легион. Гарро повернулся к Баррену, привлекая его, чтобы отступить назад от бездны.

(Гарро): Баррен, он тебя послушает.

Какое-то мгновение Гарро опасался, что Пожиратель Миров выплюнет боевой клич и ринется в атаку, но затем огонь в его глазах потух, и он трачно вернулся меч в

ножны.

(Баррен): Ракицио! Опусти оружие. Кузен, я обещаю, что этот вопрос будет разрешён, и твоя честь будет восстановлена.

(Ракицио): Будь по-твоему. Ты доставил нас в такую галь, Баррен, я доверюсь твоему мнению и сейчас.

Воины Третьего постепенно расстались со своими болтерами и клинками. В ходе этого акта, трагического в своей символичности, не было произнесено ни слова.

(Баррен): Ты доволен, кустодий?

(Корарин): Хакил! Ты и твои люди будете сопровождать меня вниз. Мы отконвоируем этих пленных на гауптвахту "Засечки Кинжала" для задержания и допроса.

(Хакил): Хорошо.

Гарро и Баррен проследили за тем, как воины маршируют прочь через посадочный отсек под дулами Белых Шрамов с суровыми, трагичными выражениями на лицах. Наконец Пожиратель Миров развернулся к боевому

Капитану.

(Барен): Это таким образом должен
быть наш мир?

Прежде чем Гарро успел ответить,
заговорил другой голос.

(Рубио): ~ Гарро, ты меня слышишь?
Я нашёл кое-что, что тебе нужно
увидеть. ~

7

При приближении Гарро и Баррена
Рубио выступил из теней, настороженно
посмотрев в обе стороны пустого коридора.

(Рубио): "Хвоста" не было?

(Гарро): Нас никто не видел.

(Рубио): Нас?

(Баррен): Если у тебя, псайкер, есть
что сказать, ты можешь это озвучить и
мне тоже.

Гарро кивнул Рубио.

(Гарро): Ситуация изменилась,
Рубио. Мы задолжали ему право знать

правду.

Воин сжато и без обиняков передал всё, что произошло в посадочном отсеке. Рубио слушал с нарастающим беспокойством, чувствуя, как от лица отливает кровь.

(Гарро): Ну, рассказывай же. Что ты выяснил?

(Рубио): Вы знаете, что это такое?

Он продемонстрировал металлический диск размером чуть больше тронного гельта или монеты в пять аквил, который был отчеканен из серебра и имел замысловатый узор на обеих сторонах. Когда Рубио повернул его в слабом свете коридора, линии гравировки сложились в форме лунного серпа. Гарро протянул руку и взял его, и судя по выражениям его с Варреном лиц, оба капитана были осведомлены о том, что представляет собой этот предмет.

(Варрен): Медальон ложь. Такую вещь могут носить лишь те, кто принёс клятву и был посвящён в тайные ряды. Бьюсь об заклад, что тот, кто им владеет, сохраняет верность Хорусу!

(Рубио): Я нашёл его на казарменной палубе, он был спрятан в шкафу для снаряжения. Я его... почувал, словно звук далёкого крика, доносимый кровавыми ветрами. На объекте имеется психический отпечаток. Последний раз я сталкивался с подобной варп-порчей на Калте, когда Несущие Слово пустили нас в атаку своих адских тварей и рабов-культистов. Думаю, что он каким-то образом может быть... привязан к своему владельцу.

(Гарро): Она холодная на ощупь, эта таинственная штука. Да, это знак предательства.

По ходу того, как Гарро исследовал медальон, тот поблёскивал, линии и контуры на его поверхности двигались, почти как если бы они были ниточками ртути. Рубио подумалось, что он видел круг, извилистую линию, восьмиконечную звезду, они переходили друг в друга в непостоянной и зыбкой иллюзии.

(Баррен): Если здесь нет ошибки, то это делает бесспорным заявление о предательстве Ракицио, а вместе с ним

обречены и его бойцы. А я в него верил!

(Гарро): Трон, Корарин был прав!

Но Рубио уже поднимал руки, отрицательно качая головой.

(Рубио): Нет! Нет, вы не так поняли мои слова! Этот медальон ложно принадлежит капитану Ракицио или кому-то ещё из Детей Императора. Я нашёл его среди личных вещей Хакима!

Гарро в ошеломлённом молчании уставился на диск. Рубио почувствовал, что он тельком увидел, как мерцающие узоры на его поверхности становятся имитацией эмблемы молнии V Легиона.

(Гарро): Как это может быть?! Сыны Хана верны Терре!

(Рубио): Все они? Так же, как каждый сын Мортариона и Ангрона слеп и верен Хорусу?

Рубио попал своим возражением в болезненное место, и Гарро принял его с угрюмым кивком.

(Баррен): Если Ракицио действительно невиновен...

(Гарро): Тогда Хаким не может допустить, чтобы он остался в живых!

Он постучал по вокс-устройству
своего горжета, отшвыривая прочь
медальон.

(Гарро): Гарро Корарину...

(Корарин): Разве не та дорога ведёт
к гаунтвахте?

(Хаким): Тот коридор перекрыт.
"Засечка Кинжала" получила повреждения
при побеге с Исствана. Этот путь
приведёт вас туда, куда вам назначено.

Корарин затаился, оглядываясь на
пехотинцев с "Ноландии", которые
следовали позади него. Широкое низкое
помещение впереди было складским
грузовым отсеком, но сейчас оно
пустовало. Припасы, которыми оно когда-
то было заполнено, ушли на прокорм
беженцев из числа гражданских. В нём
нигде было укрыться, из него нельзя было
быстро выбраться никаким способом.

Корарин с его военным складом умом мгновенно понял, чем оно было по своей сути — идеальным законом для убийства. В его сознании поселилось первое ощущение неправильности, и кустодий как раз схватился за рукоять своего меч-болтера, когда в его вокс-устройстве раздался потрескивающий голос.

(Гарро): ~ Корарин, слушай меня внимательно! Ты в смертельной опасности! ~

(Корарин): Что ты сказал? Гарро? Хакит не дал ему возможности ответить.

(Хакит): Убить всех!

Их оружие заговорило громом, и через заржавелое пространство грузового отсека удары молний засверкали вспышками из дуг. Зablестели мечи, дугами влажного багрянца забила кровь, и торские пехотинцы утерли все разом, скошенные, как былинки. С ними разделались за какие-то секунды, и их убийства были лишь вступительным актом вероломства. Следующими в очереди на смерть были ветеран-сержант Ракицио и его

агьютант. Оба легионера погибли мгновенно, когда болты разнесли их черепа в кровавый туман.

Капитан среагировал со стремительностью ртуть, бросившись к ближайшему воину в отчаянной попытке вырвать у него болтер и дать ответный бой, но Хаким держал его на мушке и прошил ему бедро и грудь тремя очередями, чтобы повалить его на железную палубу. Ракицио рухнул вниз, из трещин в его керамитовой броне струились жидкости и кровь. Он скребі пальцами по палубе, прикладывая все силы, чтобы подняться, но нога отказывалась ему подчиняться. Затем над ним очутился Хаким с боевым ножом в руке. Белый Шрам перерезал воину горло, словно он забивал скот. Вокруг него стремительно утирали Дети Императора, поверженные болтерными снарядами, лезвиями мечей и бездушным предательством.

А вот убить Корарина оказалось не так просто. Изменники Белые Шрамы вырезали своих собратьев-легионеров и

затем переключили внимание на кустодуанского гвардейца. Это было тактической ошибкой, которая позволила Корарину убить первого воина из авангарда Хакима, всадив ему в грудь меч-болтер. Он передвигался стремительно, но избежать всех выстрелов было за пределами возможного. Корарин позволил, чтобы его тяжёлая броня поглощала попадания, которые приходились вскользь, и попытка перебить предателей по одному, но перевес был не в его пользу.

Корарин окончил жизнь ещё одного вражеского пособника, с хрустом свернув ему шею, но они обступали его, стягивая петлю. Кустодию доводилось убивать добычу достаточное число раз, чтобы он мог увидеть систему в расстановке охотников, фортирующуюся вокруг него. Они поняли, чего он стоит, и теперь ему оставались лишь какие-то мгновения жизни. Они были из своих болтеров расчётливо и метко, подобно терпеливым воинам-наездникам степного мира, из которого они произошли. Он упал. Они прицелились. Следующим будет убийство.

(Корарин): Это... измена... Хаким!..
Вы... опозорили... свой... Легион!
(Хаким): Нет, кустодий! Мы его
спасём! Хорус Луперкаль победит в этой
войне! Это предначертано! И все те, кто
прилкнул к противоположной стороне,
станут прахом и костями. Ты не будешь
последним!
[Шквал выстрелов]

9

(Гарро): Корарин! Кустодий, ты меня
слышишь?
Чуть погодя Гарро заглушил канал
вокса и мрачно посмотрел на Рубио и
Баррена.
(Гарро): Связь нарушается.
(Рубио): Кустодий мёртв.
(Баррен): Как ты можешь быть
уверен?
(Рубио): Я уверен.
Баррен потряс головой, пытаясь

положить в ней внезапный диатетальный
переворот того, что он держал за истину.

(Баррен): Как я мог быть таким
слепым? Хаким и прочие... они... они были
такими же Белыми Шрамами, как и
любые другие, но... В их укладе было что-
то особое. Я не обращал внимания. Воины
Чогориса ведут свой род из такого
множества племён, что я думал лишь о
разнящихся родных традициях. Но это
была ложь! Они скрыли это от меня!

(Гарро): Ракицио и его люди никогда
не были в союзе с Хорусом. Всё это,
"Мистраль", вообще всё, было затеяно для
того, чтобы их изолировать! Чтобы
позволить Хакиму сделать свой ход!

(Баррен): Он с самого начала
следовал за знаменем Воителя! Это
единственное объяснение! Но мы можем
ударить в ответ. У меня всё ещё много
воинов на борту этого корабля!

(Рубио): Больше, чем у Хакима?

(Баррен): Нет. Но если бы я мог их
предупредить...

(Рубио): Как? Если они глушат наши
вокс, нам заткнули рты!

(Баррен): Тогда нам нужно
двигаться! Прямо сейчас!

(Гарро): Подожди! Слушайте!

Раздалось потрескивание -- это
оживила система внутренней связи "Засечки
Кинжала", начиная трансляцию по всему
кораблю, и голос, который они услышали,
передавался ещё дальше, обратно на
"Ноландию" и вовне, на все костические
корабли беженцев во флотилии.

(Хаким): ~ Это Хаким из V
Легиона. У меня тяжёлые известия.
Несколько минут тому назад предатель
Ракицио, ныне разоблачённый как шпион
Воителя, бежал из плена со своими
сторонниками и напал на моих людей... ~

(Гарро): Вот оно и начинается...

(Хаким): ~...с глубочайшим
сожалением вынужден сообщить о смерти
глубокоуважаемого кустодианского
гвардейца Корарина, который пал славной
смертью в битве с Ракицио и его
изменниками. Будьте уверены, что мои
воины и я отомстили за его убийство!
Дети Императора были казнены, все до
единого! Но опасность ещё не

тиновала! Перед смертью Ракицис
раскрыл, что среди вас притаились другие
шпионы! Этих вражьих пособников следует
найти и уничтожить! Поэтому я объявляю
во флотилии военное положение. Белые
Шрамы выловят всех предателей! Пощады
не будет! ~

(Рубио): Единственная правда в этих
словах -- это то, что Корарин и Ракицис
мертвы!

(Гарро): Мы должны попытаться
выйти на связь с "Ноландией". Если мы не
будем действовать расторопно и собранно,
то тут всё пойдёт в разнос.

Гарро положил руку на плечо
Баррена, встречаясь с ним взглядом.

(Гарро): Я знаю, что твоя кровь
вспыхнет о битве, сородич. Я знаю, каково в
этот момент у тебя на душе, лучше, чем
любой из ныне живущих, поверь. Но на кону
стоят не только наши жизни. Мне нужно
знать, что ты пойдёшь за мной, если я
тебя об этом попрошу.

(Баррен): Предатели заплатят за
своё двуличие!..

(Гарро): Это никогда не ставилось

ног вопрос!

Жёсткое, хмурое лицо Варрена не изменилось, но в конце-концов он сделал один-единственный отрывистый кивок.

(Варрен): Я пойду за тобой, брат.

(Гарро): Тогда сюда. Они будут нас искать. Мы -- это всё, что стоит между Хакимом и предательством ещё большего масштаба.

10

Во тьме за бортом раскатывались от корабля к кораблю слова Хакима, и единственным звуком, что можно было услышать, был его голос.

(Хаким): ~...я объявляю во флотилии военное положение... ~

Экипажи кораблей беженцев и так стояли на грани паники из-за уничтожения "Мистрала" и зловещей угрозы со стороны "Ноландии". Та грата, что разворачивалась на "Засечке Кинжала",

разыгрывалась в миниатюре на борту каждого судна. На крейсере "Сильвин" беженцы подняли бунт, и весь экипаж лежал трупами. Теперь они дрались между собой, обезумев до состояния безмозглой толпы. На горнопромышленной барже "Тессен" чудовищный мятеж был подавлен, но на судне отказали все системы жизнеобеспечения, и люди на борту умирали от удушья. На прочих кораблях испуганные и отчаявшиеся глядели на пространство по ту сторону артиллерийских роботов и линкора, раздумывая, стоит ли рискнуть и совершить побег.

(Хаким): ~...Белые Шрамы выловят всех предателей! Пощады не будет! ~

Анархия, подпитываемая ужасом, вступила в свои права, и флотилия погрузилась в хаос. Удерживаемый страхом строй внезапно рассыпался, когда дюжина кораблей одновременно заполыхала двигателями, совершая попытку к бегству. "Сильвин", понёсшийся чересчур рьяно и стремительно, столкнулся с баржей "Тессен", прежде чем какой-либо из

кораблей успел отвернуть. Излообразный нос крейсера располосовал борт второго судна, как копье, вспарывающее бок неуклюжего чудовища. Они сообщали и истекали в вакуум пламенем и атмосферой. Гигантские перья хлещущих дыхательных газов затерзали в облака кислородного льда. Восемь тысяч душ, что были на обоих кораблях, сгорели в шаре термоядерного пламени. Их страх убил их с той же лёгкостью, что и любой болтер. И при всём при том, волна паники росла. Артиллеристы "Ноландии" приготвили свои орудия и прицелились. В их ушах отдавался последний приказ Корарина.

(Рубио): Сюда внутрь!
Вокс-рубке "Засечки Кинжала"
полагалось быть деятельными
түравейником с десятками сервиторов и
техноагентами, управляющими работой

систем внутренней и внешней связи фрезата. Но отсек был братской могилой, усеянной их телами. На полу стояли лужи крови, она капала с богато украшенных латунных пультов, плеснувшись туда при взрезании глоток.

(Баррен): Люги Хакимта постарались на совесть.

(Гарро): Так их учили. У Белых Шрамов не котируются захват пленных.

(Рубио): Хаким больше не заслуживает так называться. Хан никогда не принял бы того, что он совершил!

(Баррен): Повелителя их Легиона здесь нет!

Гарро осторожно пробрался через тела, тщетно выискивая любой признак того, что кто-то мог остаться в живых. Но оценка Баррена была правильной. Он двинулся к главному пульту связи с его множеством элементов управления и обзорных линз. Система была на порядок сложнее вокс-модуля, встроенного в его боевые доспехи, и без агента-оператора у него не было никакой надежды восстановить её функции. Но всё-таки ему

хватило знаний, чтобы сообразить, что
здесь сделали.

(Гарро): Глушатся все линии
коммуникации. Вокс-связь на уровне
отделений, внутренняя, межкорабельная..
Хакил позаботился о том, что услышат
лишь его слова.

(Баррен): Что насчёт астронавтов?

(Рубио): Он не позволил бы им жить.

(Гарро): Хакил может
транслировать любые выдумки, какие ему
только заблагорассудится, и ни у кого не
будет возможности их оспорить.

(Рубио): Харук, техногесантник под
началом Хакила! Ему был бы по силам
подобный трюк!

(Баррен): И большее, несомненно..
Гололит с "Мистрала"!

(Гарро): Да-га, такое могло быть..
Возможно, Хакил пожертвовал одним из
своих, чтобы захватить танкер, а Харук
состряпал фальшивку, изменив
видеозапись регистратора.

Гарро обдумал неутешительные
выводы, к которым вело это
утозаключение. Очернение Демей

Императора под началом Ракицио было
лишь первой частью плана предателя.
Если Хакима не обуздать, он сумеет
направить события таким образом, что в
ширяющейся неразберихе выживут лишь он и
его братья. Гарро представил, как
вероломные Белые Шрамы возвращаются
на Терру, и нет никого, кто мог бы
свидетельствовать против них. Им
поверят на слово, и они будут вольны
рассказывать любые небылицы, какие им
только пожелается, смогут выставить
себя героями дня. И, очутившись на Терре,
они окажутся в идеальном положении,
чтобы выполнять секретное приказание
Воителя.

(Гарро): Может статься, что это
дурная затея. Хаким умён. Он может
догадаться, что мы придём в это место.

(Хаким): ~ Гарро, это самое слабое
место XIV Легиона. Вы предсказываете, как
стена времён года! ~

(Рубио): К оружию!

Гарро обернулся кругом и увидел, как
в зал вваливается группа воинов в белой с
красным броне, чьи лица скрывались под

увенчанными плюмажами шлемами. Он застыл, точно также как и Рубио с Варреном. Белые Шрамы стояли, направив на них своё оружие.

(Варрен): У тебя нет мужества показаться самому, вероломная свинья!

(Хакил): ~ Есть задачи и поважнее. Неважно, кто тебя убьёт, Пожиратель Миров, коль скоро ты умрёшь, и лакеи Сигиллита вместе с тобой! Я уже ликвидировал всех бойцов, которых ты с собой привёз. Экая жалость, что ты прожил так долго, чтобы об этом узнать, чтобы понять, что ты вёл их навстречу их смерти! ~

(Варрен): Нет! Ты врёшь!

(Хакил): ~ В твоих мечтах. Приканчивайте их и закройте этот вопрос. ~

Это было стертелейшей из ошибок - доводить до бешенства Пожирателя Миров. Они были не теми воинами, чтобы переживать эмоции таким же манером, что другие легионеры. Для них, страдания и злость были постоянными спутниками, они были воздухом в их лёгких и кровью,

пульсирующей в их венах. Спущенный с поводка, сын Ангрона становился воплощением ярости, он был самой резнёй и жестокостью, он был ненавистью и мщением.

Провокация Хакима заставила Варрена закусить удила, и он превратился в берсерка, крушащего всё на своём пути через вокс-рубку и в гущу Белых Шрамов. Он в одиночку схватился с целым отделением, и Гарро с Рубио с некоторым запозданием последовали за ним, чтобы помочь, но они не могли подойти к нему слишком близко, опасаясь его неистового бешенства. Гарро увидел, как Варрен пробивает глотку одному из легионеров сквозь шейную застёжку, затем срываемым с другого воина и забивает им его до смерти. Пожиратель Миров получал удар за ударом, но не обращал внимания ни на один из них. Гарро знал истории, которые ходили о ХТТ Легионе, об их блокирующих боль мозговых имплантатах и их кровопролитной манере ведения войны, но никогда не наблюдал этого в такой близости. Мысль о том, что станет с подобной

боевой мощью в руках тех, кто замышляет
смерть для Императора, ввергла его в шок.

Баррен прикончил последнего из
отделения, полоснув его мечом, и замер.
Его белые доспехи были расписаны
красными узорами из потёков свежей
крови.

(Баррен): Слишком мало. Мои
братья мертвы, и этого слишком мало.

Флотилия рассыпалась на части.
Струи выбросов из двигателей сверкали во
тьме, как пылающие факелы, и дюжина
различных судов панически рвалась к
свободе. Некоторые взывали о
снисхождении по безжизненным
каналам вокса, надеясь, что их мольбы
смогут удержать руку артиллерийских
расчётов "Ноландии". Другие обращались к
собственным слабеньким батареям
ближней обороны, словно лазерное оружие,

созданное для борьбы с местечковыми пиратами и астероидными роями, могло хотя бы поцарапать броню имперского линкора. Все они надеялись спастись бегством из этого безумия, но единственное, чего им удалось добиться, — это презентовать свои собственные смертные приговоры. Не подчиниться последнему приказу кустодия было самоубийством — тем самым актом, к которому Хакил их и подводил.

Из дуг оружийных башен "Ноландии" вылетел ураган когерентного света и пучков частиц. Микросекундами позже к нему присоединились выстрелы дрейфующих автоматических платформ, чьи орудия были подчинены главному кораблю. Заслоны из силовых полей, предназначенные для отражения кинетических осколков, были пробиты в мгновение ока, и пустотные щиты схлопнулись, затерцав вспышками излучения на псевдоцветовых изображениях. Поток пылающих бриллиантов проплавил расщелины в обшивке корпусов и проник в уязвимые

внутренние пространства гражданских судов. Железо превратилось в пар, от пластила остался шлак, и те, кто не погиб от немедленно скакнувших вверх температур, умерли, когда их выбросило в безжалостную пустоту. Фрахтовые суда и буксиры, танкеры и транспортники лопались, как перезрелые фрукты, становясь расширяющимися сферами сверкающей металлической пыли и искрящих обломков.

Они выбрались из вокс-рубки, наткнувшись по пути на других воинов Хакила и, вместе с ними, — на их новые подкрепления.

(Рубио): Они восстановили против нас экипаж!

Рубио выбросил из кончиков пальцев белое платя, но ничего не выиграл от этого действия. Ему претило истребление

легковерных.

(Баррен): Проклятые глупцы, зачем они с нами сражаются?!

(Гарро): Потому что они боятся Хакима сильнее, чем нас.

Гарро бросил взгляд через плечо, наблюдая за Барреном, который шёл замыкающим. На лице Пожирателя Миров стойко держалось угрюмое выражение, и по его глазам ничего нельзя было прочесть. Дюжина ран бурно истекла кровью, но Баррен не обращал на них внимания. Он казался оцепеневшим. Гарро сделал указующий жест Вольнолюбцем.

(Гарро): Сюда! Мы подождем на посадочные ярусы. Мы можем взять "Грозовую Птицу", убраться с этого судна, вернуться на "Ноландию"...

(Баррен): Это план труса!..

(Гарро): Это план того, кто хочет выжить, капитан Баррен! Я понимаю твою боль, я знаю, что ты хочешь отмщения, но мы должны донести правду о том, что здесь происходит!

(Баррен): Тогда иди ты. Бери псайкера и беги. Я буду отслеживать этих

ублюдков, прячась по дырам этого корабля, пока не найду и не убью их всех до единого!

(Рубио): Ты не протянешь долго в одиночку. У них численный перевес три к одному, и если Хаким мобилизовал экипаж "Засечки Кинжала", сказал им, что это мы предатели...

(Баррен): Перевес меня не волнует. Я сын Гладиатора до мозга костей, я буду держаться и сражаться и отплатить...

(Гарро): И умрёшь?

(Баррен): Без колебаний. Как и ты! Хаким понял, чего ты стоишь, Гарро, и уже сейчас отраженные им воины прикрывают все подходы к посадочным отсекам. Ты не успеешь подойти к "Грозовой Птице" на сотню метров, как лазер-пушка разнесёт тебя в клочья!

(Рубио, шёпотом): У меня есть другой вариант.

Рубио затер впереди них, кристаллическая матрица его пси-капюшона испускала неземной свет.

(Рубио): Существует другой способ покинуть это судно. Если мы к нему прибегнем, то сможем добраться до

"Ноландии" и покончить с этим безумием. Хакиму придётся держать ответ за свои преступления.

(Баррен): Он сделает это на кончике моего меча!

(Гарро): У этого будет достаточно, Баррен? Твоя жизнь за его жизнь? Я могу дать тебе возможность нести свою месть дальше, к Хорусу! К Ангрону! Но для этого ты должен жить!

Слова Гарро, похоже, подействовали, и в глубине угрюмых глаз Пожирателя Миров что-то изменилось. Баррен медленно кивнул.

(Баррен): Раскрой как, псайкер.

(Рубио): Хорошо. Я объясню по дороге. Сюда!

(Гарро): Этот коридор ведёт ещё дальше вглубь корабля. Чего тебе там нужно?

(Рубио): Если ты натереваетсяся пережить этот день, то я должен найти призрака новоявленного покойника. У нас немного времени! Фантом исчезает! Следуйте за мной!

Даже если бы картины резни в вокс-рубке было недостаточно, то, что ожидало их в грузовом отсеке, шокировало Натаниэля Гарро до самой глубины души. Холодный воздух был насыщен медным запахом крови, в нос шибало кордитовой гарью, которая затуманивала пространство. Помещение было усеяно павшими. Воины III Легиона так и валялись там, где они упали, в полном своём составе. Дети Императора приняли бесславленную смерть --- они были ликвидированы вместо того, чтобы пасть в честной битве. Здесь произошла отбраковка --- так это можно было назвать за неимением лучшего слова.

(Баррен): Галактика сошла с ума!

Рубио присел на колени около одного из тел и скривился, исследуя огромную рывтвину от взрыва на доспехах мертвеца.

(Рубио): Застрелен в спину с близкого расстояния. Этот утер, не удостоенный милости знать в лицо своего

убийцу!

С того момента, как начался мятеж Хоруса, Гарро пришлось повидать многое, что он из всех сил пытался уложить в сознании, но ничто не ужасало его так, как это — тот ключевой и основополагающий кошмар, на котором стоял весь этот мятеж: брат, убивающий брата, отбросив обеты товарищества и честь, несущий смерть без колебаний и без сожалений. Он просто-напросто не мог осмыслить, откуда может исходить подобное побуждение. Это заставило его почувствовать опустошённость, внутри эхом отдавался вопрос: "Почему?"

Рубио ходил от тела к телу, с трагичным видом составляя перечень илём мёртвецов. Он наткнулся на командира и остановился.

(Рубио): Ракицио... Ему перерезали горло.

Пожиратель Миров указал в сторону теней, на тела, лежащие в озере пролитой крови.

(Баррен): Я вижу там золото. Хотя Корарин, похоже, перед смертью забрал с

собой некоторых предателей.

(Гарро): Что за бесчестная война породила эту резню?! Это так Хорус хочет заявить права на Трон? У нас так не принято! Это беспринципно!

(Рубио): Я... Я не...

Псайкер, который шёл к телу кустодия, застыл, напрягаясь. Его голова внезапно дернулась, и он уставился в густые тени.

(Рубио): Мы... не огни.

Из тьмы на дальних краях помещения вышли фигуры в белых боевых доспехах с огненно-красной каймой. Судя по числу, здесь были все воины, что имелись у Хакима на борту "Засечки Кинжала", все собрались здесь для этой последней схватки.

(Хахим): Что не так, ведьмачья душа? Ты не учул, что мы тебя поджигаем? Твои сверхъестественные способности были сбиты с толку?

Он лениво кивнул на одного из своих воинов, который крутил между бронированными пальцами своей латной перчатки ещё один серебряный медальон.

Меч Баррена вспыхнул, пробуждаясь к жизни, и Пожиратель Миров шагнул вперёд, но Гарро удержал его. Его собственный клинок уже был у него в руке.

(Гарро): Ты это учинил, Хаким. Над своими собратьями! Как ты можешь это оправдать? Как ты можешь жить, имея на совести такой поступок?

(Хаким): Легко. А скольких легионеров убил ты, Гарро? Воинов, вместе с которыми ты мог в былые годы ходить в битву?

(Гарро): Слишком многих. Но! Я никогда этого не желал. И вместе с каждым, с кем я сражался, потеряна часть моей души.

(Хаким): Какая сентиментальность! Не думал, что Гвардеец Смерти способен на подобную вещь...

(Гарро): А я не мог поверить, что Белый Шрам способен на такое зверство!

Он гневно указал на сцену побоища везде вокруг них.

(Гарро): Почему, Хаким? Скажи мне, почему?

Легионер кивнул своим людям, и они рассыпались в редкую цепь, блокируя все пути побега и окружая трёх воинов. Его манеры изменились, наполняясь беспощадной страстностью.

(Хаким): Ты уже знаешь ответ, Гарро! Ты был на Усстване III, ты видел эту абсолютную решимость, что продемонстрировал Хорус, твоя дальновидность...

(Баррен): Ты так это называешь?

(Хаким): Хорус Лунеркаль -- первый среди равных, он Воитель! Если он хочет Галактику, то он её получит. Его победа неизбежна, она неоспорима! Старый порядок впал в застой, время Императора истекло!

(Гарро): Как ты можешь в такое верить?!

(Хаким): Я это знаю, также как я знаю Хоруса! Мы служили бок о бок с XV Легионом. В них многое заслуживало восхищения! У нас с ними схожие сердца, такие же свободные души, противящиеся тем, кто хочет подрезать нам крылья, как твой хозяин Сигиллит и так

называемый Совет Терры.
Администраторы и счетоводы,
диктующие лучшим из воинов, в какую ил
сторону идти? Тьфу! Такому не бывать!
Легионы Астартес — властелины своей
собственной судьбы! Хорус приведёт нас к
победе!

(Рубио): Так Белые Шрамы
отвергли власть Императора? Джагатай-
хан отрёкся от своего отца?

(Хакил): Нет. Прискорбно, но мой
примарх всё ещё ослеплён ложью
Императора. Многим из моих боевых
братьев лишь предстоит узреть ту самую
истину, которую уже понял я. Но это в
конце-концов произойдёт, а если нет...

(Гарро): Хан никогда не встанет под
знамёна Хоруса! Если ты веришь, что
такое возможно, то ты введён в
заблуждение. Отринь это безумие, Хакил,
прежде чем оно тебя прикончит! Ложи
тебя затарали, но! Ты всё ещё можешь
искупить содеянное!

(Хакил): Раскаяться — ты это
умеешь ввиду? Как какой-нибудь
религиозный еретик?

[Хакил хохочет]

(Хакил): Я не отрекүсь от своих слов, я скрепил их кровью. Мои воины идут тем же путём. Экипаж "Засечки Кинжала" следует за мной. Лишь ты стоишь у нас на пути.

Хакил опустил свой меч, так что его кончик коснулся палубы, и протянул свою руку. Она медленно сжалась в кулак.

(Хакил): Я бы предложил тебе возможность присоединиться к нам, но я знаю, что ты никогда этого не сделаешь. Я вижу тебя насквозь, Гарро, я вижу, как ты купаешься в блеске Императора, словно это какое-то святое сияние. Ты не откажешься от него никогда, и если, когда придёт момент, мои боевые братья из V Легиона скажут так же, их тоже предадут мечу, как Корарина и Ракицио! Даже сам Великий Хан, откажись он преклонить колени перед Боумелем, не получим пощады!

(Баррен): Ты снятил!

(Хакил): Да? Увидим.

Слова воина повисли в неподвижном воздухе помещения, мгновение

растягивалось, как готовая лопнуть струна. В полном соответствии с ситуацией, именно Варрен был тем, кто подал голос в ответ.

(Варрен): Кончает это.

Битва была кровью и она была огнём, она была мечом и болтером, кулаком в шлем, белым, схлестнувшимся с серым, алым, бьющим струёй, и раздробленными костями. Генетически-сработанных воинов, сынов Империи, обратили друг против друга, и они сошлись в схватке, прекратить которую могла лишь смерть. И этот конец казался несомненным — по истечении несколько секунд, максимум минут, ведущие неравный бой легионеры будут стяты и уничтожены превосходящим числом бойцов Хакима.

Невзирая на это, Гарро, Рубио и Варрен дрались на пределе своих боевых

чений, ни разу не попытавшись
уклониться от схватки, отложив в
сторону все свои разногласия.
Происходящее было миниатюрным
отражением всей войны, идеологической
борьбой и битвой за верность,
превращёнными в сражение. Каждая
сторона верила, что она несёт меч
истины, и обладание этим оружием
оправдывает совершаемые ей деяния. Брат
против брата, верный против предателя,
матерей против повиновения...
Окончательная победа вырастет из тысяч
подобных мелких битв, или же это
выльется в разрушение и опустошение до
кончания веков.

Рубио был вовлечён в собственную
маленькую войну, пытаясь побороть двух
предателей Белых Шрамов, которые
пытались зажать его с флангов. Он
испустил волну телекинетической
энергии, которая отшвырнула их назад,
так что они врезались в переборку, но не
успел он развернуться, как ещё один боец
Хакима был тут как тут. Это был
Харук, технодесантник. Единственный

аугментический глаз на его землистом
лице сверлил Рубио взглядом, а третья,
механическая, конечность, что изгибалась
вверх дугой над его спиной подобно хвосту
железного скорпиона, обрушилась на
псайкера в звонящем ударе. Массивная
пилообразная клешня, которой она
заканчивалась, расщёлкнулась и затем
сломнулась на его плече, сжимаемая
шипящими поршнями. Броня Рубио
трескалась и стиналась под костоломным
давлением. Какие-то мгновения, и
необоримая сила расщепит керамику и
пластил, размалывая в месиво его кости и
плоть. Он стиснул зубы и поднял руку,
посылая разряд псионической молнии с
кончиков своих пальцев. Техногесантник
принял на себя всю мощь ментальной
энергии и утер, крича, пока она терзала
его изнутри. Рубио избавился
от содрогавшейся клешни и огляделся,
готовый к следующей атаке. Поджидая
нового противника, он заметил невдалеке
Гарро и Варрена, которые бились бок о бок
в идущем полным ходом сражении.

(Гарро): Варрен! Справа от тебя!

(Баррен): Я его вижу!

(Хаким): Вам не победить!
Сдавайтесь, и я дарю вам милость
быстрой смерти!

Хаким вступил в бой с ними обоими,
пуская в ход парный комплект изогнутых
силовых тальваров, чтобы быть на равных
с их клинками.

(Баррен): Ты можешь получить мою
жизнь, я отдам её с лёгкостью! Тебе нужно
лишь согласиться с ценой!

(Хаким, с напугой): Назови её.

(Баррен): Сдохни побыстрее!

Клинок Пожирателя Миров
пробороздил по лицу Хакима и полоснул по
глазу, рассекая его.

(Гарро): Баррен, ставь защиту!

Несмотря на всё своё неистовство,
Баррен терял расторопность. Он получил
множество ранений, и даже берсерк не мог
выдерживать подобные истязания без
последствий. Даже окрипевший Хаким
увидел брешь в обороне и воспользовался ей,
скрещивая оба своих меча, чтобы
полоснуть по горлу Пожирателя Миров.

(Гарро, отпихивая Баррена): Нет!

Сы его не убьёшь!

(Хаким): Тогда, Гвардеец Смерти, вместо него утрёшь ты! Я заберу твою голову в подарок Мортариону!

(Гарро): А я покончу с позором твоего предательства! Во имя Хана!

Гарро засверкал своим силовым мечом и вынул предателя Белого Шрама отступить, сражаясь с тем же самым несдерживаемым гневом, что Варрен прежде демонстрировал своим врагам. Под неистовым шквалом его ударов один из клинков Хакима переломился нагвое, второй же Гарро выбил из его руки, и тот, крутясь, улетел прочь.

Эта ярость казалась подобающей, она казалась правильной. Хаким отступил назад в шеренгу своих воинов, его лицо испещряли кроваво-красные потёки.

(Хаким): Мне начинает нагоедаться это дурачество с клинками. Поднять болтеры, прицелиться!

(Рубио): Гарро, Варрен! Ко мне!

Гарро обернулся и увидел Рубио, склонившегося над телом Корарина. Его

рука лежала у кустогия на груди.

(Баррен): Тебе здесь не пособить, нсайкер. Теперь мы умрём.

(Рубио): Ты не прав. Смотри!

Гарро убигел у Рубио в кулаке некую вещь, которую тот снял с пояса Корарина. Это было устройство наподобие жезла, опутанное сеткой мигающих индикаторных огоньков.

(Рубио): Я вам говорил, что есть другой способ!

Воины распрянулись в полный рост, бесстрашно глядя в дуга болтеров Белых Шрамов. Гарро холодно улыбнулся Хакиму.

(Хаким): Мы вырежем вас, как животных, которыми вы... Нет, НЕТ! Остановите их! Открыть огонь!

Возвратное телепортационное устройство Корарина вспыхнуло, активирываясь у Рубио в руке. Трех воинов окутали полотнища изумрудного света, и они исчезли в мгновение ока.

Ни один человек на борту линкора "Ноландия" не ожидал вновь увидеть легионеров. Искажённых передач с "Засечки Кинжала" и обвинительного заявления Хакима было достаточно, чтобы капитан корабля снова принял на себя непосредственное командование. Он был верным, пусть и лишённым воображения офицером имперских вооружённых сил, и в его намерения не входило исполнять какие-либо приказы, кроме оставленных Корарином. "Ноландия" оставалась на позиции, её артиллерийские расчёты хладнокровно и методично уничтожали любой корабль беженцев, который пытался удрать или дать отпор.

Возвращение Гарро и его товарищей было сродни тому, как если бы в стратегии размашисто прошагала сама смерть. Грязное лицо боевого капитана, измазанное кровью и копотью, было свирепым и разгневанным.

(Гарро): Прекратить огонь!

Из-за шока экипаж не начал действовать немедленно, и Варрен навис над капитаном. От него так и несло

убийством.

(Баррен): Заткните эти орудия.

[Звук падающего тела]

(Гарро): Передайте это на все палубы, всему экипажу: кустодианский гвардеец Корарин был убит агентами Воителя Хоруса. Мы изолировали предателей на борту фрегата "Засечка Кинжала". Орудийным расчётам перезарядить орудия и быть готовыми стрелять по моей команде.

Он бросил взгляд на псайкера.

(Гарро): Рубио, проследи, чтобы астрономы были готовы к сеансу связи. Я хочу, чтобы все подробности того, что здесь произошло, были отосланы прямо в Дворец Императора. Малкадор должен узнать правду до того, как начнут плодиться слухи.

(Рубио): Есть, капитан. А что насчёт Хакима? Теперь они попытаются сбежать, улизнуть обратно к Хорусу и его мятежникам.

Рубио кивнул на фрегат, который висел в костосе за носом "Ноландии". Гарро не ответил, вместо этого он подал знак

старшему артиллеристу корабля.

(Гарро): Нацелиться на "Засечку Кинжала". Всеми орудиями.

Гарро заколебался, потом жестом подозвал к себе Варрена.

(Гарро): Этот выбор делать не мне. Плен или казнь? Я оставляю способ наказания Хакима...

(Варен): Уничтожить их.

Гарро открыл глаза, и его окружила Цитадель Сомнус. Он уже начинал думать о безмолвной лунной башне как о месте, которое было для него наиболее близким по добием дома. С учётом того, что какое-то время оно служило ему тюрьмой в той же мере, что стало местом, где он мог обрести успокоение, это было по-настоящему грустной оценкой. Он надеялся, что выполняя новое задание Сигиллита, найдёт своё предназначение.

В определённой степени, так и произошло, но не в полной мере, ещё нет. События в поясе Койпера отчётливо высветили для воина этот момент. Гарро находился в поисках истины, которую ему лишь только предстояло открыть, той неуловимой определённости, которая, казалось, ускользает всякий раз, когда его разум пытается её сформулировать. Куда ведёт его этот путь? У него не было способа это узнать.

(Сигиллит): И что произошло потом?

Он потемнел, мельком подняв глаза на Малкадора. Регент Терры изучал его из-под своего капюшона. Детали его лица терялись в тени, но глаза... Глаза Сигиллита всегда были ясными, всегда всё замечали. Гарро был для него, как стекло, он не мог скрыть ничего.

(Гарро): Хаким был ликвидирован вместе с остальными предателями. Выживших не было.

Малкадор медленно кивнул. Он мало что сказал во время доклада Гарро о произошедшем на борту "Засечки Кинжала", лишь прояснял для себя кое-где темные детали по ходу того, как легионеры излагали эту мрачную историю. Был только один раз, когда с его стороны наблюдалось хоть что-то похожее на настоящую реакцию, и это случилось при описании смерти Корарина. Гарро понимал, что на Сигиллита налагается обязанность сообщить своему Императору подробности гибели одного из его доверенных кустогуев.

(Сигиллит): Мрачные события, что и говорить. Потеря жизни достойна сожаления. Тем не менее, безопасность Империи удалось отстоять. Ты служишь Императору на совесть, Гарро. Моё побуждение тебя отрядить было оправданным. Если бы твоих... Странствующих Рыцарей не оказалось под рукой, обстоятельства сложились бы в

пользу архипредателя Хоруса.

(Гарро): Достойна сожаления? Милорд Регент, ни один из кораблей той флотилии не пережил этот день в целости и сохранности! Они прибыли к нам с надеждой, а мы встретили их подозрением! И смертью!

(Сигиллит): Таковы времена, в которые мы живём, Натаниэль. Такой роскоши, как доверие, больше не существует. Во время неразберихи, последовавшей за смертью Корарина, когда флотилия беженцев бросилась врассыпную, один корабль затерялся в толчее. Он избежал обнаружения, затем проследовал в Солнечную Систему. Подозреваю, что кто бы ни находился у него на борту, это был шпион Воителя. Но я уже занял работой наг этим вопросом других агентов.

К ним приблизился Рубио, остановившись, чтобы поклониться Регенту. Бок о бок с ним стоял Варрен. Выражение лица Пожирателя Миров было угрюмым и отчуждённым. У Варрена забрали его забрызганную кровью броню, и сейчас на нём были такие же безликие

синевато-серые доспехи, что носили Гарро и псайкер. Его силовой меч покоился в наспинных ножнах, и его массивная латунная рукоять была единственной блестящей металлом на войне.

(Сигиллит): Твой следующий рекрут?

(Рубио): Это представлялось подобающим, лорд Сигиллит.

(Баррен): Гарро сказал мне, что ваше дело — служить воле Императора и нести кару предателям.

(Сигиллит): В известном смысле.

(Баррен): Готовится! Моя рука с мечом в ней — в вашем распоряжении!

(Сигиллит): Тогда добро пожаловать в наши ряды, Мэйсер Баррен, но... предостерегаю тебя. Я предостерегаю всех вас: то, что случилось там вовне, то, что содеял Хакил... вполне может повториться, что вы увидите что-то подобное вновь. По мере того, как силы, противостоящие в этой войне, всё отчетливее обрисовываются ввиду грядущих битв, грани между лоялистами и предателями размываются. Отступники

Хакима -- не единственные перебежчики, с которыми вы столкнётесь.

(Рубио): Что вы имеете ввиду?

(Сигиллит): Даже сейчас по коридорам власти разгуливают заговорщики, на Терре и узловых мирах, тужчины и женщины, глупцы, невольные тарионетки и фанатики. Они постыят дорогу для неминувшего вторжения, для удара Хоруса по пульсирующему сердцу Империи.

(Баррен): Покажите их мне. Они умрут!

(Сигиллит): Со временем, Баррен. Всему своё время.

Гарро исследовал непроницаемое лицо Сигиллита, выискивая на нём что-нибудь, что помогло бы понять намерения Малкадора. Он этого не нашёл.

(Гарро): Каковы ваши пожелания относительно нас, Регент?

(Сигиллит): У меня есть для вас множество заданий, капитан Гарро, и когда они будут выполнены, я обещаю, что вы вернётесь к отправной точке, к чёрным корням этого кровавого мятежа. Но до

этого дня вы будете моими глазами и
ушами, моим кинжалом во тьме. Вы
найдёте этих пособников, и вы их
уничтожите.

Гарро склонил голову и положил руку
на эфес Вольнолюбца.

(Гарро): Как вы приказываете, так
тому и быть.

КОНЕЦ

СИГУЛЛИТ

Крис Рэйт

(аудиопостановка)

Халид Хассан сидел в приёмной, пытаясь не потеть, силясь унять дрожь в руках, стараясь не совершить ничего такого, что навлекло бы ещё больший позор на его звание и полк. Он принуждал себя сохранять неподвижность — спина прислонена к полированной трапезной стене, ладони давят вниз, вжимаясь в ткань брюк его парадной формы. Высокий жёсткий воротник колот его шею, раздражая свежесбритую кожу. Он чувствовал себя нелепо — вычищенный, разукрашенный и накрахмаленный, будто живое кушанье, которое готовятся подать на стол на некоем дьявольском пире. [тяжело дыша] "Это абсурд, мне не было так тяжело на самой операции". Он заставил себя проглатать стандартные

цаги, прикинуть текущую схему развития событий, перебрать возможные варианты. "Держи себя в руках".

Приёмная была обширной, всего лишь одна из комнат в веренице роскошных помещений, которые он пересёк одно за другим. Его сопровождал внутри мужчина в чёрной сорочке и бархатных туфлях, который ступал бесшумно, как кот. Он не произнёс ни единого слова, лишь пристально смотрел на Хассана своими непроницаемыми глазами под тяжёлыми веками. Он оставил его в одиночестве в самой последней комнате — отвесил лёгкий поклон и ускользнул прочь столь же ловко, как и появился, закрыв за собой две отделанные бронзовыми панелями створки с тихим щелчком запоров. Ещё одна пара запертых дверей точно такого же вида размещалась на противоположной стене. Согласно золотому хронометру на каминной полке напротив, Хассан просидел в одиночестве семь минут. Но его ощущениям, это больше походило на вечность.

По крайней мере, окружение было

комфортным. Воздух, сочащийся сквозь
закрытые ставнями окна, был прохладным
и чистым. Снаружи, из внутреннего двора,
доносилось ленивое журчание фонтана.
Центр комнаты занимал низкий столик,
на котором устроились серебряный кувшин,
салфетка и единственный стакан из
гранёного хрустала, поблёскивающий в
мягком свете. Хассан не притрагивался к
нему, он так и сидел всё в той же
выпрямленной позиции с тех самых пор,
как был препровождён в это место
распорядителем с кошачьими повадками.
Он следил за игрой солнечного света,
пробивающегося сквозь ставни, вдыхал
растительные ароматы древесины, слушал
тихие переливы фонтана. Ему довелось
это увидеть. Даже если это было
последним, на что он смотрел, ему всё-
таки довелось это увидеть. Сколько людей
может сказать то же самое? Ему довелось
увидеть замысел бессмертного
Императора, рукотворное создание тысяч
архитекторов, оборонительный шедевр
притарха Розала Дорна. Вид,
открывшийся из подлетающего

посагочного катера, был
ошеломительным, величественным,
раскинувшись во все стороны феерией из
катня и адамантия, гранита и золота.

Защитные башни сражались за место
с обсерваториями и висячими сагатами;
ракетные батареи и бункеры с узкими
атбразурати протискивались вверх среди
украшенных колоннами библиотек;
блистающие памятники гордости и
устремлениям человечества сполна
вырисовывались под лазурным небом
гималайских вершин. И сейчас, затерянный
в самом сердце этой необъятности, слушая
утиропворяющее струение воды, он мог
пробежаться по событиям прошедших
нескольких дней. Капитан Халид Хассан
из Четвёртого Тайного Подразделения,
имеющий самое большое количество
наград среди всех действующих офицеров
своего полка, человек, который настолько
полно любил свою работу, что у него не
было вне её ни жизни, ни семьи, с
откровенной обречённостью размышлял
над фиаско, из-за которого он попал во
Дворец Императора.

Воздух был горячим и наполненным пылью, его броня — чёрные панцирные доспехи, закрытый шлем с матовым визором и трубками дыхательного аппарата, наспинный ранец-климатизатор с регуляцией внутреннего давления — была покрыта её слоем. Его фильтры теряли эффективность, и он слышал в наушнике отзвуки собственного тяжёлого дыхания. Впереди выдвинулся укреплённый комплекс, чьи очертания, расплывчатые в режиме ночного зрения, уходили вверх в непропылённую тьму. Некрасивый, приземистый, массивный, это был удобный для обороны бастион в гунтском стиле. Во тьме торжало и трепетало несколько огоньков, в остальном комплекс был тёмным и угрюмым. Его окружала сплошная стена, достаточно широкая, чтобы по ней можно было ходить парами.

Хассан лежал притаившись, чувствуя, как тощая земля окраины пустыни впрессовывается в его броню. Он устроил локти на гребне выступа перед собой. Крошечные магнокюлярные линзы скользнули вниз по внутреннему изгибу визора его шлема и с жужжанием навелись на фокус. Он слегка повёл головой, пробежая взглядом вдоль стен. Каждая подвижная деталь фиксировалась и соотносилась со внутренней схематикой, которая содержалась в когитаторном ядре его комплекта. "Последняя оружейная башня... в двух метрах от того, где должна быть... направлено... караульные на виду... двигаются вдоль внешней границы... они нас не видели, -- он подавил улыбку, -- и не увидят".

К его боку змеёй подполз фарук, вжимаясь телом в пыль.

(Фарук): Только скажи слово, капитан.

(Халид): Все на позициях?

(Фарук): Все готовы начать.

Хассан переслал отделению направленные тактические накладные.

Пятнадцать значков подтверждения пробежали вниз по дисплею его шлема. Он переключился на схематический вид сверху, который показывал позиции его бойцов. Они были размещены вдоль периметра группами по пять человек; все пока что пребывали в укрытии. Две из трёх групп находились на дальней стороне комплекса по отношению к позиции Хассана, готовые напасть на зенитную вышку и генераторы атмосферных щитов. Их невосприимчивая датчиками броня сохранит их присутствие в тайне. Пока они не вломятся внутрь, они будут практически невидимы.

(Фарук): Так что мы здесь делаем, капитан?

Хассан натянуто улыбнулся.

(Халид): Сейчас? Ты спрашиваешь меня сейчас?

(Фарук): Ты не собираешься мне рассказать?

Хассан покачал головой.

(Халид): Ты знаешь, как это устроено.

Они все знали, как это устроено. В

этот была соль тайных бригад: закрытые приказы, особые задания, операции в обход имперской командной цепочки. Фарука это раздражало до крайности, но с другой стороны, он пришёл из обычной воинской части и привык воевать менее... незаметным способом. Что же касалось этого задания, то Хассан и сам мало что знал. Приказы были внедрены в полковой когитатор шесть дней тому назад под прикрытием строгих мер безопасности. Его бойцов перебросили с рутинного прочёсывания ульев. С того самого момента, как начался мятеж, крупные населённые пункты стали рассадниками подрывной деятельности. Хассан даже слышал, как по сети болтали про норовистых легионеров, устроивших побег из тюрьмы. Он в это не поверил.

Об этих бронированных сверх-людях всегда ходили фантастические байки, и их только прибавилось с тех пор, как новости о безумстве Воителя просочились наружу. Как бы то ни было, Хассан не особо уповал на костодесантников. Их репутация, безусловно, была на высоте, но он

сомневался в доброй половине того, что о
них говорилось. Империя была создана
стертыми мужчинами и женщинами,
миллиардами и миллиардами их,
взвешивающими ради будущего,
избавленного от ужасов Древней Ночи. В
нём не было места генетически-
усовершенствованным монстрам. Они были
варварскими, грубыми инструментами, и
их время пройдёт, открывая дорогу более
изоощрённым видам оружия.

Он сверился со своим хронометром.

(Халид): Начали.

Две другие команды по-прежнему
находились вне его поля зрения, и
единственным, что он видел, были
отмечавшие их руны, которые беззвучно
двигались через дисплей его визора. Фарук
сохранял неподвижность; остаток его
собственной группы позади него оставался
в укрытии. Хассан вёл обратный отсчёт
секунд, чувствуя, как учащается пульс.

(Халид): Двинули.

Он вскочил на ноги и потрусил на
открытое пространство, держась низко к
земле. Сзади, прямо за спиной, слышалась

мягкая поступь его бойцов. Они преодолели
гребень и перетахнули через открытую
площадку, которая подвела к
стенам. Пока они бежали, земля
неожиданно закачалась от серии мощных,
пронзительных взрывов на дальней стороне
комплекса. Ночное небо запылало, став
красным и гневным. Вспыхнули дуговые
лампы, к ним присоединился надсадный рёв
охранной сигнализации. Караульные на
стене впереди исчезли с краёв парапета,
привлечённые взрывами на
противоположной стороне комплекса.
Хассан достиг подножия стены и
приготовил крюки-кошки.

(Фарук): Больно легко.

Фарук присоединился к нему и
прицелился.

(Халид): Пока что.

Хассан прищурился, нажимая на
спуск. Верёвка взмыла вверх, фиксируясь
натерптво и натягиваясь струной. Он
начал подъём. Вскоре вся их пятёрка
добралась до верха и перетахнула через
кромку парапета. Они подняли оружие —
стреляющие пұлями винтовки, такие же

гладкие, чёрные и превосходно
сработанные, как и всё, что при них было.
К тому моменту, как караульные их
заметили, было слишком поздно, и точные
стертельные выстрелы уже сверкали в
ночи. Снизу, из комплекса, раскатились
звуки новых взрывов. В отдалении
взметнулся фонтан жёлтых искр,
заставив воздух на короткое время
запахнуть серой.

(Фарук): Первому генератору хана.

Хассан крикнул: Фарук был хорошим
солдатом, но его тактические
комментарии быстро начинали
утончаться.

(Халид): Давай просто
сосредоточимся на нашей задаче, боец.

(Фарук): Как скажешь.

Внизу раскинулись просторы
комплекса — разрозненное скопление
ангаров и рокритовых бункеров, все до
единого уродливые, мрачные и ободренные
гонимым ветром песком. Из тех, что
находились на дальнем краю, вырывалось
пламя, занявшееся от зажигательных мин,
которые заложили две другие группы.

Хассан мог видеть силуэты охранников, которые пересекали открытые места. Их движения были торопливыми и плохо скоординированными. Они всё ещё пытались подкрепить силы на северной стене, где были организованы самые очевидные свидетельства проникновения. Пока всё шло хорошо.

(Халид): Это тот, где объект.

Хассан спестился вдоль паранета и указал на один из бункеров внизу. Это было ничем не примечательное строение, всего лишь одно из дюжины схожих размеров и формы.

(Фарук): Уродская штука.

(Халид): Какие-то минуты, и станет ещё уродливее. Сохраняй молчание.

Один за другим, они спустились вниз по верёвкам и побежали пригнувшись, держась низко к земле. Прежде чем они добрались до цели, погибло ещё трое караульных; каждый был уложен одним единственным выстрелом. Они достигли тени у входа в бункер и скрючились на корточках, незаметные, словно призраки.

Противовзрывные двери бункера были
заперты и заложены засовом. Хассан
прикрепил вдоль стыка шесть капсул с
гипер-кислотой, затем отступил и
взорвал заряды. Толстые металлические
двери устояли в облаке клубящегося пара.
Хассан услышал хор быстро оборвавшихся
криков — охранники на том конце вдохнули
токсичную смесь разлагающегося
пластила и распылённых в воздухе
хлоридов. Во всём остальном прорыв
был практически бесшумным,
замаскированный продолжающимися
взрывами и перестрелкой, которая
протекала вдоль северной стены. Всем,
что осталось после, был кудрящийся рваный
прогал. Его стальные края разъело в
вытянутые слезинки. Хассан поднялся на
ноги. Негра бункера, чернильно-чёрные,
пахнущие разъеденными плотью и
металлом, танили внутрь.

(Халид): Теперь входим.

(Голос): Теперь входи.

Хассан вынырнул из воспоминаний. Он не мог увидеть того, кто это сказал. Он решил, что это был тот же мужчина, что препроводил его в приёмную. Он поднял глаза и увидел, что второй комплект дверей был открыт. Он не заметил, как они отперлись, — ход механизма, должно быть, был необычайно гладким. Хассан неуклюже поднялся. Он чувствовал, что по мышкам и по округлости воротника мокро от пота, и надеялся, что этого не видно. Его конечности одеревенели, словно бы забыв, как нужно ходить, и нуждаясь в напоминании. Миновав двери, он прошёл в огромную комнату, залитую солнечным светом. Одна из стен была полностью отдана под обширное окно из цельного стекла. Горизонт за ним был взломан окруженьем горы, сверкающей белизной под солнечным светом. Пол был сделан из полированного паркета; внутреннее пространство, похожее на пещеру, усеивали разношёрстные предметы обстановки. Гардероб в стиле Людовика XV стоял рядом с гололитическим

проектором эпохи Объединения, над которым возвышался шкаф с бесценной керамикой внутри. Это напомнило ему сорочье гнездо, какую-то берлогу коллекционера, что выглядело показным, учитывая обстоятельства.

Хассан был один, в комнате стояла тишина. Двери синхронно закрылись за его спиной столь же бесшумно и грациозно, как раньше отворились. Какое-то недолгое время он стоял неподвижно, слушая звук собственного дыхания, спрашивая себя, существовали ли вообще те вещи, что он видел вокруг себя. Возможно, это был тест? Быть может, ему оказывали последнюю почесть, прежде чем он умрёт? Хассан знал, что решение могли огласить в любой момент. Он уже предоставил всю информацию, какую только мог. Он был щепетилен по максимуму в этом вопросе, заботясь о точности всех подробностей. Даже потерпев неудачу, он ничего не придержал, как и не пытался себя оправдать. Так у него всегда было заведено — быть честным даже в бесчестье. Таковы — конечно же — были ценностные

ориентирь Имперіума, те основы, из
которых всегда произрастала его
верность.

Время шло, в комнату не входил
никто другой. Мрачные предчувствия,
которые вало шевелились в душе Хассана,
начали рассеиваться. Он прошёл к окну,
встав у стекла и положив на него кончики
пальцев. Перед ним раскинулась
ошеломительная панорама, охватывающая
западные пределы Дворца. Так много
золота! Так много всего!
Головокружительные стены с зубчатыми
парапетами водонадами вонзаются в
заросли тонюсеньких башен; колоссальные
контрфорсы вздымаются вверх из остовов
гор, массивных и вечных. Даже
значительные переделки, которые лорд
Дорн произвёл вдоль внешних стен, не
уничтожили всей древней, присущей самой
природе Дворца красоты. Окидывая
взглядом подобную необъятность, было
сложно не ощущать себя до странности
ничтожным. Эти стены уже простояли
века, и они выдержат ещё столетия, сияя
путеводной звездой величия посреди

расширяющейся империи возвышения
мертвых.

(Голос): Он нравился мне больше до
того, как Розал по-настоящему взялся за
дело.

Голос раздался как гром среди ясного
неба. Хассан крѣтнулся, шаря взглядом по
комнате. Он по-прежнему был один, голос
словно бы возник из окружающего воздуха,
отражаясь эхом от панелей и впитываясь
в материю тканых ковров.

(Халид): Я вас не вижу, лорд.

(Голос): Нет, пока что нет. Я не
могу быть во всех местах одновременно.
Так мы можем сэкономить некоторое
время. Тебя это смущает?

(Халид): Ничуть.

(Голос): Хорошо. Тогда продолжай
смотреть на пейзаж. Сохраняй его в
памяти. Он будет становиться чуть
уродливее с каждым проходящим днём.
Чуть дряхлее. Как и мы сами, а?

Хассан развернулся обратно к окну.
Ему было интересно, мог ли хозяин голоса
его видеть. Он предполагал, что да, хотя
как скажешь наверняка? Перебросить голос

было до тривиальности легко. Подобные театральные эффекты, как Хассан прекрасно знал, были целиком и полностью частью процедуры.

(Голос): Ты не из тех людей, что склонны к легкомыслию. Об этом говорят все донесения. С серьёзным складом ума, старательный. Я и сам могу это в тебе ощутить. Ты олицетворение всего, что Император стремится привить человечеству. Думаю, что будь он здесь с нами, ты бы пришёлся ему по сердцу.

В голосе не было высокомерности. Хассан мог слышать в нём жёсткость --- жёсткость, порождённую целой вечностью пребывания у власти, --- но также и прочие вещи: толику симпатии, но большей же части --- стирание. Всё это было до крайности неожиданным.

(Халид): Я всегда стремился служить.

(Голос): Я знаю. Но сейчас ты здесь, со мной, в этом месте. То, кем ты был в прошлом, то, что ты совершил в прошлом, --- это воздаяние за эти вещи. Ты знаешь, кто я такой, капитан Халид

Хассан?

(Халиг): Думаю, что да, лорд.

(Голос): Я тот, кто подводит счета. Я судьба. Я деловодитель Империи, оценщик его океана душ.

Хассан не мог решить, зачем ему это говорят. Из хвастовства? Возможно. Хотя это не звучало как хвастовство. Оно звучало почти как сарказм — холодный, осознанный сарказм.

(Голос): Я Сигиллит, я Регент Терры. По моей команде решается судьба миллиардов миров. И всё же вот он я, беседую с тобой, пока ты смотришь в моё окно и не одобряешь мои коллекции. Жизнь полна сюрпризов, разве нет?

Хассан обнаружил, что едва ли не кивает в знак согласия.

(Халиг): Это так, лорд.

(Сигиллит): И ты знаешь, почему ты здесь очутился?

(Халиг): Из-за того, что случилось в Гунте?

(Сигиллит): Верно. Вспоминай, Халиг, возвращайся мыслями к тому, что ты там делал. Я вскоре к тебе

присоединюсь. И когда я придю, я захочу
знать всё.

Свет уже перегорел. Хассан моргнул, настраивая усиление прибора ночного видения своего шлема, и осторожно двинулся вперёд. Бункер уходил глубоко под поверхность. По всей его глине шёл центральный коридор протяжённостью где-то в пятьдесят метров, от него от ответвлялись помещения помельче. Каждое было запечатано свежим комплектом запёртых дверей.

(Халид): Есть что-нибудь?

(Фарук): Никаких признаков жизни.

(Халид): Это пока что.

Их группа чуть продвинулась по центральному коридору. Хассан не слышал ничего, кроме слабых звуков сражения, которые доносились снаружи. Другие группы добросовестно трудились, отвлекая

внимание, но им надо было уложиться в короткий срок. Он активировал маячок сканера окрестностей на ауспике, который был смонтирован у него на ладони, и с некоторым облегчением увидел вспыхнувшую руну обнаружителя объекта.

(Халид): Третий поворот направо.

Хассан махнул рукой в сторону пары раздвижных дверей в тридцати метрах впереди. Двое его бойцов остались у входа в бункер, погружившись в тень и нацелив оружие, чтобы снять любого, кто вторгнется внутрь. Хассан, Фарук и третий агент крадучись пошли по коридору. Пробираясь вперёд, Хассан уловил слабый шелест, похожий на статический треск аппаратуры. Он остановился.

(Халид): Вы это слышите?

Фарук посмотрел на него.

(Фарук): Слышит что?

(Халид): Ничего. Глюк датчика.

Они добрались до комнаты. Она была закрыта и заложена засовом точно также, как и остальные.

(Халид): Приготовиться.

Хассан снял с пояса новые баллончики с гипер-кислотой. Уже двигаясь, он услышал глухой стук и затем шипение затхлого воздуха. Хассан стремительно обернулся кругом, держа оружие одной рукой.

(Халид): Что за...

Он затолк, увидев на полу неподвижное тело своего сослуживца.

(Фарук): Цель!

Фарук открыл огонь. Лёгисто-белые выстрелы сугорожным градом разбрызгались по коридору, пули звякали о металлических стены и выбивали из них осколки. Хассан тоже начал палить во тьму. Тесное пространство взорвалось бурей выстрелов.

(Халид): Прекратить огонь!

Стихли последние отзвуки очереди. Бункер снова погрузился во тьму. С развороченного пола поднимались струйки дыма. Фарук загнал в винтовку свежий магазин.

(Халид): Что это было?

Хассан по-прежнему ничего не видел на своём сканере окрестностей.

(Фарук): Так и не разглядел.

Хассан бросил взгляд на тело убитого агента. Его горло пробороздил один единственный чистый разрез. Кровь под телом была густой и тёмной.

(Халид): Быть наготове, сохранять позицию.

Его мысли понеслись вскачь в попытках сообразить, как что-либо могло очутиться так близко, не будучи зарегистрированным его датчиками. Он поднял руку к шлему и нажал на защёлку фиксатора.

(Халид): Убери свой визор.

(Фарук): Что? Это безумие!

(Халид): Выполняй!

Шлем открылся, и Хассан ощутил на своём лице касание горячего пыльного воздуха. Без псевдоцветового изображения прибора ночного видения всё было чёрным. Он по-прежнему не замечал ни единого признака того, кто на них напал. Он чувствовал себя уязвимым, почти что слепым, он застрял под землёй вместе с чем-то, что он не мог обнаружить. Он услышал, как открывается визор Фарука.

(Фарук): Ну здорово! Теперь мы
слепцы!

(Халид): Когда всё остальное
погвожим...

Хассан достал маломощный
фальшфейер и перевёл его в режим
зажигания.

(Халид):... используй глаза, данные
тебе при рождении.

Он зашвырнул фальшфейер в глиняный
коридор и услышал, как он беспорядочно
отскакивает от стен. Сигнальный факел
вспыхнул, отбрасывая тусклое красное
зарево на окружающие поверхности. За то
короткое время, что он прогорал, Хассан
успел разглядеть что-то тёмное и
сгорбленное, плотно вжавшееся в
противоположную стену где-то в десяти
метрах дальше по коридору. У него были
человеческие очертания, и оно носило
какую-то разновидность противо-
газчиковой брони в оплётке серебристых
проводов и узлов. Как только фальшфейер
погас, оно скакнуло от стены и ринулось к
ним.

(Халид): Немедля! Стреляй!

Противник нёсся к ним прыжками, со сверхъестественной скоростью кидаясь между глиняными плевками выстрелов. Фарук зацепил его, пробив броню и левое плечо, но он всё приближался. Хассан отступил назад, стреляя в движущиеся очертания. Фарук вскрикнул. Хассан увидел, как сверкнувшие во тьме стальные когти рвут защитный панцирь бойца, словно тот был сделан из бумаги.

(Халид): Фарук!

Хассан услышал, как щёлкнуло опустевшее оружие, и метнулся обратно, сокращая дистанцию. В следующий момент противник уставился прямо на него; рваные вспышки из дула на какой-то миг выхватили его закрытое маской лицо. Хассан увидел глубоко посаженные глаза с воспалёнными веками, расширенные из-за боевых стимуляторов зрачки, тугую натянутую кожу. Он ткнул в это лицо капсулой с гипер-кислотой, которую всё ещё сжимал в левом кулаке, раздавив её, прежде чем броситься прочь.

Крики были жуткими. Коридор наполнился запахом разъеденной плоти, к

которому прибавился аккомпанемент
шлепков крови, когда кислота проела себе
дорогу к артериям. Хассан поспешно
отполз, ухватив истекающее кровью тело
Фарука и оттаскивая его прочь.
Шатающийся противник поковылял в
противоположную сторону, схватившись за
свое распадающееся лицо. Затем он
рухнул... сжался в комок. Его истерзанные
лицо и шея кудрились и пощёлкивали.

Хассан поднялся на колени, тяжело
дыша. Два агента, оставленные им у
дверей, достигли его позиции. Они
установились внизу на переключенное тело
вражеского бойца, затем на Фарука. Тот
закашлялся, разбрызгивая кровь по броне
Хассана.

(Халид): Насколько серьёзно?

Хассан захлопнул свой визор.

(Фарук): Существенно.

Хассан чувствовал вес тела Фарука,
тяжело обвисшего в его руках. Он больше
ничего не навоюет.

(Халид): Мы почти закончили.

Хассан осторожно опустил Фарука на
пол и пошёл к запечатанным дверям.

(Халид): И тогда обвинят наружу.

Хассан взвёл заряд, закрепил его и отступил. Вся их четвёрка подалась назад, прочь от дверей. Крак-граната сработала с резким хлопком, пробив в металле рваную дыру.

(Халид): От этого они бегом примчатся.

Хассан поднялся на ноги и направился к разрушенному входу, на ходу перезаряжая оружие.

(Халид): Забирает объект и уходит отсюда, пока нас не поймали.

Хассан не заметил, как Сигиллит вошёл в комнату. Только что он был один, а в следующий момент уже смотрел прямо на пожилого человека с накинутым капюшоном, стискивающего посох. Он собрался.

(Сигиллит): Прости, что заставил

тебя ждаты, капитан. У лорда Дорна
благие намерения, но он так и не овладел
умением быть кратким.

Хассан сцепил руки за спиной и
вытянулся по стойке смирно. Он
чувствовал, как набирает темп его пульс,
стуча по венам его шеи. В человеке,
который стоял перед ним, было что-то
нервирующее. Он ощущал необъяснимое
желание отвести глаза.

Сигиллит был тщедушным, его
сутулость делала его малорослым, а его
руки стискивали мерцающий посох словно
бы в поисках опоры. Но несмотря на всю
хрупкость этого человека, Хассан ощущал
излучаемую им спокойную силу, словно бы
идущую из глубокого и леденящего колодца.
"Он её не скрывает. Он может
уничтожить всё вокруг нас одним
мановением руки".

Сигиллит поднял костлявую руку к
своему капюшону и откинул ткань назад.
На свет появилось старое-старое лицо
с желтоватой иссохшей кожей, изрезанное
глубокими морщинами. Из измождённой
плоти выпирали кости, да так сильно,

словно это был лик самого Голога. Но его глаза были полны жизни, это были глубокие, подвижные глаза, которые двигались едва ли не с птичьей стремительностью. Хассан на короткий миг был пойман их взглядом, и почувствовал, как у него пересыхает во рту. Затем Сигиллит отпустил его. Он прошёл к низкой софе и опустился вниз. Он двигался с запинками, как человек, когда-то натренированный до пика физической формы, но с тех пор перенёсший ужасные ранения. Это было до странности угрожающее зрелище.

Малкадор откинулся назад, его мрачное лицо чуть стягчилось, напряжённые черты расслабились. Он отложил посох в сторону и устроил свои торщистые руки на костлявых коленях.

(Сигиллит): Сядь.

Хассан сделал так, как ему было сказано, пройдя к кожаному креслу, которое стояло напротив софы. Он чувствовал, что у него дрожат руки.

(Сигиллит): Вынешь?

Малкадор бросил взгляд на графин.

который стоял на столе между ними. Как только он об этом упомянул, Хассан почувствовал, что у него в горле горит от жажды.

(Халид): Нет. Благодарю вас.

Малкадор налил себе бокал чего-то, по виду похожего на вино. Он поднял его к своему ястребиному носу, давая напиток поблагоухать какое-то время.

(Сизиллит): Я помню времена, когда во Франкии ителись вина.

Он отпил малую толику, покатал во рту и сглотнул.

(Сизиллит): Настолько же сейчас проще. Оно даже такое же хорошее на вкус. Хм. Или нет? Откуда бы нам знать? Кто ныне жив из тех, чья нога ступала по виноградникам старины?

Он задумчиво поджал свои тонкие губы.

(Сизиллит): Кое-кто из нас помнит. Затем его глаза вскинулись вверх, немигающие, как у хищной птицы.

(Сизиллит): Чем ты занимался в Гунте?

(Халид, после паузы): Тайное

задание, лорд. Приказы, полученные из
Дворца, секретность и войсковой
приоритет самого высшего уровня. Нам
дали координаты, сроки, доступ к
армейскому транспортнику. И затем мы
отбыли.

(Сигиллит): Это было всё?

(Халиг): Мне было сообщено...
местоположение одного бункера... Я его
проверил, точно также, как всегда... Я до
самого конца думал, что всё идёт
правильно.

Малкадор кивнул.

(Сигиллит): До самого конца.

Хассан почувствовал, что у него
вспыхивают щёки. Тот удар по самолюбию
ещё не забылся.

(Халиг): Возможно... если бы мы
знали, что мы разыскиваем...

(Сигиллит): Но это убilo бы саму
идею, разве нет? При твоей профессии
осведомлённость опасна, она опасна при
любой профессии. Если бы это зависело от
меня, знания строго нормировались бы, они
отмеривались бы тем, кто в состоянии с
ними управиться, -- дюжине душ, не более

того. Двенадцать достойных людей способны руководить безграничной империей, если только они сохраняют верность своему призванию.

Его лицо потрачнело.

(Сигиллит): Хотя этого никак нельзя гарантировать, не так ли? Даже у сильнейших есть свои изъяны — такова уж трагедия нашей расы.

Хассан пытался слушать, узнаться за мыслью. Ум Малкадора, казалось, свободно блуждал, переходя от текущих дел к далёким проблемам управления Галактикой. Хассан начал задаваться вопросом, был ли старик полностью в своём уме. И тогда на губах Сигиллита неожиданно заиграла улыбка. Как и все его телодвижения, она несла в себе компромисс, сочетая и горечь, и веселье.

(Сигиллит): Император и я ведем полетику. Она продолжается уже долгое время, и сейчас, когда он исчез, мне недостаёт наших дискуссий. Такой могучий интеллект! Прямолинейный, но могучий. И — совсем редко — даже чувство юмора... в некотором роде. Можешь в это

поверить?

Хассан настороженно слушал, он не понимал, что Малкадор имел ввиду, когда сказал, что Император исчез. Это не так, конечно же нет — куда бы ему исчезнуть? Хассан хотел спросить, но Малкадор продолжал говорить, словно отлучка Повелителя Человечества с извечного престола власти была каким-то пустяком, вряд ли стоящим того, чтобы на нём задерживаться.

(Сигиллит): Вот суть нашей полетики. Он полагает, что задача правителя состоит в том, чтобы вывести себя из употребления, так что его место займут его подданные — когда они достигнут достаточной зрелости. Я не согласен. Я не думаю, что нам вообще когда-нибудь хватит зрелости для этой задачи. Я считаю, что ни одному человеку, кроме него, никогда не достанет сил, чтобы сплотить человечество, пусть даже на один миг. Он, знаешь ли, совершенно исключительный, причём, возможно, в таких аспектах, что он даже сам этого не понимает.

Малкадор искоса смотрел на Хассана острым взглядом.

(Сигиллит): Так что думаешь, Халиг? На чью сторону встанешь — его или мою?

Хассан потеглил, делая глубокий вдох. Он не знал, то ли считать себя польщённым тем, что его спросили, то ли оскорбितся.

(Сигиллит): Не тнись! Выбирай!

(Халиг): Я собирался сказать... Я собирался сказать, что Император всегда будет вести нас. Это то, чему нас учат... то, во что я верю!

(Сигиллит): А... Хорошо сказано... Тогда ты со мной. И ты прав, конечно же. У него такие высокие устремления в отношении нашей расы. Слишком высокие, возможно, поскольку он не всегда отдаёт себе отчёт в собственной незатемлённости. Но... Всегда ли он будет рядом? Это огромный вопрос. Это нынешнее испытание.

Сигиллит свёл руки вместе, соединяя кончики пальцев. Виг у него был отсутствующий.

(Сигиллит): Война за Трон уже началась. Даже сейчас я чувствую на нас взгляд Архипредателя, он давит на мой разум, как раковая опухоль. Я слышу голоса его братьев вокруг него, плетущих заговор вместе с ним... и против него... Я помню, какими они были, каждый из них, и в размышлении, и в действительности. Я вижу, как они стали сейчас, и иссыхание их душ наполняет моё сердце болью. Они высвободили силы, которыми не могут управлять. Их обманывали... и не только враги. Меня сокрушает быть этому свидетелем.

Хассан не знал, продолжать ли ему слушать. Он внезапно почувствовал себя так, словно бы совал нос в чьё-то глубокое личное горе.

(Сигиллит): Знаешь, из них всех, если бы я мог спасти лишь одного, то это был бы Лорзар. Даже при том, что он меня презирает, даже при том, что он... причинил мне боль. Он был такой хрупкой душой, такой нежной и такой ранимой. Мы могли бы обойтись с ним получше. Совершили ли мы ошибки в

отношении некоторых из них? Наверняка. Хотя я чувствую, что время их исправлять уже давным-давно прошло...

Хассан наблюдал. Он выжидал. Мало что из сказанного Сигиллитом имело для него смысл. Он спрашивал себя, не было ли происходящее частью испытания или каким-то замысловатым способом его погловить. Если так, то это выглядело таким надуманным, таким... ненужным, безжалостнее, чем ему требовалось быть. Сигиллит поднял на него глаза с выражением терпения на лице.

(Сигиллит): Я чувствую, что твой ум блуждает. Ты думаешь, что эти вещи мало тебя касаются. Ты неправ. Они имеют к тебе самое прямое касательство. Они имеют самое прямое касательство ко всем нам.

Хассан почувствовал, что начинает выходить из терпения. Он хотел быть послушным долгу, но не имел ни малейшего представления о том, чего этот долг от него требовал.

(Халид): Я не понимаю, зачем я здесь нахожусь, лорд.

(Сигиллит): Пока что нет. Но ты поймёшь.

Он с усилием поднялся на ноги, подволакивая к себе посох.

(Сигиллит): Следуй за мной.

Хассан встал.

(Халид): Куда мы направляемся?

(Сигиллит): В катакомбы, где всё это началось. Приготовься — путь вниз будет долгим.

Путь вниз был недолгим. Хассан прыгнул через пробоину и жёстко приземлился на грязный рокитовый пол метром ниже разнесённого дверного проёма. Пока он обводил помещение винтовкой, готовый открыть огонь, он услышал глухой стук и судорожный вздох Фарука, приземлившегося рядом с ним.

(Халид): Потянешь?

(Фарук): Ты и я, прямо как всегда.

Давай покончим с этим делом.

Комната была маленькой, меньше десяти метров в поперечнике, с низким потолком и стенами из грубо обтёсанных каменных глыб. В ней не было ни души и пахло затхлостью, точно в гробнице. Лишь один предмет располагался по её центру — грузоперевозочный контейнер из ребристого агатангия, который был закреплён на железном транспортном поддоне. Он не был особенно большим, — два метра в длину, метр в высоту и в ширину, — но его загораживало энергетическое поле, которое наполняло помещение густым и пляшущим мертвенным светом.

(Фарук): Сигналы всё ближе.

(Халид): Сколько у нас?

Хассан убрал оружие и приблизился к ящику.

(Фарук): Минуты, не больше.

Хассан покачал головой: немного времени на работу.

(Халид): Быстро очухались, будь они прокляты!

Он извлёк из загашника своих

успехов четыре перебивающих маячка и аккуратно разместил их по одному у каждого угла ящика. Затем он отступил назад, тщательно проверил их расположение и включил излучатель интерференционных волн. Воздух перед ним словно бы угрожал, пойдя рябью, точно потревоженная водная гладь. Он ощутил неприятное шевеление в желудке. Энергетическое поле сопротивлялось какое-то мгновение, потрескивая и изгибаясь, потом издало резкий треск. Хассан прошёл к контейнеру и начал прикреплять к нему анти-гравитационные пластины, по четыре на каждую сторону. Они фиксировались намертво и оживали, потаргивая красным в тенях.

(Халид): СВЧ разделались?

В том, что касалось получения новых сведений от двух других групп, Хассан полагался на Фарука.

(Фарук): Так точно.

(Халид): А боковой заслон?

Хассан установил последнюю пластину.

(Фарук): Всё отключено. Всё чисто.

транспортник может приблизиться.

Хассан бросил взгляд на свой хронометр. Время поджимало.

(Халид): Тогда вызывай.

Он активировал антигравитационные пластины.

Грузоперевозочный контейнер вырвался из своих оков и поднялся над землёй, зависнув

на средней высоте. Он был тяжёлым, и

Хассан слышал натужное завывание

репульсорных полей, бьющихся за то,

чтобы удержать его на весу. Фарук

прохромал вперёд и неуклюже втянул своё

тело обратно в пробоину. Две пары рук

протянулись вниз, чтобы протащить

через дыру контейнер. Ящик шатко пошёл

вверх, поддерживаемый на весу

пластинами, и Хассан последовал за ними.

Перегруппировавшись в коридоре, их

четвёрка спешно двинулись через бункер в

обратном направлении. Хассан был во

главе, тяжело дышащий Фарук шёл

замыкающим. Ящик двигался между ними,

гудя и пыхтя, как злобный бык. Хассан

оглядел толстое листовое покрытие.

Контейнер был того типа, что

использовались в трюмах костических кораблей, --- с массивными рёбрами выступов, чтобы выдерживать сильные удары.

(Фарук): Это оружие?

(Халид): А чего ты ждал? У нас война.

(Фарук): Они пытались вывезти его с планеты. Должен чего-то стоить. Унесём отсюда ноги вместе с этой шиткой, и кто-то страшно расстроится, это уж как пить дать.

Хассан невольно улыбнулся.

(Халид): Не спускай с него глаз. Ударит что-нибудь в этот контейнер, и Трон знает, что тогда будет.

Они приблизились к прожжённому кислотой входу.

(Фарук): Капитан, дорогу наружу придётся пробивать с боем.

Фарук в последний раз сверился с показаниями аусника.

(Халид): Ничего меньшего не ожидаю.

Хассан проверил счётчик патронов на своём оружии. Он следил за дисплеем

своего шлема, по которому привычно плыл
обнаружитель целей.

(Халид): Выберите себе мишени и
высматривайте транспортник.

Из четвёрка выскочила из
разъединенных противовзрывных дверей и
засела в обломках. Хассан устроил ствол
своего оружия на торчащей пластиловой
шестовине. Ящик парил поблизости,
практически беззащитный. К этому
времени горел уже весь комплекс, и
бьющее со всех сторон пламя заливало
его ярким светом. Из уничтоженных
генераторов щитов и оружейных башен
зениток вырастали столбы густого дыма.
Обводя глазами эту картину, Хассан
замечал членов двух других групп,
которые с боем прокладывали дорогу к их
позиции. Лазерные выстрелы,
пронзительно щёлкая и треща, взрезали
землю вокруг него. Неприятель начинал
пристреливаться. Хассан чертыхнулся,
открывая ответный огонь и теснее
вжимаясь телом в край бункера.

(Фарук): Ну так и где же он?

Ещё до того, как Хассан успел

ответить, раздались грохочущие раскаты
мощных двигателей. Вокруг него начали
расти завихрки пыли, и он услышал, как
вражеские бойцы на стенах выкрикивают
друг другу панические предупреждения.

(Халид): Точно в срок.

Ещё секунда, и кражистый силует
армейского транспорта перетахнул
через внешнюю границу, взбивая вверх ещё
больше дыма и отгоняя его клубы прочь.
Своённые орудия открыли огонь,
выкашивая оставшихся караульных с
беззащитных паранетов и разнося их
прокритовые края на разлетающиеся
осколки.

(Халид): Пошли, пошли, пошли!

Хассан выскочил из обломков бункера
бок о бок с шатающимся фаруком и
парящим контейнером. Другие группы
выпрыгнули из укрытий и рванули через
двор комплекса. Транспортник спустился к
самой земле, его четырёхгранные
двигатели били в грунт струями тяговых
выбросов. Главный люк откинулся вниз
с шипением поршней, открывая залитый
красным светом экипажный отсек.

Охранники отреагировали, начав целить
вверх, в зависший летательный аппарат.
Лазерные лучи трещали о бронезащитные
плиты, некоторым удалось ужалить.
Транспортник потался, как пьяный, по-
толящим в него градом
мелкокалиберных выстрелов, лишь с
трусом удерживая своё положение.

(Голос): Быстрее!

Хассан со своими бойцами бросился к
ожигающей их ранне. Он был последним из
тех, кому удалось добраться. Он затащил
контейнер, который волк за собой, в зев
ждущего грузового отсека.

(Голос): Мы получаем попадания!

Фарук пристегнулся, морщась от
боли. Его броня до сих пор была влажной от
крови. Хассан загнал на место последний
из пристыковочных креплений.

(Халид): Поднимай нас вверх!

Двигатели набрали тягу, наращивая
бьющий вниз поток, и потащили
транспортник прочь, унося его ввысь.
Погрузочная рампа закрылась, запечатывая
их внутри. Приглушённые звуки выстрелов
стихли, стенившись негромкими

грозыханием маневровых двигателей, изменяющих ориентацию. Хассан чувствовал, как транспортник набирает скорость, взмывая вверх и разворачиваясь на курс, который унесёт их из Гунта и прочь от опасности. Он прислонился спиной к стенке экипажного отсека, тяжело дыша. Какое-то время он не делал ничего другого. Затем он огляделся вокруг. Из трёх групп, что были вначале, стало ясно, выбраться лишь девять человек. Уцелевшие устало опирались о трясущиеся стенки транспортника, пока тот набирал высоту. Ни один из них не смотрелся победителем. Атмосфера была откровенно подавленной.

Объект операции располагался в центре отсека. Грузоперевозочный контейнер был цел и невредим, он не получил ни единого попадания. Он стоял между двумя шеренгами бойцов, тёмный и тяжёлый, как гроб-переросток. Вдоль его ребристой поверхности ритмично вспыхивали огоньки. Он выглядел едва ли не воинственно. Хассан проковылял к нему.

(Фарук): Что ты делаешь?

Фарук смотрел на него встревоженным взглядом. Хассан начал отключать запорный механизм.

(Халид): Из-за этой штуки мы потеряли людей. Мы имеем право увидеть, ради чего они умерли.

Хассану встречались имперские придворные, разодетые в наряды киноварного и шафранно-жёлтого цветов, учёные с бледными лицами и искривлёнными работой позвоночниками, техножрецы с золотыми масками лиц, на которых светились скопления зелёных глаз. Каждое помещение имело свой запах, своё звучание, свою атмосферу. Эти комнаты вмещали саму сущность различных фракций человечества, срезы того, чем стала их раса, во всей их нестропе. Хассан нашёл их завораживающими, ему хотелось

задержаться, изучить их, порасспросить о том, над какими задачами они работают. Малкадор, казалось, прочёл его мысли.

(Сигиллит): Не обращай на них внимания. Они эфемерны в сравнении с тем, что я тебе покажу.

Они продолжали идти, освещение и роскошь постепенно сходили на нет. Хассан и Сигиллит спускались с уровня на уровень, путешествуя вниз древними лифтовыми шахтами в серых прорезных кабинах, которые были подвешены на цепях диаметром с мужскую талию. Стало теплее, причём до степени дискомфорта. У Хассана начало появляться ощущение, что на него наваливается сверху что-то огромное и древнее. Там, где оправленные в бронзу люстры давали озерца света, выднелись неприкрашенные корни горы, тёмные от прожилок гранита и полевого шпата.

(Сигиллит): Когда ты достигнешь места нашего назначения, держись рядом. Пока ты со мной, тебя никто ни о чём не спросит. Отбейся от меня, и ты умрёшь. Не позволяй увиденному тебя огорчить.

Не вся охрана здесь, внизу, находится на виду.

Хассан не сказал ничего, лишь кивнул. В конце концов они добрались до низа, до самого сердца горы. Кабина со скрежетом остановилась, двери скользнули в стороны. Перед ними тянулась вглубь сводчатая пещера. Её пол был гладким и блестящим, как оникс. Необъятная пустота её пространства нарушалась огромными колоннами из тёмного камня. Она разверзалась вглубь, во мраке подземного мира, настолько же тихая и жуткая, насколько верхние уровни были шумными.

(Халид): Необъятная... и всё это время у меня под ногами... Как такое место удалось скрыть? Как много людей об этом знает?

По гладкому, как стекло, полу двигалось лишь несколько фигур: старшие агенты Механикум в кроваво-красных одеждах; безмолвные женщины с каменными лицами в богато украшенных комплектах боевой брони и глиняных, подбитых мехом плащах; исполинские

часовые, одетые в вычурные доспехи из золота и вооружённые древковым силовым оружием, которое гудело неистовыми энергиями. Эти последние — Хассан это знал — были Легио Кустодес самого Императора. Он обнаружил, что снова покрылся потом. Сигиллит пошёл через пещеру, клацая на ходу металлическим концом своего посоха. Никто из прочих не подавал виду, что его заметил. Они казались занятыми своими мыслями. У тех, чьи лица были видны, их выражения выдавали решительный настрой, на некоторых были написаны признаки крайней усталости. Хассан последовал за Малкадором. Всё это место от начала и до конца было странным почти до непереносимости — аскетичный склеп, царство шёпота и теней, упрятанное под ключ под основаниями этого мира.

(Халид): Что это за место?

Хассан обнаружил, что ему на диво сложно поспевать за шагом старого человека.

(Сигиллит): Начало. И, возможно, конец.

Они продолжали идти. Хассан замечал ответвляющиеся тоннели, которые уходили прочь, глубже в тело горы. Некоторые были всего лишь проёмами размерами с человека, другие — зияющими проспектами, чьей ширины хватило бы для прохода Титана. Хассан чувствовал едкий запах фимиама и слышал сейсмический рокот, доносившийся откуда-то глубоко из-под ног. Иногда пол содрогался, словно бы сотрясаемый далёкими подземными толчками, однако никто из безмолвных людей вокруг них не выказывал никакой реакции.

(Халид): Они такие тихие.

Хассан не имел намерения болтать, его мысли, казалось, сами изливались из его рта, словно им не терпелось нарушить гнетущую тишину. Сигиллит остановился, чтобы обдумать эту реплику. Он наклонил голову, наблюдая за людьми вокруг себя.

(Сигиллит): А какими они, по твоему, должны быть? Они пребывают в забытых залах богов. Но у каждого есть своя задача. Они не могут стоять в

раздумьях... как ни один из нас.

Он тускло улыбнулся.

(Сигиллит): Что, конечно же, может быть источником всего этого. У нас никогда не было времени на раздумья. Прекрасная эпитафия для не в меру дерзкой расы.

Он пошёл дальше, и Хассан поспешил вслед за ним. Наконец Сигиллит остановился перед проёмом в стене пещеры. Из отверстия сочился запах хитикатов. На низкой гранитной прилолке были высечены двадцать эмблем, но большей части лишь полуразличимых в тенях. Хассан разобрал волчью голову, змею, ангела и иные, менее понятные значки. Два символа, судя по их виду, то ли соскоблили, то ли они истёрлись сами по себе. Сигиллит изучал их какое-то недолгое время. Его лицо было печальным.

(Сигиллит): Это где мы их планировали. Архивы всё ещё там. Его заметки. Первые исследования. Некоторые из ранних генетических банков тоже, насколько мне известно, до сих пор могут

находиться там... Было заброшено, когда
мы создали основной комплекс. Грустно, на
самом деле.

Хассан бросил взгляд вдоль глиняного
тоннеля. Он не мог видеть далеко вглубь.

(Халид): Это куда мы идём?

Сигиллит покачал головой, его посох
снова заклацал.

(Сигиллит): Теперь туда не ходит
никто.

Они продолжали движение, минуя всё
новые сводчатые проходы, каждый из
которых утончал глубоко в вечном сумраке
пещеры. По мере того, как весь размах
подземных владений становился
очевидным, Хассан начал испытывать
странное чувство сожаления. Над
комплексом явно трудились много
столетий, это был подземный город,
скрытый от глаз планеты и погребённый
под мелями сплошной скалы. Так много
всего в нём было заброшено, оставлено
тлеть среди отзвуков эхо, подобно
гробницам древних царей. Так много
другого осталось незавершённым. Что-то
когда-то пошло очень сильно наперекосья.

Хассан спрашивал себя, какое место во всём этом занимает Император? Его нога всё ещё ступает по этим залам? Приходной мысли об этом по его спине скатывались холодные мурашки. Хассан впервые раз задумался над тем, не существуют ли вещи похуже гражданской войны с мятежником Боителем. Эти вещи спали в полуразрушенных комнатах, погребённые глубоко в коре Терры, и Хассан не был уверен, что ему хочется выяснить, что они из себя представляют.

(Сигиллит): Мы на месте.

Сигиллит неожиданно остановился перед огромной, окованной железом дверью. Она была усеяна шипами и заперта на амбарный замок, словно вход в какую-нибудь камеру пыток из прошлого, скрытого завесой веков. Хассан посмотрел на неё и с трудом подавил дрожь.

(Халид): Мы должны идти внутрь?

(Сигиллит): Пока нет. Сначала расскажи мне, как ты потерпел неудачу.

...Хассан отогвинул стопорные штифты. С нарушенными запорами они вышли без всякого труда. Фарук и остальные не произнесли ни слова, но внимательно смотрели с края трясущегося экипажного отсека. Хассан отцепил последние крюки, и крышка сдвинулась у него в руках. Верхняя плита шла по всей глине контейнера и была толщиной с его ладонь. Хассан просунул под неё пальцы и осторожно подвинул, чувствуя запах застарелой пыли, который пахнуло из зазора. Он ощутил первый всплеск беспокойства. Хассан отпихнул крышку ещё дальше. Внутри контейнера находился один-единственный громоздкий предмет, обёрнутый чем-то вроде мешковины. Он вытащил из ботинка нож и начал резать. Он продолжал это делать, даже когда увидел, что было внутри. Он не останавливался до тех пор, пока не отогнул и не открыл самый последний клочок мешковины, — просто ради того, чтобы быть уверенным. Наконец он выпрямился, уставившись вниз, на дело рук своих. Ему было дурно, кружилась голова.

Он протянул руку, чтобы найти опору.

(Фарук): Что там?

Хассан не смог откликнуться сразу. На него навалилось чувство мучительной опустошённости, помешав дать ответ. Когда он всё-таки заговорил, его голос звучал вымученно.

(Халиг): Ничего. Вообще ничего.

Тогда Фарук отстегнулся и докарабкался до контейнера. Он заглянул внутрь и увидел то, что уже видел Хассан.

(Фарук): О.

Внутри ящика находился огромный кусок камня, вероятно, гранита, — точно такой же, как тысячи тех, что усеивали полупустыню вокруг комплекса. Он был перепачкан наметённой бурями грязью и был сколот вгось одной из сторон. Он занимал большую часть внутреннего пространства контейнера и был достаточно тяжёлым, чтобы создать ощущение правдоподобия, — наверное, весом с демонтированную платформу "Рапиры". Он слегка заострялся у одного конца, в остальном же выглядел как плита с грубой

поверхностью. Возможно, когда-то это был строительный блок, который бросили среди обломков какого-нибудь сооружения, давным-давно пущенного под снос, оставив его разрушаться под ветром пустыни. Прошло много времени, прежде чем Фарук заговорил снова.

(Фарук): Они знали, что мы идём.

Хассан кивнул.

(Халид): Огурачены. С самого начала.

(Фарук): Мы захватили тот бункер?

(Халид): Да.

(Фарук): Ты уверен? Может...

(Халид): Мы захватили правильный бункер!!!

Фарук отшатнулся. Никто другой не произнёс ни слова. Двигатели транспортного средства сердито постучивали, унося его прочь.

(Фарук): Так что ты собираешься сделать?

(Халид, со вздохом): Что ты предлагаешь?

Хассан посмотрел на погрузочную платформу.

(Халид): Мы должны выбросить его отсюда. Вышвырнуть наружу, отправить обратно в пустыню, из которой он взялся!

Он уронил подбородок на грудь.

(Фарук): Ты серьёзно?

Хассан трачно улыбнулся и покачал головой.

(Халид): Не волнуйся. Нам было сказано привезти его назад, так что именно это мы и сделаем.

(Фарук): Этого так не оставят.

Хассан откинулся назад на стенку грузового отсека, чувствуя, как на него накатывает сильная головная боль.

(Халид): О, я это знаю. Но кто не оставит? Кто отдал приказ?

Транспортник продолжал лететь вперёд, спеша доставить их на встречу с последствиям провала.

(Халид): Полагаю, что мы достаточно скоро это узнаем...

(Сизиллит): Камень?

(Халиг): Да, лорд.

Хассан почувствовал, что у него вспыхивают щёки.

(Халиг): Они нас одурачили.

(Сизиллит): Понимаю.

Сизиллит повернулся обратно к гверному проёму. Затки с лязгом открылись. Огромная шипастая гверь распахнулась внутрь, скрежеща на своих петлях. Малкагор поднял глиняный костлявый палец, и с уровня пола засветило мягкое сияние люм-планок.

(Сизиллит): Угём.

В сравнении с тем, что Хассан уже видел, зал по ту сторону гвери был маленьким — наверное, всего лишь сотню метров в длину, с низким потолком и грубыми, неотделанными стенами. На равных расстояниях друг от друга стояли прямоугольные контейнеры. Каждый отличался от других размером и формой, и был водружён на тракторный пьедестал. Некоторые были ростом с Хассана, иные же не превышали размером его кулака. Все контейнеры были

тёмными, мягко поблёскивая, как гранёный хрусталь.

(Сигиллит): До Объединения, до Раздора...

Малкагор двигался между контейнерами, словно старый, сгорбленный призрак.

(Сигиллит):...строили мы эти стены. Мы строили их на века. Лишь затем другие возвели вокруг них и над ними свои шпильки, погребая наши секреты под своими собственными. Это последнее хранилище Сигиллитов. За нами следят недрёманные стражи, нас окружают древние обереги от порчи. Здесь хранятся самые опасные и могущественные творения нашей расы. Ты должен почувствовать себя в привилегированном положении, Халиг. Немногие из людей видели эти вещи.

Двигаясь, Сигиллит делал жесты в сторону некоторых контейнеров. Их стеклянные поверхности озарялись светом, показывая предметы, которые содержались внутри. Хассану удавалось бросить на них беглый взгляд, когда они проходили мимо.

(Сигиллит): Оно до сих пор нет-нет да и вызовет у меня чувство гордости. Дворец, конечно же, принадлежит ему, он всегда был его, но! Он возведён поверх куда более древнего строения — колыбели моего родина. Это последние основания первоначальной крепости, сохранённые в недрах, реликт другой эпохи. Я помню, какой она была. Сколь немногие ныне могут это сказать. Лишь те, кто сохранился, кто вынес круговорот веков. Но мы — раскиданное братство.

Хассан увидел глинный изогнутый меч с выгравированной на нём вязью букв, книги с толстым слоем многовековой ржавчины на металлических переплётах, которые были заперты на замок и стянуты цепями; доспехи, висевшие на железных каркасах. Некоторые были невероятно древнего образца — пластины полированной стали, переслоенные кольчужной сеткой. Другие выглядели более современно, как например, грозоздкая полуразобранная силовая броня Астартес. Сигиллит задержался перед ней.

(Сигиллит): Самая первая. Такие простые принципы в сравнении с теми, что появились позже. Но насколько же эффективная!

Хассан обежал глазами другие контейнеры.

(Халид): Это оружие. Инструменты войны...

(Сигиллит): Некоторые из них.

Малкадор снова пошёл, направляясь к дальнему концу помещения.

(Сигиллит): Суть расы определяется множеством вещей. Но тере своей жизни, по тере своего взросления она создаёт предметы материальной культуры. Она вкладывает в эти вещи свой гений. Они становятся частью её души, живым памятником её духу. Мы создаем, мы мастерим, мы фортируем, мы конструируем. В этом наша суть, это то, что ставит нас особняком от животных, которые этого не могут, и от богов, которые до этого не снисходят.

Сигиллит указал на контейнер меньшего размера слева от себя. Он содержал в себе одну из тех книг,

которыми изобиловала комната.

(Сигиллит): Было время, когда этот тот управлял жизнями триллионов. Теперь он не нужен никому. Но его влияние всё ещё сохраняется, запертое глубоко в в нашем бессознательном. Я изучал его не один раз. Не будь он столь опасным, я порекомендовал бы тебе сделать то же самое.

Он улыбнулся во тьме.

(Сигиллит): "Всё счёта", -- сказал Проповедник^{[14](#)}. Вероятно, величайшая истина из всех.

Малкадор наконец остановился перед ещё одним большим прямоугольным контейнером. Он был с него ростом, хотя и шире, и оставался неосвещённым и непрозрачным.

(Сигиллит): Если Дворец над нами разрушат, сколько же будет потеряно. Дворцы появлялись и исчезали во множестве, не перечесть случившихся войн, но эти вещи -- это они богатство нашего рода. Без них мы как дети, затерянные в ночи. Брошенные на произвол

судьбы... Воистину бесприютные.

Стоявший перед ними контейнер озарился светом, являя своё содержимое. Там находился камень из Гипта. Но он изменился? С него счистили пыль, оставив блестящий мягким глянцем полировки. Хассан мог видеть на плоской поверхности слова и иероглифы, сотни их, высеченные узористыми, частыми строчками.

(Халид): Не оружие?

(Сигиллит): Нет. Не оружие. Их цель — не просто разрушить наши твердыни и наши костяческие корабли. Они стремятся уничтожить те вещи, которые делают нас тем, что мы есть. Они выискивают любое достижение и любое свидетельство успеха, и они сбрасывают их с пьедестала, стирая прошлое, ввергая нас в беспомысленность.

Он устремил свой взгляд на камень.

(Сигиллит): Я — хранитель подобных вещей. Дорн более чем способен выстроить нашу физическую оборону, моя же задача — сохранение души нашей расы.

Хассан подошёл ближе к стеклу. Он мог разглядеть контуры пиктографических

значков у верхушки каменной грани.
Некоторые из них походили на те, что он
видел на пустой придорожке.

(Халид): Что здесь сказано?

Сигиллит улыбнулся.

(Сигиллит): Это запись о древнем
покорении. Некоторые насмешки судьбы
дожидались нас тысячелетиями.

Малкадор повёл кончиком пальца
вдоль строчки текста, громко зачитывая
вслух.

(Сигиллит): "...воплощённый бог
охраняет всех тех, кто пребывает под его
царской властью. Он, будучи богом, сыном
бога и богини, подобно Хорусу, сыну Усиды
и Осириса, кто защищает своего отца..."^[15]
Хм. Подобно Хорусу, кто защищает своего
отца... Подходяще, нет?

У Хассана не получилось улыбнуться.

(Халид): Значит, вы этого и
хотели?

Сигиллит кивнул.

(Сигиллит): Ты сделал то, что от
тебя просили. Это то, что древние
называли "Розеттским Камнем". Я желал

его заполнить. Враз желал его
заполнить. Твои действия подарили нам
одну маленькую победу в противосто-
ящему валу поражений. Оно того
стоит, думаю, несмотря на цену.

Хассан прищурил глаза.

(Халиф): Зачем он ил потребовался?

(Сигиллит): О, это просто. Он
служит символом восстановления
потерянных знаний, преемственности
цивилизаций. Если бы его захватили, он
был бы уничтожен. Ничтожная потеря, ты
можешь подумать, на фоне грядущих
смертей миллиардов людей... Но я бы её
почувствовал.

Малкадор не отрывал глаз от камня.
Они влажно блестели во тьме, словно в его
груди теснилось какое-то могучее чувство.

(Сигиллит): Когда это закончится,
и если победа будет за нами, то нам
понадобятся эти предметы. Нам
надлежит помнить орудия Просвещения,
чтобы ни в коем случае не забыть, на
какой волосок мы разминувшись с
диктаторством деспотизма. Я прослежу за
этим, это станет моей задачей. Как это

всегда было моей задачей -- не дать нам забыть.

Он повернулся к Хассану.

(Сигиллит): Убо чего же мы достигнем, если победим в войне и всё же упустим из виду причину, по которой мы в ней сражались? Просвещение, понял? Прогресс! Рост, развитие во что-то лучшее! Вот то, что мы изо всех сил стараемся сохранить!

Хассан отвернул лицо и оглянулся назад, на собрание предметов.

(Халид): Вы так и не сказали мне, что я здесь делаю.

(Сигиллит): Нет. Ещё нет.

Сигиллит двинулся обратно ко входу в зал.

(Сигиллит): Угём. Есть ещё одна вещь, которую я хочу тебе показать.

По мере их продвижения подземное

зротыхание, которое Хассан слышал прежде, раздавалось всё чаще. Временами складывалось ощущение, что весь пол ходит ходуном, будто тугая, готовая лопнуть мембрана барабана.

(Халид): Что это?

Сигиллит остановился.

(Сигиллит): Я тебе говорил. Началась война. И ты невдалеке от самого её очага. Ты слышал вымыслы о том, что Император отсутствует, что он пренебрег своим долгом. Это не так. Он не забудет о нём никогда. Но он не может отлучиться, не сейчас, когда нарушена Печать.

Он стиснул губы, выражение его лица стало жёстче.

(Сигиллит): По правде сказать, я ещё не научился винить Хоруса. Возможно, что и не смогу, пока не увижу его вновь, преображённого теми силами, которыми он был поглощён... Но кого я виню, так это Магнуса. Из всех них именно он должен был понимать, что к чему... Он возлагал на Магнуса так много надежд...

Он с горечью покачал головой и снова пошёл вперёд.

(Сизиллит): Поистине, так много надежд...

Они продвигались вглубь, спускаясь по спиральным лестницам, вырубленным в естественной скале. В воздухе появился запах раскалённого металла. Они обнаружили новых кустодиев; на сверкающих доспехах некоторых из них имелись горелые отметины и глубокие пробоины. Согрозались сами стены. В конце концов они вошли в ещё один циклопический зал, который затмевал все встреченные до этого. Он уходил вверх в вековую тьму, теряясь в тенях. Чаша массивных курильниц, подвешенных на железных цепях, сияли красными углями, источая едкий запах фимиама. Здесь скопилось ещё больше кустодиев вместе с безгласными воительницами. Хассан не задержал внимания ни на ком из них. Он прикинул взглядом к главному атрибуту далёкой противоположной стены — паре массивных золотых дверей высотой с гигант "Полководец", которые покрывал

шумопотрачительный ковёр
астрологических и мифологических
символов, переплетающихся друг с другом
в буйстве позолоченных изображений
несметного множества змей, волков и
ангелов. Из-за гверей доносились
громоподобные удары. Временами
казалось, что створки едва держатся,
несмотря на свой колоссальный размер.
Хассан отпрянул, напуганный размахом
творившегося по ту сторону.

(Сигиллит): Это самый дальний
рубеж. Ты отделён от того кошмара
гюжиной подобной гверей. И всё же ты его
чувствуешь.

(Халид, напряжённо): Я не смогу
туда войти.

(Сигиллит): Нет, не сможешь.

Прикрытое капюшоном лицо
Малкадора смотрело на гверю, и его глаза
сияли во тьме.

(Сигиллит): Даже я не смогу. Эти
гверю не откроются до самого конца.

Хассан не мог отвести взгляд. Шум,
что стоял на дальней стороне, был
чуждовещным. Ему представилось, что он

уловил отголоски совершенно неземного визга и приглушенный звук разряда ужасных, нечеловеческих энергий.

(Сигиллит): Ничто из оружия, что ты мог бы мне привезти, не сравнится с задействованным там. Не было войны беспощаднее этой, и всё же никто никогда не узнает о том, что она случилась. Каким бы ужасам ни уготовано произойти в материальной вселенной, все они бледнеют в сравнении. Ты стоишь в преддверии, капитан. Вот это и будет истинная битва за душу человечества.

Хассан попытался взять себя в руки.

(Халид): И он... Он внутри?!

(Сигиллит): Да.

Хассан отшатнулся. Мысль о том, что что-то может выжить в том незримом светопредставлении, сама идея этого, казалась невозможной. Его воображение пасовало, это не утешалось в голове.

(Сигиллит): Тебе никогда не придётся пройти через эти двери, Халид. Я показываю их лишь для того, чтобы ты понимал.

Через какое-то время он отвернулся и пошёл прочь. Хассан следовал за ним по пятам.

(Сигиллит): Пока что я тоже остаюсь на этой стороне, предпринимая всё, что должно быть предпринято для сохранения наследия нашей расы. Но придёт время, и мне придётся отложить эти вещи в сторону и совершить выбор. Когда этот момент наступит, моё дело подхватят другие. [вздыхает] Утак... Позволь рассказать, зачем я в действительности призвал тебя в это место.

Сигиллит посмотрел на Хассана. Его взгляд был едва ли не тучительным в своей пронзительности.

(Сигиллит): Наряду с катнями я собираю людей. Я собираю чистые души, способные восстановить то, что непременно будет утеряно. Некоторые из них воины, другие — мастера по части шпионических возможностей, иные же... просто смертные. Они все будут нужны. Им предстоит стать моими Избранными, сердцем грядущих великих дел. Я

нуждаюсь в агентах Хранилища, в последователях, которые защитят сокровища, когда этого не смогу сделать я. Мне требуются люди, которые сберегут пламень Просвещения и сдержат натиск зла. Извечная цепь не должна прерваться! Даже если так будет с моей жизнью!

Сигиллит остановился.

(Сигиллит): Ты присоединишься ко мне, Халид? вступишь в это братство?

Когда вопрос был задан, Хассан удивился сам себе. Он не колебался. Внезапно пришло ощущение правильности, словно этот вопрос дожидался его всю его жизнь.

(Халид): Это мой долг. Я сделаю всё, что вы скажете.

(Сигиллит): Это не приказ, капитан. Приказы — это для воителей и примархов, я же просто создаю возможности. Но я рад.

Малкадор двинулся было прочь, но Хассан остался стоять на месте.

(Халид): Прошу прощения...

Хассан оглянулся через плечо на сотрясающиеся золотые двери.

(Халид): ... вы сказали, что вам придётся совершить выбор. Позвольте...
Могу я спросить...

(Сигиллит): Каков он?

Сигиллит улыбнулся, но изгиб его губ был горьким, словно он размышлял над целой жизнью напрасных надежд.

(Сигиллит): У всех нас свои страхи, Халид.

И тогда, взглядев на старческое лицо этого человека, Хассан в первый раз не ощутил ни излучаемой им гигантской мощи, ни груза сокровенной мудрости. Он видел уязвимость. Он видел ужас.

(Сигиллит, вздыхая): Но ничего не предрешено. По-прежнему остаётся надежда. Надежда остаётся всегда.

Затем он двинулся прочь, вышагивая обратно в катакомбы, кляца о камень концом своего посоха. Хассан следил за тем, как он уходит — Регент Терры, повелитель бессчётных миллиардов Империи и карающая длань Императора. И в этот миг, по крайней мере для него, Сигиллит не был похож ни на одного из этих персон. В этот миг Халид

Хассан, ранее член Четвёртого Тайного
Подразделения, ныне же --- Избранный
Малкадора, видел в нём всего лишь
старика, измотанного целой вечностью
служения, который ковыляя уходил во
тьму. Хассан ощутил титанический укол
жалости, затем он встряхнулся и
поспешил вслед за Сигиллитом. Он не
оглядывался назад, на запечатанные ворота
в ад, а держал курс наверх, к золочёным
террасам Дворца Императора. Там,
наверху, получится забыть рваный визг
ужасной битвы, что свирепствовала в
недрах. Там, наверху, по-прежнему будет
светить солнце --- по крайней мере, ещё
какое-то время.

КОНЕЦ

notes

Экклезиаст, "Проповедник"

основано на английской версии
перевода демотического текста
"Розеттского декрета", в частности "...like
Horus son of Isis and Osiris, who protects
his father..."

В своих последних книгах автор недвусмысленно описывает знак Малкадора как "глаз", а не "J" (хотя его "официальное" изображение объединяет оба этих символа).

англ. "Warsingers", в русской версии
книг серии фигурировали как "Девы
Бумвы".

англ. Devourers, телохранители
Ангрона.

Точки Лагранжа — пять точек в системе из двух массивных тел, в которых третье тело с пренебрежимо малой массой может оставаться неподвижным относительно этих тел, поскольку тяготение уравновешивается центробежной силой. Что касается системы "Земля-Луна", то в случае четвёртой и пятой точек помещённые в них тела находятся в состоянии устойчивого равновесия, поэтому авторы, работающие в жанре научной фантастики, иногда располагают в них большие орбитальные конструкции или их скопления (кластеры).

Тендер — здесь: небольшое судно для перевозки войск или грузов на небольшие расстояния.

Герса (истор., англ. portcullis) ---
опускная решётка крепостных ворот.

Ср. лат. *secludo* --- заперать
отдельно, отделять, а также англ.
seclusion --- уединение, изоляция.

фазовое железо --- пси-стойкая
металлическая субстанция, которая,
находясь в контакте с телом псайкера,
причиняет ему боль при малейшем
использовании псионических способностей
(Дж. Своллоу, "Вера и Пламя").

Хускарлы	(истор.)	---	личные
охранники	конунгов	и	прочих
скандинавских вождей.			

Ср. лат. *sancta sanctorum* --- "святая святых".

Микровыражение --- короткое
непроизвольное выражение, появляющееся
на лице человека, пытающегося скрыть
или подавить эмоцию.

В оригинальном произношении:
Робѹт Гѹллитан

На слух нельзя исключить
вариант "стилизированный глаз" (eye вместо
J)